

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

ПЬЕСЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

РА
ПОС

8/80

V

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

РАБИНДРАНАТА ТАГОРА

(RABINDRANATH TAGORE)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

T 13

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

П Ь Е С Ы

И СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

ПЕРЕВОДЫ В. В. ГИППИУСА,
Д. П. НОСОВИЧА, А. Д. ОНОШ-
КОВИЧ-ЯЦЫНА, ПОД РЕДАКЦИЕЙ
СТ. ВОЛЬСКОГО И К. ЧУБОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

Инстит. Красн. Профес.

Куб. 38958/80

МОСКВА — ПЕТРОГРАД — МСМХХІІІ

ОЗВРАТА КНИГИ.

Настоящее издание отпечатано в
типографии Первой Петроградской
Трудовой Артели Печатников (Мо-
ховая, 40) в количестве 4150 экз.
Петрооблит № 6327.—Гиз № 3345.

ПЬЕСЫ И СТИХИ:

- 1) Жертвоприношение
- 2) Царь темного покоя
- 3) Саниаси
- 4) Садовник

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ
SACRIFICE

ХРАМ В ТИППЕРЕ

Входит Гунавати, царица.

Гунавати. Неужели я обидела тебя, грозная мать? Ты даруешь детей нищей, которая торгует ими, чтоб жить, и прелюбодейке, которая убивает их, чтоб спастись от позора, а я, царица, у ног которой лежит весь мир, напрасно молю, чтобы забился у меня под сердцем младенец и я почувствовала в недрах своей жизни трепет другой жизни, более драгоценной. Что за грех совершила я, мать, чем повлекла я изгнание с неба материнства?

Входит Рагупати, жрец.

О учитель, была ли я когда-нибудь нерадивой в моих молениях? И муж мой не подобен ли богу в своей чистоте? Почему же богиня, которая плетет паутину этой мировой грезы, указала мне место в безотрадной пустыне неплодия?

Рагупати. Наша мать своенравна, она не ведает законов и по прихоти сердца ниспосылает она нам печали и радости. Имей терпение, дочь, сегодня мы принесем особую жертву от твоего имени, чтоб угодить ей.

Гунавати. Прими благодарение мое, отец. Мои приношения уже на пути к храму—красные пучки мальвы и жертвенные животные.

(Уходят).

Входят Говинда, царь, Джебзинг, прислужник храма, и Апарна, нищая девушка.

Джебзинг. Что ты желаешь, господин?

Говинда. Правда ли, что любимый козленок этой бедной девушки был силой приведен в храм для заклания? Примет ли мать милостиво такой дар?

Джезинг. Царь, как мы можем знать, откуда наши слуги собирают ежедневные приношения? Но, мое дитя, зачем эти слезы? Достойно ли тебе проливать слезы о том, что взяла сама мать?

Апарна. Мать! Я—его мать. Если я поздно возвращаюсь в мою хижину, он отказывается от травы и блеет, устремив глаза на дорогу. Я беру его на руки, когда прихожу, и делю с ним мою пищу. Он не знает другой матери, кроме меня.

Джезинг. Господин, если б я мог снова оживить козленка, отдав часть моей жизни, я бы сделал это с радостью. Но как я могу возратить то, что взяла сама мать!

Апарна. Мать взяла? Это ложь! Не мать, а—дьявол.

Джезинг. О, богохульство!

Апарна. Мать, ты здесь для того, чтоб отнять у бедной девушки ее любовь? Где же тогда трон, перед которым обвинить тебя? Скажи мне, царь.

Говинда. Я молчу. мое дитя. У меня нет ответа.

Апарна. Не его ли эта струйка крови, стекающая со ступеней? О, мой милый, когда ты дрожал и жалобно блеял, расставаясь с жизнью, почему твой зов не донесся до моего сердца через весь этот безжалостный мир?

Джезинг (к изображению). Я служил тебе с детства, мать Кали, все же я не понимаю тебя. Или жалость знакома только слабым смертным, но не богам? Пойдем со мною, мое дитя, позволь мне сделать для тебя все, что я могу. Помощь должна идти от человека, если в ней отказывают боги.

Джезинг и Апарна уходят. Входят Рагупати, Накшатра, брат царя, и придворные.

Все. Да будет царю победа!

Говинда. Знайте все, что я запрещаю пролитие крови в храме с сегодняшнего дня и навсегда.

Министр. Ты запрещаешь жертвоприношение богине?

Полководец Наян-Рай. Запрещаешь жертвоприношение?

Накшатра. Как ужасно! Запрещаешь жертвоприношение!

Рагупати. Это сон?

Говинда. Не сон, отец. Это пробуждение. Мать пришла ко мне в образе девушки и сказала, что она не выносит крови.

Рагупати. Она пила кровь веками. Откуда это внезапное отвращение?

Говинда. Нет, она никогда не пила крови. Она отвращала от нее свое лицо.

Рагупати. Я предупреждаю тебя, подумай и взвесь свои слова. У тебя нет власти изменять законы, установленные писанием.

Говинда. Слова бога выше всех законов.

Рагупати. Не присоединяй гордыни к твоему безумью. Неужели ты осмеливаешься сказать, что ты один слышал слова бога, а не я?

Накшатра. Странно, что богов слышал царь, а не жрец.

Говинда. Слова бога всегда звучат в мире, но кто намеренно глух, тот не может слышать их.

Рагупати. Безбожник! Вероотступник!

Говинда. Отец! иди на утреннее богослужение и объяви всем верующим, что отныне пролившая кровь живых существ в жертву матери всего живущего будут наказываться изгнанием.

Рагупати. Это твое последнее слово?

Говинда. Да.

Рагупати. Будь проклят тогда! Не воображаешь ли ты в твоей безграничной гордыне, что богиня, пребывающая в твоей стране, твоя подданная? Не надеешься ли связать ее твоими законами и лишить ее прав? Ты не сделаешь этого никогда! Я заявляю это—я, ее слуга.

(Уходит).

Наян-Рай. Прости меня, господин, но имеешь ли ты на это право?

Министр. Царь, разве уже поздно отменить твой приказ?

Говинда. Мы не смеем откладывать искоренение греха в нашем царстве.

Министр. Грех не мог бы существовать так долго. Могут ли быть греховными обряды, которые успели составить у ног богини?

(Царь молчит).

Накшатра. Действительно, они не могут быть греховными.

Министр. Наши предки выполняли эти обряды с благоговением; можешь ли ты решиться оскорбить их?

(Царь продолжает молчать).

Наян-Рай. Имеешь ли ты право изменять то, что освящено веками?

Говинда. Довольно сомнений и споров! Идите и огласите мой приказ по всем моим землям.

Министр. Но, господин, царица принесла свою жертву для сегодняшнего богослужения; жертва у ворот храма.

Говинда. Отошлите жертву назад.

(Уходит).

Министр. Что это?

Накшатра. Неужели мы опустимся до буддистов и станем обращаться с животными так, как-будто они имеют права на жизнь? Невероятно!

Все уходят. Входит Рагупати. Джезинг сопровождает его с кувшином воды, чтоб омыть ему ноги.

Джезинг. Отец!

Рагупати. Ступай!

Джезинг. Вот вода.

Рагупати. Не нужно.

Джезинг. Вот твои одежды.

Рагупати. Убери их!

Джезинг. Я обидел тебя чем-нибудь?

Рагупати. Оставь меня одного. Тени зла сгустились. Царский трон подымает свою дерзкую голову над алтарем храма. Вы, боги нашего жалкого времени, неужели вы готовы подчиняться законам царя, склоняя чело и низкопоклонствуя перед ним подобно его царедворцам? Неужели достаточно союза людей и демонов, чтоб завладеть владениями богов в этом мире, и неужели небо бессильно защитить свою честь? Но, если боги бездействуют, остаются брамины; и царский трон только добавит масла в жертвенный огонь их гнева. Дитя мое, моя душа полна тревоги.

Джезинг. Что-нибудь случилось, мой отец?

Рагупати. Я не могу найти слов, чтоб рассказать. Спроси мать богиню, которую унизили.

Джезинг. Унизили? Кто?

Рагупати. Царь Говинда.

Джезинг. Царь Говинда унизил мать Кали?

Рагупати. Унизил тебя и меня, всё писание, все страны, все времена, унизил самое Махакали, богиню бесконечного потока времени, унизил Говинда, восседающий на своем жалком маленьком троне.

Джезинг. Царь Говинда?

Рагупати. Да, да, твой царь Говинда, любимец твоего сердца! Неблагодарный! Я отдал всю мою любовь, чтоб вырастить тебя, и все же царь Говинда дороже тебе, чем я.

Джезинг. Дитя протягивает руки к полному месяцу, сидя на коленях у отца. Ты—мой отец, а мой месяц—царь Говинда. Так, значит, правда то, что я слышал в народе, что царь запретил жертвоприношение в храме? Но в этом мы не можем ему повиноваться.

Рагупати. Ослушникам назначено изгнание.

Джезинг. Не так уж ужасно быть изгнанным из страны, где поклонение матери не воздается так, как подобает. Нет, пока я жив, служба в храме будет совершаться по всем положенным обрядам.

(Уходят).

Входит Гунавати и ее слуга.

Гунавати. Что ты говоришь? Жертва царицы ото-слана обратно от ворот храма? Неужели нашелся в этой стране человек о двух головах, дерзнувший помыслить о такой вещи? Кто этот обреченный?

Слуга. Я боюсь назвать его.

Гунавати. Боишься назвать его, когда я спрашиваю тебя! Кого ты боишься больше меня?

Слуга. Прости меня.

Гунавати. Еще вчера вечером придворные певцы пели мне хвалу, брамины благословляли меня, слуги безмолвно ловили налету мои приказания. Что могло случиться за это время, что все пошло наыворот? Богине отказывают в поклонении, а царице в послушании? Или Трипура страна сновидений! Передай мой привет жрецу и попроси его прийти.

Слуга уходит. Входит Говинда.

Гунавати. Ты слышал, царь? Мои приношения ото-сланы обратно от храма матери.

Говинда. Я это знаю.

Гунавати. Ты знаешь и терпишь такое оскорбление?

Говинда. Я прошу о прощении для преступника.

Гунавати. Я знаю, царь, твое сердце милосердо, но это не милосердие, это—слабость. Если твоя доброта связывает тебя, предоставь наказание мне. Только скажи мне—кто он.

Говинда. Это—я, моя царица. Мое преступление не в чем ином, как только в том, что я причинил тебе боль.

Гунавати. Я не понимаю тебя.

Говинда. С сегодняшнего дня пролитие крови в храмах богов запрещено в моей стране.

Гунавати. Кто его запрещает?

Говинда. Сама мать.

Гунавати. Кто это слышал?

Говинда. Я.

Гунавати. Ты! Мне смешно. Царица всего мира приходит к воротам трипурского царя со своей просьбой!

Говинда. Не с просьбой, а с горем.

Гунавати. Твое владычество не распространяется на храм. Не посылай твоих приказаний туда, где они дерзновенны.

Говинда. Приказание не мое, а матери.

Гунавати. Если ты не колеблешься в твоем решении, то, по крайней мере, не препятствуй моей вере. Дай мне свершить мои молитвы так, как я привыкла.

Говинда. Я обещал богине не допускать жертвоприношений живых существ в ее храме, и я должен выполнить это.

Гунавати. Я тоже обещала Богине триста козлят и сто буйволов, и я выполню это. Теперь ты можешь меня оставить.

Говинда. Как тебе угодно.

(Уходит).

Входит Рагупати.

Гунавати. Мои дары отосланы обратно, отец!

Рагупати. Приношения самого оборванного нищего не менее драгоценны, чем твои, царица. Но несчастье в том, что ограблена мать. Несчастье в том, что царская гордость разрастается в надутое чудовище, которое встает между людьми и божественным милосердием, уставив на верующих свои злые красные глаза.

Гунавати. Что выйдет из всего этого, отец?

Рагупати. Это знает только та, которая созидает мир своими снами. Но бесспорно, что трон, бросающий тень на altar матери, лопнет как пузырь и исчезнет в пустоте.

Гунавати. Спаси нас, отец.

Рагупати. Ха, ха! Мне ли спасать тебя, тебя, супругу царя, который царствует на земле и на небе, перед кем боги и брамины должны... О, стыд! О, ужасный век, когда бессильное проклятие брамина падает на него же, чтоб замучить его до безумия.

(Хочет разорвать свой жертвенный пояс).

Гунавати (удерживая его руку). Сжался надо мной!

Рагупати. Тогда отдай браминам то, что принадлежит им по праву.

Гунавати. Да, я это сделаю. Иди, учитель, свершай свои моления, и ничто не помешает тебе.

Рагупати. Твоя милость подавляет меня. Одним взглядом твоих очей боги спасены от бесчестия и брамины возвращены к своим священным обязанностям. Богатей, полней телом, возрастай в красоте, пока не придет страшный день суда.

(Уходит).

Царь Говинда возвращается.

Говинда. Моя царица, тень от твоих разгневанных бровей закрывает свет в моем сердце.

Гунавати. Ступай! Не приноси проклятия этому дому.

Говинда. Женская улыбка снимает всякое проклятие с дома, ее любовь—милость бога.

Гунавати. Ступай и никогда больше не показывайся мне.

Говинда. Я вернусь, моя царица, когда ты вспомнишь обо мне.

Гунавати (припав к ногам царя). Прости меня, Царь! Неужели ты стал так жесток, что не уважаешь женской гордости? Разве ты не знаешь, возлюбленный, что обиженная любовь принимает личину гнева?

Говинда. Я бы умер, если б потерял веру в тебя. Я знаю, моя любовь, что тучи только на мгновение, а солнце светит во все дни.

Гунавати. Да, тучи пройдут, громы богов вернутся на свое место, и под лучами вечного солнца оживут вечные обычаи. Да, мой царь, прикажи, чтоб браминам вернули их права, богине—ее приношения, а царскую власть возвратили в ее земные пределы.

Говинда. Нарушать вечное добро не есть право браминов. Кровь живого существа не есть приношение для богов. А царь так же, как и крестьянин, в праве защищать истину и справедливость.

Гунавати. Я падаю ниц перед тобою; я молю у твоих ног. Обычай, который жил века, не может быть в распоряжении царя. Подобно воздуху небесному, он принадлежит всем людям. И все же твоя царица, сложив молитвенно руки, от имени твоего народа молит тебя вернуть его. И неужели можешь ты хранить молчание, гордый человек, отказывая молению любви во имя сомнительного долга? Тогда уходи, уходи, уходи от меня.

(Уходит).

Входят Рагупати, Джезинг и Наан-Рай.

Рагупати. Полководец, всем известна твоя преданность матери.

Наан-Рай. Преданность эта текла в жилах моих предков.

Рагупати. Пусть эта священная любовь ниспошлет тебе неукротимое мужество. Пусть сделает она твой меч могущественным как божий гром и вознесет его превыше всех держав, всех сил этого мира.

Наан-Рай. Благословения брамина никогда не остаются бесплодными.

Рагупати. Тогда я повелеваю тебе собрать своих солдат и разбить в прах врага матери.

Наан-Рай. Скажи мне, отец, кто враг?

Рагупати. Говинда.

Наан-Рай. Наш царь?

Рагупати. Да, ударь на него со всей твоей силой.

Наан-Рай. Это плохой совет. Отец, ты хочешь меня испытать?

Рагупати. Да, я хочу испытать тебя, чтобы наверное знать, чей ты слуга. Оставь колебания! Знай, что когда зовет богиня, все земные узы должны быть расторгнуты.

Наан-Рай. В моей душе нет колебаний. Я твердо стою на посту, который вверила мне моя богиня.

Рагупати. Ты—храбр.

Наан-Рай. Разве я самый низкий из слуг матери, что мне приказывают стать предателем? Власть богини зиждется на верности человеческого сердца,—может ли она требовать, чтоб я нарушил эту верность? Ведь тогда сегодня падает во прах царь, а завтра падает во прах сама богиня.

Джезинг. Благородные слова.

Рагупати. Царь, который предал мать, потерял право на твою верность.

Наан-Рай. Отец, не увлекай меня в пустыню споров. Я знаю только один путь—прямой путь верности и правды. Этот глупый слуга матери никогда не отступит с дороги чести.

(Уходит).

Джезинг. Будем и мы тверды в нашей вере как он, учитель! Зачем искать помощи у солдат? Внутри нас есть сила для подвига, ниспосланного нам свыше. Открой широко ворота храма, отец. Звони в набат. Сюда, сюда, о горожане, придите поклониться той, что освобождает наши сердца от страха. Сюда, дети матери!

Входят горожане.

Первый горожанин. Сюда, сюда, нас зовут.
Все. Да будет победа матери!

(Поют и пляшут).

Грозная мать пляшет нагая на поле битвы,
Ее жадно протянутый язык пылает, как красное пламя,
Ее темные косы летают по небу, сметая солнце и звезды.
Красные потоки крови текут с ее черных, как тучи, рук и ног.
И мир трещит и содрогается под ее тяжелой поступью.

Джезинг. Вы видите жертвенных животных, которых ведут к храму слуги парицы?

(Крики).

Да будет матери победа! Да будет парице победа!

Рагупати. Джезинг, поспеши и приготовь все для богослужения.

Джезинг. Всё готово, отец.

Рагупати. Пошли от моего имени за князем Накшатрой.

(Джезинг уходит. Горожане поют и пляшут).

Входит Говинда.

Говинда. Замолчи, Рагупати! Ты осмеливаешься пренебрегать моим приказом?

Рагупати. Да.

Говинда. Тогда ты не годишься для моей страны.

Рагупати. Нет, моя страна там, где корона царя побывает прах. Горожане! Пусть приношения матери внесут сюда.

Говинда. Замолчи! (К слугам). Позовите ко мне полководца! Рагупати, ты заставляешь меня звать солдат на защиту божественных прав. Я чувствую весь позор этого, ибо сила рук только обнаруживает слабость человека.

Рагупати. Маловер, неужели ты так твердо убежден, что брамины потеряли древний огонь священного гнева? Нет, этот огонь вырвется из моего сердца и испепелит твой трон. Если же нет, то я брошу в огонь писание, и мою браминскую гордость, и всю бесстыдную ложь, наполняющую наш храм под видом божества.

Входят полководец Наан-Рай и Шандпал, его помощник.

Говинда. Стойте здесь с солдатами, чтоб не допустить жертвоприношения в храме.

Наан-Рай. Прости меня, господин. Слуги царя бесильны в храме бога.

Говинда. Полководец, не твое дело обсуждать мой приказ. Ты должен исполнять мои приказания. Их достоинства и недостатки ложатся только на меня.

Наян-Рай. Я твой слуга, мой царь, но прежде всего я—человек. У меня есть разум и есть вера. У меня есть царь, но есть также и бог.

Говинда. Тогда передай твой меч Шандпалу. Он охранит храм от пролития крови.

Наян-Рай. Почему Шандпалу? Этот меч был дан моим прародителям твоими царственными предками. Если ты хочешь получить его обратно, я отдам его тебе. О, предки мои, пребывающие в раю героев, будьте свидетелями,—я возвращаю моему царю меч, который вы освятили своей преданностью и храбростью.

(Уходит).

Рагупати. Проклятие браминов начало свое дело.

Входит Джезинг.

Джезинг. Животные готовы для жертвоприношения!

Говинда. Жертвоприношения?

Джезинг. Царь, выслушай мою настойчивую мольбу. Ты—человек, не преграждай же пути богине!

Рагупати. Стыдись, Джезинг. Встань и проси у меня прощения. Я—твой учитель. Твое место у моих ног, а не у ног царя. Глупец, ты просишь согласия царя на служение богу! Предоставь служению и жертвоприношению идти своим чередом. Подождем и посмотрим, что станется в конце концов с его гордостью. Идем отсюда.

(Уходят).

Входит Апарна.

Апарна. Где Джезинг? Его здесь нет, здесь только ты—статуя, которую ничто не может тронуть. Ты отнимаешь у нас лучшее, не произнося ни слова. Мы томимся по любви и умираем нищими от недостатка ее. Но к тебе она приходит незваная, хотя ты не нуждаешься в ней. Подобно могиле, ты жадно прячешь ее под плитой, не давая к ней прикоснуться жаждущим. Джезинг, что за счастье дает она тебе? Что может она сказать тебе? О, мое сердце, мое изголодавшееся сердце!

Входит Рагупати.

Рагупати. Кто ты?

Апарна. Я—нищая. Где Джезинг?

Рагупати. Уходи отсюда сейчас же. Я знаю, ты рыщешь возле храма, чтоб отнять сердце Джезинга у богини.

Апарна. Неужели богиня может бояться меня? Ведь это она внушает мне страх.

(Уходит).

Входят Джезинг и князь Накшатра.

Накшатра. Зачем ты меня позвал?

Рагупати. Прошлой ночью богиня сказала мне во сне, что ты станешь царем в течение недели.

Накшатра. Ха, ха, вот это действительно новость!

Рагупати. Да, ты будешь царем.

Накшатра. Я не могу этому поверить.

Рагупати. Ты сомневаешься в моих словах?

Накшатра. Я не хочу в них сомневаться. Но представь себе, что по какой-нибудь случайности этого никогда не произойдет?

Рагупати. Нет, это исполнится.

Накшатра. Но, скажи мне, как это может исполниться?

Рагупати. Богиня жаждет царской крови.

Накшатра. Царской крови?

Рагупати. Ты должен принести эту кровь богине, прежде чем станешь царем.

Накшатра. Я не знаю, где ее взять!

Рагупати. Есть царь Говинда... Тихо, Джезинг... Ты понимаешь,—убей его тайно. Принеси его кровь еще теплую к алтарю.—Джезинг, оставь нас, если ты не можешь быть спокойным.

Накшатра. Но он мой брат, и я люблю его.

Рагупати. Тем драгоценнее будет твоё жертвоприношение.

Накшатра. Но, отец, я рад остаться тем, чем я есть. Мне не нужно царства.

Рагупати. Для тебя нет выбора, если богиня повелевает. Она жаждет крови из царского дома. Если твой брат останется жив, то должен умереть ты.

Накшатра. Скажись надо мной, отец.

Рагупати. Ты не будешь волен ни в жизни, ни в смерти, пока ее приказание не исполнено.

Накшатра. Научи меня тогда, как это сделать.

Рагупати. Жди в молчании. Я скажу тебе, что делать, когда настанет время. А теперь ступай.

(Накшатра уходит).

Джезинг. Что я слышу! Милосердая мать, неужели

таково твое приказание? Ты требуешь, чтобы брат убил брата. Учитель, как ты мог сказать, что это желание матери?

Рагупати. Нет другого средства, кроме этого, чтоб послужить моей богине.

Джезинг. Средства? Почему средства? Мать, не у тебя ли в руке меч, которым ты управляешь? Почему твое желание должно скрываться под землей, тайно крадучись? О, грех!

Рагупати. Что ты знаешь о грехе?

Джезинг. То, чему я научился у тебя!

Рагупати. Тогда снова выучи от меня свой урок. В действительности, говорить о грехе—бессмысленно. Убить—только и значит убить; это не есть грех и не есть что бы то ни было иное. Разве ты не знаешь, что пыль этой земли состоит из бесчисленных убийств? Древнее время вечно пишет кровавыми буквами летопись преходящей жизни созданий. Убийство существует в пустыне, в жилище человека, в птичьем гнезде, у насекомых, в море и в небе; есть убийство ради жизни, есть убийство для забавы, есть убийство из-за ничего. Мир, это—безостановочное убийство; и великая богиня Кали, душа вечно изменчивого времени, стоит с языком, жадно высунутым изо рта, с чашей в руках, в которую стекает красная живая кровь мира, как сок раздавленных виноградных гроздьев.

Джезинг. Постой, учитель! Тогда любовь—обман, и милосердие—насмешка, и единственная истинная вещь от начала века, это—сладострастие уничтожения? Не уничтожило ли бы оно себя давным давно? Ты играешь моим сердцем, учитель. Взгляни туда,—она смотрит на меня со своей милой насмешливой улыбкой.—Моя кровожадная мать, примешь ли ты мою кровь? Должен ли я вонзить этот нож в мою грудь и навеки положить конец жизни твоего ребенка? Неужели живая кровь, текущая в этих венах, так сладостна для тебя? О, моя мать, моя кровожадная мать!—Учитель, ты звал меня? Я знаю, ты хотел, чтоб сердце мое разорвало свои узы, и мука моя излилась у ног матери. Вот это—истинное жертвоприношение! Но царская кровь? Мать, жаждущую нашей любви, ты обвиняешь в кровожадности!..

Рагупати. Тогда пусть прервут жертвоприношение в храме.

Джезинг. Да, пусть его прервут. Нет, нет, учитель, ты знаешь, что правда и что неправда. Законы сердца—не законы писания. Глаза не видят своим собственным светом,

свет должен приходить извне. Прости меня, учитель, прости мое невежество. Скажи мне, отец, неужели правда, что богиня ищет царской крови?

Рагупати. Увы, дитя, ты потерял свою веру в меня!

Джезинг. Мой мир построен на моей вере в тебя. Если богине нужна царская кровь, позволь мне принести ей эту кровь. Я никогда не позволю брату убить брата.

Рагупати. Но не может быть дурного в исполнении желаний бога.

Джезинг. Нет, это хорошо, и я хочу, чтоб эта заслуга была моей.

Рагупати. Но, мой мальчик, я воспитал тебя с детства, и ты стал близок моему сердцу. Я не в силах потерять тебя, ни за что на свете!

Джезинг. Я не позволю греху осквернить твою любовь ко мне. Освободи князя Накшатру от его обещания.

Рагупати. Я подумаю и решу завтра.

(Уходит).

Джезинг. Поступки, как бы они жестоки ни были, лучше, чем ад размышлений и сомнений. Ты прав, мой учитель, истинны твои слова. Убить не грех, убить брата не грех, убить царя не грех. Куда вы идете, мои братья? На базар в Нишапур? Там будут плясать женщины. О, этот мир хорош! И пляшущие ноги девушек прекрасны! С какой беспечной веселостью стремились толпы по дорогам, и небо звенело от их смеха и пения! Я пойду за ними.

Входит Рагупати.

Рагупати. Джезинг!

Джезинг. Я тебя не знаю. Я уйду с толпой. Зачем останавливать меня? Ступай своей дорогой!

Рагупати. Джезинг!

Джезинг. Передо мной прямая дорога. С кружкой для милостыни в руке, с нищей девушкой вместо подруги, я пойду вперед. Кто говорит, что пути мира тяжелы? Так или иначе мы достигаем конца—конца, где больше нет ни законов, ни правил, где все ошибки и обиды жизни забыты, где покой, вечный покой. На что писание, учитель, указания? Мой учитель, мой отец, что за безумные слова я говорю? Я жил во сне. Вот стоит храм, жестокий, непоколебимый как истина. Что ты приказал, мой учитель? Я не забыл твоего приказания. (Вынимает нож). Я оттачиваю твои слова в моей душе, пока они не станут острыми как этот нож. Есть у тебя другие приказания для меня?

Рагупати. Мой мальчик, мой милый, как выразить мне всю глубину моей любви к тебе?

Джезинг. Нет, учитель, не говори мне о любви! Позволь мне думать только о долге. Любовь — как зеленая трава, как деревья, как музыка жизни — только на поверхности мира. Она приходит и исчезает, как сон. Но в глубине есть долг, подобный груде камней; он лежит словно огромная тяжесть, которую ничто не может сдвинуть.

Уходят. Входят Говинда и Шандпал.

Шандпал. Господин, я предупреждаю тебя, будь осторожен.

Говинда. Почему? Что ты хочешь сказать?

Шандпал. Я подслушал заговор против твоей жизни.

Говинда. Кому нужна моя жизнь?

Шандпал. Я боюсь сказать тебе, чтоб мои слова не были для тебя смертельнее ножа. Это князь Накшатра, который...

Говинда. Накшатра!

Шандпал. Он обещал Рагупати принести богине твою кровь.

Говинда. Богине? Тогда я не могу осуждать его! Потому что человек теряет свою человечность, когда дело касается его богов. Иди по своим делам и оставь меня одного.

(Шандпал уходит).

Говинда (к изображению). Прими эти цветы, богиня, и пусть твои создания живут мирно. Мать, слабые в этом мире так беспомощны, а сильные так жестоки. Жадность не знает пощады, невежество слепо, а гордость не обращает внимания, когда под ее ногой гибнут малые. Мать, не подымай твоего меча и не жаждай крови; не восстанавливай брата против брата и женщину против мужчины. Если ты желаешь, чтоб меня поразила рука того, кого я люблю, пусть это свершится. Потому что греху надлежит созреть до наивысшего своего безобразия, прежде чем он может распасться и погибнуть отвратительной смертью. Когда братская рука прольет кровь царя, тогда кровавая похоть разоблачит свой дьявольский лик и сбросит личину богини. Если таково твое желание — я склоняюсь перед ним.

Вбегает Джезинг.

Джезинг. Скажи мне, богиня, действительно ли ты

хочешь царской крови? Попроси ее сама, своим собственным голосом, и ты ее получишь!

Голос. Я хочу царской крови!

Джезинг. Царь, читай свою последнюю молитву, так как пробил твой час.

Говинда. Что заставляет тебя так говорить, Джезинг?

Джезинг. Разве ты не слышал, что сказала богиня?

Говинда. Это была не богиня. Я слышал знакомый голос Рагупати.

Джезинг. Голос Рагупати? Нет, нет! Не толкай меня от сомнения к сомнению! В конце концов, все равно, исходит ли голос от богини, или от моего учителя. (Он обнажает нож и отбрасывает его). Внемли воплю твоих детей, мать! Пусть приношением тебе будут цветы, прекрасные цветы — довольно крови! Эти пучки мальвы тоже красны как кровь. Они выросли из сердца земли, скорбящей об избииении своих детей. Прими их! Ты должна принять их. Я не боюсь твоего гнева. Ты больше никогда не получишь крови. Распалай свои глаза красным пламенем ярости! Подымай свой меч! Призывай твоих духов разрушения! Я не боюсь тебя! Царь, оставь этот храм богини и ступай к твоим людям.

(Говинда уходит).

Увы, увы! В одно мгновение я отдал все, что имел, — моего учителя, мою богиню.

Входит Рагупати.

Рагупати. Я все слышал! Изменник, ты предал своего учителя.

Джезинг. Накажи меня, отец.

Рагупати. Какого наказания ты хочешь?

Джезинг. Возьми у меня жизнь.

Рагупати. Нет, это ничто. Дай клятву, прикасаясь к ногам богини.

Джезинг. Я прикасаюсь к ее ногам.

Рагупати. Говори: „Я принесу царскую кровь на алтарь богини, прежде чем наступит полночь“.

Джезинг. „Я принесу царскую кровь на алтарь богини, прежде чем наступит полночь“.

Они уходят. Входит Гунавати.

Гунавати. Я ошиблась. Я думала, что он уступит, если я буду жестока и холодна в течение нескольких дней. Так верила я в свою силу, тщеславная женщина! Я упрямо

гневалась и держалась вдали от него; но напрасно. Женский гнев как блеск алмаза: он сверкает, но не жжет. Я хотела бы, чтобы подобно грому он разразился над домом царя, спугнул его сон и поверг его гордыню во прах.

Входит мальчик Друва.

Гунавати. Куда ты идешь?

Друва. Меня позвал царь.

(Уходит).

Гунавати. Вот идет любимец царского сердца. Он похитил у моих нерожденных детей любовь их отца, завладел их правом на первое место в царском сердце. О, мать Кали, мир творений твоих бесконечен и полон чудес! По милостивой прихоти твоей, пошли младенца в мои объятия! Пошли маленький, теплый живой комочек мяса, копошащийся у меня на коленях, и я принесу тебе в жертву все, что ты захочешь.

Входит Накшатра.

Князь Накшатра, почему ты поворачиваешь назад? Я только слабая и безоружная женщина. Неужели я так страшна?

Накшатра. Не зови меня.

Гунавати. Почему? Что в этом дурного?

Накшатра. Я не хочу быть царем.

Гунавати. Отчего ты так взволнован?

Накшатра. Пусть царь живет долгие годы, а я умру князем, каким я есть.

Гунавати. Умирай, пожалуй; разве я когда-нибудь возражала против этого?

Накшатра. Тогда скажи мне, чего ты хочешь от меня?

Гунавати. Вор, похищающий короны, ждет тебя,—убери его прочь. Ты понимаешь?

Накшатра. Понимаю, но кто же вор?

Гунавати. Мальчик Друва! Разве ты не видишь, что он растет у царя на руках? Наступит день, и он дорастет до короны.

Накшатра. Да, я часто думал об этом. Я видел, как брат, играя, одевал корону на голову мальчика.

Гунавати. Игра с короной—опасная игра. Если ты не убережешь игрока прочь, он сделает из тебя игрушку.

Накшатра. Да, это мне не нравится.

Гунавати. Принеси его в жертву Кали. Разве ты не слышал, что мать жаждет крови?

Накшатра. Но сестра, это не мое дело.

Гунавати. Глупец, можешь ли ты чувствовать себя в безопасности, пока мать не умиловлена? Ей нужна кровь, спасай же свою, если можешь.

Накшатра. Но ей нужна кровь царя!

Гунавати. Кто сказал тебе это?

Накшатра. Я знаю это от того, кому сама богиня посылает сны.

Гунавати. Тогда этот мальчик должен умереть за царя. Для твоего брата кровь его дороже собственной,—а царя можно спасти только ценой более дорогой, чем его жизнь.

Накшатра. Я понимаю!

Гунавати. Тогда не теряй времени. Беги за ним. Он не успел далеко уйти, но помни—принеси его в жертву от моего имени.

Накшатра. Хорошо.

Гунавати. Дары царицы были отосланы обратно от ворот матери. Проси ее, чтобы она меня простила.

(Уходит).

Входит Джезинг.

Джезинг. Богиня, осталось ли хоть что-нибудь после твоей гибели? Если блестит еще хоть малейшая искра твоего света на отдаленнейшей вечерней звезде, ответь на мой вопль, как бы слабо ни звучал твой голос. Скажи мне: „Дитя, я здесь“. Нет, ее нет нигде! Она—ничто. Но сжался над Джезингом, обман, и для него сделайся истиной. Неужели ты—столь божественная ложь, что даже моя любовь не может вызвать слабого трепета жизни в твоём небытии? О, глупец, ради кого опрокинул ты чашу своей жизни, опустошив ее до последней капли? Ради этой безответной пустоты, в которой нет ни правды, ни жалости, ни материнства?

Входит Апарна.

Апарна, они гонят тебя прочь от храма, а ты возвращаешься снова и снова. Потому, что ты правдива, а правду нельзя изгнать. Мы с благоговением ставим на алтарь нашего храма ложь; но лжи никогда там нет. Не покидай меня, Апарна. Сядь возле меня. Отчего ты так печальна, моя милая? Ты потеряла какого-нибудь бога, который больше не бог? Но разве нужен бог для нашего маленького мира? Бесстрашно отринем богов и ближе сядем друг к другу. Они хотят нашей крови. И для этого они сошли во прах нашей земли, покинув свое небесное величие. Ведь у них на небе нет людей, нет созданий, которые могли бы страдать. Нет, моя девочка, богини нет!

Апарна. Тогда покинь этот храм и уходи со мной.

Джезинг. Покинуть этот храм? Да, я его покину! Увы, Апарна, я должен его покинуть. И все же я его не могу покинуть, прежде чем не заплачу последнего долга. Но оставим это. Подойди ближе, моя любовь. Шепни мне на ухо что-нибудь, что бы залило сладостью мою жизнь, затопила самую смерть.

Апарна. Когда сердце полно—слова не льются.

Джезинг. Тогда положи твою голову мне на грудь. Пусть соприкоснутся в молчании две вечности, жизнь и смерть. Но довольно, я должен идти.

Апарна. Джезинг, не будь жесток. Разве ты не чувствуешь, что я выстрадала?

Джезинг. Я жесток? Таково твое последнее слово ко мне? Жесток как эта каменная глыба, которую я называл богиней? Апарна, моя возлюбленная, если б ты была богиней, ты бы знала, какой огонь сжигает мое сердце! Но ты—моя богиня. Знаешь ли ты, откуда я это знаю?

Апарна. Скажи.

Джезинг. Каждое мгновение приносишь ты мне жертву, как мать приносит жертву своему ребенку. Бог должен быть жертвой; он изливает свою жизнь во все свои создания.

Апарна. Джезинг, идем, покинем этот храм и уйдем вместе.

Джезинг. Спаси меня, Апарна, сжался надо мной, оставь меня. У меня только одна цель в жизни. Не заслоняй этой цели.

(Убегает).

Апарна. Опять страдания—снова, опять. Но у меня нет больше сил. Мое сердце разрывается на части, и снова страдания.

(Уходит).

Входят Рагупати и князь Накшатра.

Рагупати. Где ты спрятал мальчика, князь?

Накшатра. Он в комнате, где хранятся сосуды для богослужения. Он заснул в слезах. Если он проснется опять,—я больше не вынесу.

Рагупати. Джезинг был таких же лет, когда попал ко мне. И я помню, как он плакал, пока не уснул у ног богини,—лампада смутно озаряла его заплаканное детское личико. Был такой же бурный вечер, как сегодня.

Накшатра. Отец, не откладывай! Я хочу все кончить, пока он спит. Его плач вонзается мне в сердце, как нож.

Рагупати. Я усыплю его, если он проснется.

Накшатра. Царь скоро все узнает, если ты не поспешишь. Ведь по вечерам он оставляет заботы о царстве, чтобы побыть с этим мальчиком.

Рагупати. Имей больше веры в богиню. Жертва теперь в ее руках и не может ускользнуть.

Накшатра. Но Шандпал так бдителен.

Рагупати. Не более, чем наша мать.

Накшатра. Мне показалось, что промелькнула тень.

Рагупати. Это тень твоего собственного страха.

Накшатра. Ты слышишь звук плача?

Рагупати. Это звук твоего собственного сердца. Страхни твое уныние, князь. Выпьем освященного вина. Пока замысел зреет в душе, он кажется большим и страшным. А когда он выполнен, он становится незначительным. Пар темен и расплывчат, но он рассеивается в капли воды, малые и блестящие. Князь, это пустяки! На это потребуются одно лишь мгновение,—не более, чем нужно, чтобы задуть свечу. Свет этой жизни умрет, как вспышка молнии в июльскую бурную ночь, но оставит в царской гордости вечную рану. Но, князь, отчего ты так молчалив?

Накшатра. Я думаю, мы не должны действовать наспех. Оставим это до завтрашнего вечера.

Рагупати. Сегодня вечером это так же хорошо, как завтра вечером, может быть, даже лучше.

Накшатра. Ты слышишь шум шагов?

Рагупати. Нет, не слышу.

Накшатра. Взгляни—там свет.

Рагупати. Царь идет! Мы слишком долго откладывали.

Входят царь и слуги.

Говинда. Арестуйте их. (К Рагупати). Имеешь ли ты что-нибудь сказать?

Рагупати. Ничего.

Говинда. Ты сознаешься в преступлении?

Рагупати. Преступления? Да, мое преступление было в том, что я по слабости отложил исполнение моего долга перед матерью. Наказание идет от богини. Ты только ее орудие!

Говинда. Согласно моему закону, Рагупати, под конвоем моих солдат ты отправишься в изгнание, где ты проведешь восемь лет.

Рагупати. Царь, я никогда за всю свою жизнь не преклонял колен перед смертным. Я—брамин. Твоя каста

ниже моей. И все же смиренно прошу у тебя, подари мне один день.

Говинда. Я согласен.

Рагупати (насмешливо). Ты царь царей. Твое величие и милость превыше всякой меры. А я—только червь, скрывающийся во прахе.

(Уходит).

Говинда. Накшатра, сознайся в твоей вине!

Накшатра. Я виновен, господин, я не смею молить о прощении.

Говинда. Князь, я знаю твое нежное сердце. Скажи мне, кто соблазнил тебя дурным советом?

Накшатра. Я не буду называть имен, царь. Моя вина—моя. Ты не раз прощал твоего безрассудного брата, и он еще раз просит о прощении.

Говинда. Накшатра, встань. Судья еще более связан своими законами, чем заключенный.

Слуги. Господин, вспомни, что он твой брат, и прости его!

Говинда. Я должен помнить, что я царь. Накшатра будет жить в изгнании восемь лет, в доме, что мы построили у священной реки, за границами Трипуры. (Берет Накшатру за руку). Наказание не только тебе, брат, но и мне тоже,—тем более, что телесно я не могу разделить его с тобой. Пустое место, которое останется после тебя во дворце, будет каждый день колоть мое сердце словно тысячью игл. Да будут боги милостивы к тебе, пока ты будешь жить вдаль от нас.

Все уходит. Входят Рагупати и Джезинг.

Рагупати. Моя гордость влачится в грязи. Я опозорил звание брамина. Я больше не твой учитель, мое дитя. Вчера у меня была власть тебе приказывать. Сегодня я только могу просить тебя об одолжении. Свет, дававший мне право презирать власть царя, погас во мне. Глиняная лампада может быть наполнена и зажжена снова и снова, но погасшая звезда потеряна навеки. Я—эта потерянная звезда. Дни жизни—мишура, самый пустяшный из божьих даров, и мне пришлось просить об одном из этих дней на коленях перед царем. Пусть этот день не пропадет даром. Пусть его позорное черное чело обagrится царской кровью, прежде чем он окончится. Отчего ты ничего не говоришь, мой мальчик? Хотя я и отказался от звания твоего учителя, но я все же имею право требовать от тебя послушания, как отец,—я, который был тебе больше, чем отцом, ибо я был отцом сироте. Но тот, кто должен просить о любви, хуже самого

жалкого нищего. Ты все еще молчишь, мое дитя? Тогда пусть мои колени преклонятся перед тобой, который был ниже этих колен, когда впервые попал в мои объятия.

Джезинг. Отец, не мучь сердце, которое и так разбито. Если богиня жаждет царской крови, я принесу ей эту кровь раньше, чем настанет ночь. Я заплачу все мои долги, да, каждый грош! Будь готов к моему возвращению. Я не буду откладывать.

(Уходит).

Снаружи гроза.

Рагупати. Она проснулась, наконец, ужасная. Ее проклятия с визгом носятся по городу. Голодные фурии потрясают изо всей силы ломающиеся ветви дерева мира, так что звезды рушатся и падают. Мать, зачем ты так долго держала свой народ в сомнении и бесчестии? Не заставляй своего слугу подымать твой меч. Пусть твоя могущественная рука сама сделает свое дело.—Я слышу шаги.

Входит Апарна.

Апарна. Где Джезинг?

Рагупати. Прочь, зловещее знамение. (Апарна уходит). А если Джезинг никогда не вернется назад? Нет, он не нарушит своего обещания. Да побеждает великая Кали, подательница успеха! А что, если ему помешают? Если он будет пойман и погибнет от руки стражей? Да побеждает бдительная богиня, непобедимая мать! Не дозволяй, чтоб слава твоя погибла и твои враги надругались над тобой! Если твоим детям суждено потерять свою гордость и веру в свою мать и в позоре склонить свои головы перед неверными, кто же останется в этом осиротевшем мире нести твоё знамя?—Я слышу шаги. Так скоро? Неужели он возвращается назад, не выполнив своего замысла? Нет, этого не может быть. Твое чудо не нуждается во времени, о госпожа времен, ужасная в своем ожерельи из человеческих черепов. (Вбегает Джезинг). Где кровь, Джезинг?

Джезинг. Она со мной! Пусты мои руки. Дай мне принести ее самому. (Входит в храм). Тебе нужна царская кровь, великая мать, вскормившая жизнью мир у своей груди? Я из царской касты, я—кшатрия. Мои предки сидели на тронах, и по линии моей матери есть правители людей. В моих венах течет царская кровь. Возьми ее и утоли свою жажду навеки!

(Ударяет себя кинжалом и падает).

Рагупати. Джезинг! О, жестокий, неблагодарный! Ты совершил самое черное преступление. Ты убиваешь своего отца. Джезинг, прости меня, мой милый! Вернись к моему сердцу, сокровище моего сердца! Дай мне умереть вместо тебя!

Входит Апарна.

Апарна. Я сойду с ума. Где Джезинг? Где он?

Рагупати. Подойди, Апарна! Подойди, мое дитя, зови его со всей твоей любовью. Зови его обратно к жизни. Возьми его себе, возьми от меня, только пусть он живет!

Апарна входит в храм и лишается чувств. Ударяется лбом об пол храма.

Отдай его, отдай его, отдай его! Отдай его мне обратно. (Встает, обращаясь к изображению). Посмотри на нее. Вот она здесь стоит, глупый камень,—глухая, немая, слепая,—и весь скорбящий мир плачет у ее дверей, благороднейшие сердца разбиваются у ее ног. Отдай мне обратно моего Джезинга! О, все напрасно. Наши горчайшие вопли уходят в пустоту, которую мы тщетно стараемся наполнить этими каменными изваяниями обмана. Долой их! Долой наши бесильные грезы, наши окаменевшие грезы, обременяющие мир!

(Швыряет изваяния и выходит во двор).

Входит Гунавати.

Гунавати. Да побеждает великая богиня! Но где богиня?

Рагупати. Богини нет.

Гунавати. Принеси ее обратно, отец! Я принесла ей мои дары. Я пришла, наконец, чтобы утолить ее голод кровью моего собственного сердца. Пусть она знает, что царица верна своему обету. Сжался надо мной и принеси богиню только на эту ночь. Скажи мне—где она?

Рагупати. Ее нигде нет,—ни наверху, ни внизу.

Гунавати. Учитель, разве не было богини в этом храме?

Рагупати. Богини! Если есть где-нибудь в мире истинная богиня, разве позволила бы она, чтоб эта вещь завладела ее именем?

Гунавати. Не мучь меня, скажи мне правду. Здесь нет богини?

Рагупати. Да, ее нет.

Гунавати. Так что же было здесь?

Рагупати. Ничто, ничто.

(Апарна выходит из храма).

Апарна. Отец!

Рагупати. Мое нежное дитя! „Отец!“—сказала ты? Ты хочешь укорить меня этим именем? Мой сын, которого я убил, оставил после себя в твоём нежном голосе только этот дорогой призыв.

Апарна. Отец, оставь этот храм. Уйдем отсюда!

Входит царь.

Говинда. Где богиня?

Рагупати. Богини нет нигде.

Говинда. Но что это за струя крови?

Рагупати. Царь, Джезинг, который так нежно тебя любил, убил себя.

Говинда. Убил себя? Почему?

Рагупати. Чтоб убить ложь, которая сосет живую кровь людей.

Говинда. Джезинг велик! Он победил смерть! Ему—мои цветы.

Гунавати. Мой царь!

Говинда. Да, моя любовь!

Гунавати. Богини больше нет.

Говинда. Она сломала свою жестокую каменную темницу и вернулась в сердце женщины.

Апарна. Отец, идем отсюда.

Рагупати. Идем, дитя. Идем, мать. Я нашел тебя. Ты—последний дар Джезинга.

Перевела с английского

А. Оношкович-Яцына.

ЦАРЬ ТЕМНОГО ПОКОЯ
THE KING OF THE DARK CHAMBER

1914

I

УЛИЦА

Несколько путников и городской сторож.

Первый. Послушайте!

Сторож. Что вам?

Второй. По какой дороге нам идти? Мы не здешние. Скажите, пожалуйста, на какую улицу свернуть.

Сторож. А куда вам надо?

Третий. Туда, где будет большое гуляние. По какой улице пойти?

Сторож. Каждая улица годится, как и всякая другая. Любая приведет вас туда же. Идите напрямик, и вы непременно придете туда.

(Уходит).

Первый. Слушайте, что говорит этот глупец: „любая приведет вас туда же“. Есть ли смысл тогда в таком множестве улиц?

Второй. Не нужно принимать это так близко к сердцу. Каждая страна вольна устраивать свои дела по-своему. Например, в нашей стране дороги такие, как-будто их и вовсе нет: узкие, кривые тропинки, путанные колеи, лабиринт. Наш царь не доверяет широким проезжим дорогам; ему кажется, что улицы открывают его подданным пути к бегству из его царства. Здесь—как-раз наоборот, никто не стоит на твоей дороге, никто не мешает тебе идти, куда ты хочешь, и все же народ и не думает покидать царства. Будь у нас такие дороги, конечно, наша страна обезлюдела бы сразу.

Первый. Дорогой Джанардан, я всегда считал это большим недостатком в твоём характере.

Джанардан. Что?

Первый. Твои вечные насмешки над родиной. Можно ли подумать, что для страны полезны открытые дороги? Смотри, Каундилья, вот человек, который серьезно верит, что спасение страны в открытых дорогах!

Каундилья. Мне, Бхавадатта, нечего повторять мое мнение, что Джанардан одарен извращенным умом, который наверно накличет на него когда-нибудь беду. Если царю придется услышать речи нашего достойного друга, он наверно разыщет человека, который сумеет справить все погребальные обряды после его смерти.

Бхавадатта. В этой стране поневоле чувствуешь, что жизнь—бремя, на этих улицах нет радостей уединения, от этой давки и толкотни плечо о плечо с чужим народом—день и ночь—затоскуешь о бане. И никто тебе точно не скажет, с какими людьми ты встретился на этих улицах... брр...

Каундилья. А ведь это Джанардан убеждал нас идти в эту превосходную страну. В нашей семье никогда не было ни одного такого, как он. Ты знал, конечно, моего отца: это был великий человек, самый благочестивый из всех людей. Он провел всю свою жизнь в кругу радиусом в сорок девять футов, соблюдая верность заповедям священного писания, и ни разу не переступил за пределы этого круга. После его смерти возникло немалое затруднение—как предать его тело сожжению в пределах 49 футов и все-таки за пределами дома. Наконец священники решили, что, хотя и нельзя идти против священного числа, единственный путь преодолеть затруднение—написать число наоборот и взять 94 фута. Только так могли мы совершить обряд сожжения вне дома, не нарушая священных книг. Вот действительно строгое соблюдение обрядов! Наша страна—воистину необычайная страна.

Бхавадатта. И несмотря на то, что Джанардан пришел из тех же краев, он находит остроумным заявлять, что открытые дороги—благо для страны.

Входит дед с толпою мальчиков.

Дед. Дети, мы будем сегодня спорить с диким южным ветром и мы не согласимся быть побежденными. Мы будем петь, пока не наводним всех улиц нашим весельем и пеньем.

ПЕСНЯ

Ворота южные открыты. Приди, весна, приди!
Прилети, когда сердце взлетит. Приди, весна, приди!
В шелесте листьев приди, в цветах, предающихся нежно,
И в пеньи флейты и в задумчивых вдохах леса.
Пусть твое легкое платье мечется в пьяном ветре.
Приди, весна, приди!

Входит толпа граждан.

Первый гражданин. Итак, всякому хочется, чтобы царь согласился наконец показаться хоть в этот день. Какая жалость жить в этом царстве и ни разу его не увидеть!

Второй гражданин. Если бы ты знал действительное значение всей этой тайны! Я мог бы сказать тебе, если бы ты сохранил эту тайну.

Первый гражданин. Милый мой, мы живем оба в одном и том же квартале, и разве ты слышал обо мне, чтобы я хоть раз выдал чью-нибудь тайну? Конечно, эта история с твоим братом, который нашел клад, когда копал колодец,—ты хорошо знаешь, почему я о ней объявил. Ты ведь знаешь все обстоятельства.

Второй гражданин. Конечно, знаю. Поэтому-то я и знаю, о чем прошу: можешь ты сохранить тайну, если я скажу ее тебе? Ты знаешь, если ты все откроешь, это может грозить гибелью нам всем.

Третий гражданин. Ты славный малый, Вирупакша. Почему же ты так боишься несчастья, которое только *может* произойти? Кто же поручится, что будет хранить твою тайну всю жизнь?

Вирупакша. Это просто пришлось к слову: хорошо, в таком случае я ничего не скажу. Я не такой человек, чтобы говорить зря. Ты сам поднял вопрос о том, что царь никогда не показывается, а я только заметил, что у царя есть причины прятаться от народных глаз.

Первый гражданин. Почему же? Скажи нам, пожалуйста, Вирупакша.

Вирупакша. В самом деле, почему бы мне и не сказать вам? Ведь мы все добрые друзья, не так ли? Беды большой не будет. (Понизив голос). Царь... безобразен, вот почему он и принял решение никогда не показываться своим подданным.

Первый гражданин. А! Вот в чем дело! Должно быть, так и есть. Мы всегда удивлялись, почему один взгляд царя в других странах заставляет каждую душу дрожать, как осиновый лист, от страха; и почему наш царь ни разу не показался ни одной живой душе. Пусть бы он, наконец, пришел и приговорил нас всех к виселице,—мы, по крайней мере, были бы уверены, что наш царь—не выдумка. В конце концов, объяснение Вирупакши довольно правдоподобно.

Третий гражданин. Нисколько. Я не верю в нем ни одному звуку.

Вирупакша. Как, Вишу, ты хочешь сказать, что я лжец?

Вишу. Я этого, собственно, не думаю, но я не могу

согласиться с твоей догадкой. Прости меня, я ничего не могу поделать, если кажусь иногда немного невежливым или грубым.

Вирупакша. Нет ничего удивительного, что ты не веришь моим словам,—ты считаешь себя таким умным, что отвергаешь мнения родителей и старших. Разве ты думаешь, что мог бы долго оставаться в этой стране, если бы царь не жил в уединении? Ты гнусный еретик, вот кто ты.

Вишу. Дорогой мой столп правой веры! Разве ты думаешь, что другой царь поколебался бы отрезать тебе язык и бросить его в пищу собакам? И у тебя хватает наглости говорить, что у нашего царя безобразный вид?

Вирупакша. Слушай, Вишу, не обуздаешь ли ты свой язык?

Вишу. Мне кажется лишним указывать, чей язык должен быть обуздан!

Первый гражданин. Тсс... милые друзья,—это мне не нравится... Похоже на то, что вы решили и меня впутать в беду? А я совсем не хочу принимать во всем этом участия.

(Уходит).

Входит толпа мужчин, волоча за собою деда в большом возбуждении.

Второй гражданин. Дедушка, меня сегодня поражает одно.

Дед. Что?

Второй гражданин. В этом году из каждой страны пришли люди на наш праздник, и каждый спрашивает: „Все здесь хорошо и красиво, но где же ваш царь?“—а мы не знаем, что и отвечать. Это большой пробел, которого не может не чувствовать каждый в нашей стране.

Дед. Пробел, говоришь ты? Как, вся страна наполнена, набита битком парами, а ты называешь это пробелом! Да ведь он каждого из нас сделал венчанным царем!

ПЕСНЯ

Мы все цари в царстве нашего царя.
Иначе в сердце не жила бы надежда на встречу.
Творим, что хотим,—но творим, что он хочет.
Железной цепью к ноге царя, как рабы, не прикованы мы.
Иначе в сердце не жила бы надежда на встречу.
Наш царь чтит каждого из нас, внушая тем почет к себе.
И низости нет, что сманила бы нас в свою сеть лукавства и зла.
Иначе в сердце не жила бы надежда на встречу.
Мы трудимся, роем наш путь, он сойдется с его путем!
Мы не можем пропасть в бездне темной и ночной.
Иначе в сердце не жила бы надежда на встречу!

Третий гражданин. Но, в самом деле,—я не могу выносить той бессмыслицы, которую народ говорит о нашем царе только потому, что он не показывается публично.

Первый гражданин. Подумать только! Всякий, кто оскорбляет меня, может быть наказан, но никто не зажмет рта негодяю, который клеветает на царя.

Дед. Клевета не может коснуться царя. Простым дуновением можно задуть то пламя, которое лампада получила в дар от солнца, но если бы весь мир хотел загасить солнце—блеск его остался бы таким же неомраченным и несравненным, как и прежде.

Входят Вишваवास и Вирупакша.

Вишу. Вот дед! Смотри, этот человек только-что рассказывал всем, что наш царь не появляется потому, что он урод!

Дед. Почему же это сердит тебя, Вишу? *Его* царь должен быть уродом; потому что как же иначе Вирупакша мог бы обладать такой наружностью в его царстве? Он создает своего царя по своему образу и подобию, которое он видит в зеркале.

Вирупакша. Дедушка, я не буду называть имен, но никто не смеет не доверять лицу, сообщившему мне это известие.

Дед. Кто может быть высшим авторитетом, чем ты сам?

Вирупакша. Но я могу доказать...

Первый гражданин. Бесстыдство этого малого не знает границ. Он не только распространяет ужасный слух, не краснея,—он еще хочет измерить наглостью глубину своей лжи!

Второй гражданин. Не заставить ли его измерить длину этого куска земли?

Дед. Зачем так горячиться, друзья мои? Бедный малый хочет справить свой собственный праздник, воспевая уродство своего царя. Иди, Вирупакша, ты найдешь немало людей, готовых тебе поверить; будь счастлив в их обществе.

(Уходят).

Возвращается группа чужестранцев.

Бхавадатта. Мне кажется, Каундия, что этот народ остался вовсе без царя. Они как-то устроили, что слух об этом не проник в толпу.

Каундия. Думаю, что ты прав. Мы знаем: первое, что бросается в глаза в каждой стране, это—царь, и он, конечно, не теряет случаев показываться.

Джанардан. Но взгляни на образцовый порядок, который господствует на площади,—как ты объяснишь это без царя?

Бхавадатта. Так вот какова мудрость, которой ты научился, живя так долго под властью правителя? Разве была бы нужда в царе, если бы порядок и согласие царили повсюду?

Джанардан. Весь этот народ собрался, чтобы веселиться на празднике. Ты думаешь, они могли бы так объединиться и в стране безвластия?

Бхавадатта. Дорогой мой Джанардан, ты, как всегда, уклоняешься от должного вывода. Здесь не может быть и речи об образцовом порядке, а праздничное веселье—слишком незначительное явление. Но где царь? Видел ты его? Скажи мне это.

Джанардан. Вот что я хочу сказать: ты знаешь по опыту, что даже при царе может быть хаос и анархия; а что мы видим здесь?

Каундилъя. Ты все время только играешь словами и не даешь прямого ответа на вопросы Бхавадатты. Видел ты или не видел царя? Да или нет?

(Уходят).

Входит толпа мужчин с пением.

ПЕСНЯ

Мой возлюбленный в сердце у меня,
Я видеть могу его везде.
Он светится в зрачках моих глаз,
Я видеть могу его везде.
Я вдаль уходил, чтоб слова его слушать.
Напрасно — увя! —
Вернулся, и я слышу—он в моих же песнях.
Его ли ты ищешь и, как нищий, стучишься в двери?
Приди в мое сердце, взгляды в его лик,
Он в слезах моих глаз!

Входят герольды и передовая стража царя.

Первый герольд. Расступитесь с дороги! Вы все!

Первый гражданин. Эй ты, за кого ты себя принимаешь? Ты думаешь, что ты родился с такой величавой осанкой? Почему бы нам расступаться, мой милый? Зачем нам двигаться с места? Что мы, уличные собаки, что ли?

Второй герольд. Наш царь проследует по этой дороге.

Второй гражданин. Царь? Какой царь?

Первый герольд. Наш царь. Царь этой страны.

Первый гражданин. Что это? Малый не в своем уме? Слыхано ли, чтобы наш царь появлялся и чтобы о его появлении возвещали так громогласно?

Второй герольд. Царь не будет больше удаляться от своих подданных. Он прибудет, чтобы лично руководить торжеством.

Второй гражданин. Так ли, брат?

Второй герольд. Видишь красный цветок кимшук, нарисованный на знамени?

Второй гражданин. Да, да, это в самом деле кимшук; какой огромный алый цветок!

Первый герольд. Что ж, теперь ты нам веришь?

Второй гражданин. Я никогда не говорил, что не верю. Весь этот шум поднял Кумбха. Разве я сказал хоть слово?

Первый герольд. Возможно: он хоть и пузатый, как кувшин, да внутри пустой; от пустой посуды больше шуму—знаете?

Второй герольд. Кто он такой? Он твой родственник?

Второй гражданин. Вовсе нет. Он двоюродный брат тестя нашего деревенского старосты и даже живет в другом конце деревни.

Второй герольд. Вот, вот, у него и вид такой, что он седьмой двоюродный брат чьего-то тестя, по всем его речам можно разобратить, что он дядюшка-дальний свояк!

Кумбха. Увы, друзья мои, много горькой печали встретил мой бедный ум на своем пути прежде, чем стал таким, как есть. Только вчера это было: царь явился и торжественно проехал по улицам, впереди шла стража с барабанами, которые безобразили город своим грохотом. Чего я только не делал, чтобы услужить и угодить ему! Я осыпал его подношениями, я бежал за ним, как нищий, и в конце концов, нашел, что такое напряжение сил трудно перенести. Но чем кончилась эта пышность и это царственное величие? Когда народ ожидал от него даров и милостей, он никак не мог найти в календаре благоприятного дня, хотя все дни были отмечены красным, когда нам надо было платить подати!

Второй герольд. Не хочешь ли ты наклеветать на нашего царя, что и он такой же, как тот дрянной царь, которого ты описал?

Первый герольд. Дядюшка-дальний свояк, мне кажется тебе пора пойти попрощаться с тетуськой-своеченицей.

Кумбха. Пожалуйста, господа, не обижайтесь. Я несчастное создание, простите, пожалуйста, господа; я сделаю

все, что хотите, лишь бы вы извинили меня. Я охотно уйду отсюда, куда вам будет угодно.

Второй герольд. Хорошо, идите сюда, станьте в ряд. Сейчас прибудет царь, — нам надо идти и приготовить ему дорогу.

(Уходят).

Второй гражданин. Дорогой мой Кумбха, твой язык когда-нибудь тебя погубит.

Кумбха. Друг мой Мадхав, меня погубит не язык, но судьба. Когда появлялся лже-царь, я никогда не говорил ни слова, но это не мешало мне рыть самому себе яму, хотя я и знал, что невинен. А теперь, когда явился как-будто и подлинный царь, я вдруг проболтался, словно изменник. Это судьба, милый друг.

Мадхав. Мое мнение, что нужно повиноваться царю, и совсем не важно, настоящий это царь или самозванец. Что знаем мы о царях, чтобы судить их? Это все равно, что бросать камни в темноте: ты почти уверен, что попадаешь в цель. Я буду повиноваться и признавать: если это настоящий царь — тем лучше, если нет — какая в этом беда?

Кумбха. Я бы не беспокоился, если бы камни были простыми камнями. Но часто это драгоценные камни, и тогда, друг мой, сумасбродство ввергает нас в бедность.

Мадхав. Смотри! Вот царь. Ах, в самом деле царь! Какая осанка, какое лицо! Кто видел такого красавца! — белый, как лилия, нежный, как сливки. Ну, что, Кумбха? Что ты теперь думаешь?

Кумбха. С виду он очень хорош, — да, может быть это и настоящий царь, так мне кажется.

Мадхав. У него такой вид, как-будто он вылеплен и выточен для царствования; у него весь облик слишком изысканный, слишком нежный для обычного дневного света.

Входит „царь“.

Мадхав. Благоденствие и победа да будет с тобою, о царь! Мы стояли здесь с раннего утра, чтобы уловить твой единый взгляд. Не забудь нас, великий царь, твоей милостью.

Кумбха. Тайна становится глубже. Пойду позову деда.

(Уходит).

Входит другая толпа мужчин.

Первый. Царь! Царь! Скорее, скорее сюда! Царь проходит по этой улице!

Второй. Не забудь меня, царь! Я Виваджадатта, внук Удайядатты из Кушаливаету. Я пришел сюда при первом слухе о твоём прибытии, я не останавливался, не слушал, что говорят в народе: вся моя преданность устремилась к тебе, о монарх, и привлекла меня сюда.

Третий. Вадор! Я пришел сюда раньше тебя, — еще пелух не шел, как я пришел. Где ты был тогда? О царь! я Бхадрасена из Викрамастхали. Соболаговоли сохранить в памяти имя твоего раба!

Царь. Я очень рад вашей преданности и верности.

Виваджадатта. Великий царь, много просьб и жалоб должны мы повергнуть перед тобой; к кому же могли мы обращать наши мольбы все это время, когда мы не могли приблизиться к твоей священной особе?

Царь. Все ваши просьбы будут удовлетворены.

(Уходит).

Первый. Не отставайте, дети, — царь потеряет нас из вида, если мы смешаемся с толпой.

Второй. Посмотри туда, — видишь, что делает этот глупец Нароттам! Он прочистил себе локтями дорогу сквозь всю нашу толпу и теперь усердно обмахивает царя пальмовым листом!

Мадхав. Так и есть! Дух захватывает от этой внезапной смелости!

Второй. Надо вытолкать этого молодца прочь с площади, — разве пристало ему стоять рядом с царем?

Мадхав. Ты думаешь, что царь не видит его насквозь? Царь понимает, что его усердие слишком показное, слишком неестественное.

Первый. Глупости! У царей нет того чутя на лицемеров, какое есть у нас, и я не удивляюсь, если царь введен в обман усердными обмахиваньями этого дурака.

Входят Кумбха с дедом.

Кумбха. Говорю тебе, он только-что прошел по этой улице.

Дед. Разве это безошибочный признак царского достоинства?

Кумбха. О нет, он не прошел незамеченным, не один и не двое, а сотни и тысячи народа с обеих сторон улицы видели его собственными глазами.

Дед. Это-то и делает всю историю подозрительной. Когда же наш царь выставял себя напоказ, чтобы осле-

плять глаза народа блеском и пышностью? Похоже ли это на царя—производить грохот и шум, проходя по стране?

Кумбха. Но, может быть, он решил поступить так ради этого важного случая,—ведь наверно сказать нельзя?

Дед. О, можно, можно! *Мой* царь не капризен, как флюгер. Он не поддается и фантазиям.

Кумбха. Ах, дедушка, о, если бы я мог описать его! Он такой нежный, такой красивый, такой изящный, как восковая куколка. Когда я взглянул на него, мне захотелось укрыть его от солнца, защитить его всем своим теплом!

Дед. Дурак! Презренный осел—вот ты кто! *Мой* царь—восковая кукла, и *ты* будешь его защищать!..

Кумбха. Но я говорю серьезно, дедушка: он горделив, как бог, он чудо красоты. Я не могу найти никого другого во всей этой огромной толпе, кого можно было бы поставить рядом с ним—кто мог бы померяться с ним красотой.

Дед. Если бы мой царь решил показаться явно, ваши взоры не заметили бы его. Он бы не выставил себя напоказ перед другими, как этот, он—один из народа, он сливается с простым народом.

Кумбха. Но разве я не говорил тебе, что я видел его знамя!

Дед. Что же было изображено на этом знамени?

Кумбха. Красный цветок—кимшук—был нарисован на нем, но яркий, сияющий пурпур ослепил мне глаза.

Дед. На знамени *моего* царя лотос, и в середине лотоса—молния.

Кумбха. Но все говорят, что царь присутствует на этом празднике,—да, все говорят.

Дед. О, конечно! Но у него нет ни войска, ни герольдов, ни свиты, ни толпы музыкантов, ни факельщиков, которые сопровождают его.

Кумбха. Значит, как видно, никто не мог узнать его, раз он так скрывался?

Дед. Может быть, многие могли бы.

Кумбха. А тех, кто сумел узнать его, вознаградит ли царь, когда они обратятся к нему с просьбами?

Дед. Они никогда ни о чем не просят. Нищий никогда не узнает царя. Большой нищий кажется царем в глазах меньшего нищего. Глупцы, вы трубили о том, кто сегодня вышел одетый в пурпур и золото, чтобы нищенствовать перед вами,—о нем вы трубили, что он—ваш царь. А, вот идет мой безумный друг. Идите, братья, нельзя же тратить весь день на празднество и болтовню, давайте затеем что-нибудь безумно-веселое, какую-нибудь дикую забаву!

Входит беаумный друг и поет:

Вы смеетесь, друзья, улыбаетесь, братья? Я брожу и ищу золотого то быстрое виденье, что вечно ускользает. [оленья,

Он, как луч, мелькает и скользит—и мчится вдаль, неукротимый скиталец диких чащ.

Приблизься, и в минуту скроется он, оставив лишь туман и пыль перед глазами.

Но брожу, но ищу золотого одея, хоть и знаю: его мне не поймать. Я брожу, скитаюсь в лесах, в полях,

в краях безыменных без усталости брожу—не взгляну никогда назад! На базар ваш путь—покупать товар,

возвращаться домой, нагрузившись припасами,—

а меня дикий ветер неприступных высот настигал, целовал.

О, не знаю—ни когда, ни где!

Я покинул всё свое, пошел за тем, что не стало моим.

А вы думаете, что я плачу о тех, потерянных вещах?

И поет и смеется душа: я оставил грусть и тоску там, позади!

Я брожу, скитаюсь в лесах, в полях,

в краях безыменных,—

И скиталец не взглянет назад вовек.

II

ТЕМНАЯ КОМНАТА

Царица Сударшана. Ее приближенная Сурангама.

Сударшана. Света, света! Где свет? Неужели никогда не зажгут лампы в этой комнате?

Сурангама. Царица, все другие твои комнаты освещены, разве никогда не бывает у тебя желания уйти от света в такую темную комнату?

Сударшана. Но почему эта комната должна оставаться темной?

Сурангама. Потому что иначе ты не знала бы ни света, ни тьмы.

Сударшана. Живя в этой темной комнате, ты поневоле говоришь темно и странно. Я не могу понять тебя. Сурангама. Скажи мне только, в какой части дворца находится эта темная комната? Я не могу добиться, где вход, где выход в этой темной комнате.

Сурангама. Эта комната—глубоко внизу, в самом сердце земли. Царь устроил эту комнату нарочно для тебя.

Сударшана. Но ведь у него достаточно комнат; что за нужда была ему создавать эту комнату мрака нарочно для меня?

Сурангама. Ты можешь встречать других в освещенных комнатах, но только в этой темной комнате можешь ты встречать своего господина.

Сударшана. Нет, нет,—я не могу жить без света, я неспокойна в этой удушливой тьме. Сурангама, если ты принесешь сюда свет, я дам тебе это ожерелье.

Сурангама. Это не в моей власти, царица. Как принесу я свет в то место, которое он хочет сохранить навеки темным?

Сударшана. Странная преданность! А что, правда ли что царь наказал твоего отца?

Сурангама. Да, это правда. Мой отец был игрок. Вся молодежь этого края обычно собиралась в доме отца—пьянствовать и предаваться игре.

Сударшана. А когда царь сослал твоего отца в изгнание, разве ты не испытала чувства горькой обиды?

Сурангама. О, я стала тогда совершенно безумной! Я была на дороге к разрушению и уничтожению; когда я увидела, что этот путь закрыт для меня, мне показалось, что я оставлена безо всякой поддержки, без помощи и без приюта. Я бесновалась и безумствовала, как дикий зверь в клетке: как хотелось мне в моем бессильном гневе всех разорвать в клочья!

Сударшана. Но откуда же у тебя эта преданность тому же самому царю?

Сурангама. Как мне это объяснить? Быть может, я могла ввериться и подчиниться ему именно потому, что он был так жесток и безжалостен.

Сударшана. Когда произошла эта перемена в твоих чувствах?

Сурангама. Не могу сказать тебе, я сама этого не знаю. Настал день, когда все мятежное во мне укротилось само собою, и тогда все существо мое склонилось ниц, склонилось во прах—в покорном смирении. И тогда я увидела... Я увидела, что он был так же непобедим в красоте, как и в гневе. О, я была спасена, я была освобождена.

Сударшана. Скажи мне, Сурангама, умоляю тебя, скажи мне, каков собою царь? Я его ни разу не видела. Он приходит ко мне во мраке и оставляет меня снова в этой темной комнате. Кого только я ни просила, все они дают неясные, темные ответы, и мне кажется, что все они что-то скрывают.

Сурангама. Скажу тебе правду, царица, я не знаю, с чем его можно сравнить. Нет, в нем нет того, что люди называют красивым.

Сударшана. Как ты сказала? Он не красив?

Сурангама. Нет, царица, он не красив. Назвать его прекрасным—значило бы сказать о нем слишком мало.

Сударшана. Все твои слова тоже темны, странны и смутны. Я не могу понять, что ты хочешь сказать.

Сурангама. Нет, я не назову его красивым. И потому, что он не красив—он так чудесен, так величествен, так удивителен!

Сударшана. Я совершенно не понимаю тебя, хотя и люблю слушать, как ты говоришь о нем. Но я должна увидеть его во что бы то ни стало. Я даже не помню дня, когда я стала его женой. Я слышала: мать моя говорила, что перед моей свадьбой пришел некий мудрый муж и сказал: „Тому, кто женится на твоей дочери, нет равного на земле“. Как часто я просила ее описать мне его, но она отвечает неясно и говорит, что не может сказать,—она видела его сквозь фату—слабо и туманно. Но если он лучший из людей, как я могу быть покойна, не видя его?

Сурангама. Ты чувствуешь легкое дуновение ветра?

Сударшана. Ветра? Где?

Сурангама. Ты чувствуешь нежный запах?

Сударшана. Нет, не чувствую.

Сурангама. Раскрылись большие двери... он идет... мой царь идет!

Сударшана. Как ты можешь угадывать его приближение?

Сурангама. Этого я не могу сказать, но мне кажется, что я слышу шаги его в собственном сердце. За то время, что я служу ему в этой темной комнате, чувства мои так изощрились, что я могу знать и чувствовать, не видя.

Сударшана. Я хотела бы иметь такую чуткость, Сурангама!

Сурангама. Она будет у тебя, царица,—будет день, когда эта чуткость проснется в тебе. Твое желание, чтобы он взглянул на тебя, делает тебя беспокойной, и потому вся душа твоя напряжена, склонена в эту сторону. Когда пройдет состояние лихорадочного беспокойства, все станет легко.

Сударшана. Как это случилось, что легкое для тебя, для слуги,—трудно для меня, царицы?

Сурангама. Именно потому, что я простая служанка, для меня нет затруднений. В первый же день, когда он поручил мне заботу об этой комнате и сказал: „Сурангама, эта комната всегда должна быть готова для меня, в этом вся твоя забота“—тогда я не произнесла даже мысленно: „О, дай мне делать дело тех, кто заботится о других, освещенных комнатах“.—Нет, но с тех пор, как я склонилась всю душу к моей задаче, во мне пробудилась и выросла сила

и завладела без сопротивления каждой частицей моего существа... О, это он идет! Он стоит тут за дверью... Господин! О, царь!

ПЕСНЯ С ТОЙ СТОРОНЫ

Дверь отвори мне. Я жду.
Окончил свет дневной весь свой путь от зари до мрака.
Взошла вечерняя звезда.
Ты цветов нарвала? Заплела свои косы?
Ты белое платье надела на ночь?
Вернулось стадо в свой хлев и птица в гнездо.
Разбежавшиеся тропинки утонули в глубокой тьме.
Дверь отвори мне. Я жду.

Сурангама. О царь, кто может закрыть твои же двери перед тобой? У них нет ни замков, ни засовов, они широко распахнутся перед тобою, едва ты коснешься их пальцами. Что же ты не касаешься их? Что же ты не входишь, пока я иду отпирать тебе двери?

ПЕСНЯ

Покрывало мое ты свеешь вмиг, мой царь.
Если я упаду, засну, не встану на зов, разве станешь ты ждать?
Разве от грохота колес твоих земля не дрогнет?
Разве ты дверь не распахнешь и в дом свой не войдешь без зова?

Так иди же, царица, и открой ему дверь, он не хочет входить иначе.

Сударшана. Я ничего не вижу ясно в темноте,—я не знаю, где двери. Ты знаешь здесь всё, иди и открой мне двери.

(Сурангама открывает дверь, склоняется перед царем и уходит).

Царь остается невидим в течение всей сцены.

Сударшана. Почему ты не позволяешь мне взглянуть на тебя при свете?

Царь. Значит, тебе нужно видеть меня среди тысячи предметов, в ярком дневном свете? Почему же не быть мне единственным предметом, который ты можешь почувствовать в этом мраке?

Сударшана. Но я *должна* увидеть тебя. Мне страстно хочется увидеть тебя.

Царь. Ты не в силах лицезреть меня, это причинит тебе только боль—острую и непосильную боль.

Сударшана. Как ты можешь сказать, что я не в силах лицезреть тебя? О, я могу чувствовать—даже в этом мраке—как ты обаятелен и как ты чудесен! Что же мне

пугаться тебя при свете? Но скажи—ты можешь видеть меня в темноте?

Царь. Да, могу.

Сударшана. Что же ты видишь?

Царь. Я вижу, что мрак бесконечных небес, вихрем ворвавшийся в жизнь, в бытие—силою моей любви—вобрал в себя свет мириад звезд и сам воплотился, сам стал образом из плоти и крови. И в этом образе—какие зоны сознания и стремления, несказанная жажда безграничных небес, несчетные дары бесчисленных времен!

Сударшана. Разве я так чудесна? Так прекрасна? Когда я слышу такие речи твои, сердце мое волнуется от радости и гордости. Но как поверить в те чудеса, о которых ты говоришь мне? Я не могу найти их в себе!

Царь. Твое зеркало этого не отражает, оно уменьшает тебя, ограничивает тебя, делает тебя мелкой и незначительной. Но если бы ты могла увидеть себя отраженной в моем духе—в каком величии предстала бы ты! В моем сердце ты уже не та, повседневная, какою ты считаешь себя,—ты, воистину, мое второе я.

Сударшана. О, покажи мне на мгновение, как смотреть твоими глазами! Там нет для тебя ничего, похожего на мрак? Я рада, когда думаю об этом. Этот мрак, который для меня действителен и суров, как смерть,—для тебя ничто? Тогда—как может быть единение между нами в таком месте, как это? Нет, нет, это невозможно: тут преграда между нами, не здесь—нет, не в этом месте! Мне нужно найти тебя и увидеть тебя там, где я вижу деревья и животных, птиц, и камни, и землю.

Царь. Хорошо, ты можешь попытаться найти меня, но никто не укажет тебе на меня. Ты должна узнать меня—если можешь—сама. А если кто-нибудь и вызовется показать тебе меня, можешь ли ты быть уверена, что он скажет правду?

Сударшана. Я знаю тебя. Я угадаю тебя. Я найду тебя среди миллиона людей. Я не могу обмануться.

Царь. Хорошо, тогда в эту ночь, во время праздника весеннего полнолуния, попытайся найти меня с высокой башни моего дворца—отыщи меня своими собственными глазами среди толпы народа.

Сударшана. Ты будешь там, среди них?

Царь. Я покажусь несколько раз, справа, слева, впереди, позади. Сурангама

Входит Сурангама.

Сурангама. Что угодно тебе, господин?

Царь. Сегодня праздник весеннего полнолуния.

Сурангама. Что делать мне сегодня ночью?

Царь. Сегодня праздник, а не день работы. Сады веселя в полном цвету, присоединись к моим торжествам.

Сурангама. Я сделаю, как ты желаешь, господин.

Царь. Царица должна увидеть меня в эту ночь собственными глазами.

Сурангама. Где увидит тебя царица?

Царь. Там, где музыка будет играть слаще всего, где воздух будет тяжел от пыли цветов, в роще радости, в роще серебряного света и нежной тьмы.

Сурангама. Что можно увидеть тогда, когда свет и тьма играют в прятки? Там ветер дик и тревожен, там всё—пляска, всё—быстрое движение; разве это не смутит очей?

Царь. Царице любопытно отыскать меня.

Сурангама. Любопытство вернется обратно — посрамленное и в слезах.

ПЕСНЯ

Ах, они улетят, тревожные глаза, дикие птицы лесные!
Но придет их возвращенья черед,
перелетам туда-сюда—придет конец,
когда музыка очарований их настигнет,
прозвизг сердца им..
Увы! Дикие птицы умчатся в пустыню!

III

ПЕРЕД САДАМИ ВЕСЕЛЬЯ

Входят Аванти, Кошала, Канчи и другие цари.

Аванти. Что же, здешний царь нас не примет?

Канчи. Что за странные порядки в этой стране! Царь устраивает празднество в садах, куда свободно допускается чернь!

Кошала. Мы ведь имеем право на отдельное место, в стороне, где все приготовлено для нашего приема.

Канчи. Если он и не приготовил такого места, мы его заставим.

Кошала. Все это внушает подозрение: есть ли вообще царь у этого народа,—похоже на то, что мы введены в обман пустым слухом.

Аванти. Это может быть так по отношению к царю, но здешняя царица Сударшана наверно не пустой слух.

Кошала. Только для нее я и постарался прийти сюда. Мне безразлично, увижу ли я того, кто никогда не показывается, но было бы глупой ошибкой уйти отсюда, не взглянув на нее,—она особенно достойна посещения.

Канчи. Так примем какой-нибудь твердый план.

Аванти. План хорош до тех пор, пока сам в нем не запутаешься.

Канчи. Пойдите, что за сброд толпится на дороге? Эй, кто вы?

Входит дед и мальчики.

Дед. Мы—веселая толпа бедняков.

Аванти. Предисловие было излишне. Но вам придется убраться отсюда подальше и оставить нас в покое.

Дед. Мы никогда не страдаем от недостатка места, мы готовы уступить вам для вашей стоянки столько, сколько вам угодно. Та малость, в которой мы нуждаемся, никогда не будет костью раздора для соперников. Не так ли, мои юные друзья?

ПЕСНЯ

Ничего у нас нет, ничего, ничего.
Распеваем мы—фоль де роль де роль.
Дома высокие строят
На песке, песке золотом.
Мы, глядя на них, поем:
Фоль де роль де роль.
Снуют карманные воры
И алчно поглядывают на нас,
А мы пустые карманы трясем
И поем—фоль де роль.
Если ведьма-смерть подползет к дверям,
Щелчками встретим мы ее
И мы хором споем—светло и весело—
Фоль де роль де роль!

Канчи. Смотри туда, Кошала, кто это идет по дороге? Пантомима? Кто-то из них наряжен царем.

Кошала. Царь этой страны, может быть, терпит эти дурачества, но мы—нет.

Аванти. Вообще, это какой-то мужицкий царь.

Входит пешая стража.

Канчи. Из какой страны ваш царь?

Первый солдат. Он царь этой страны. Он будет руководить торжествами.

(Уходят).

Кошала. Что? Царь этой страны будет присутствовать на торжествах?

Аванти. Вот как! Значит, мы вернемся, взглянув на него, но мы не увидим прекрасной царицы?

Канчи. Ты в самом деле думаешь, что этот малый говорит правду? Кто угодно может выдать себя за властителя этой безвластной страны. Разве ты не видишь, что он похож на ряженого царя, да к тому же и слишком расфуфырен?

Аванти. Но он хорош собой, его наружность не лишена обаяния.

Канчи. Он может понравиться с первого взгляда, но стоит всмотреться в него внимательно—и не ошибешься. Увидишь, как я с ним обойдусь перед всеми вами.

Входит „царь“, перед ним трубная музыка.

„Царь“. Добро пожаловать, князья, в наше царство. Надеюсь, что мои слуги позаботились как следует о вашем приеме.

Цари (с притворной учтивостью). О да, прием был безупречен.

Канчи. А если и был в чем недостаток, он вполне возмещен честью видеть твое величество.

„Царь“. Мы не должны показываться простому народу, но ваша преданность и верность делает встречу с вами—удовольствием.

Канчи. Нам, великий государь, слишком трудно выдержать всю тяжесть твоей любезности и твоих милостей.

„Царь“. Боимся, что нам не придется остановиться здесь на долгое время.

Канчи. Я так именно и полагал: я заключил об этом по вашему виду...

„Царь“. Но если вы хотите просить о какой-нибудь милости...

Канчи. Да, хотим, но мы бы желали говорить без посторонних.

„Царь“ (к своей свите). Удалитесь на некоторое расстояние от нас. (Свита удаляется). Теперь вы можете выражать ваши желания без всякого стеснения.

Канчи. С нашей стороны никакого стеснения не будет; мы только боимся, что ты, государь, желаешь быть неоткрытым и сдержанным.

„Царь“. О нет, пусть у вас на этот счет не будет сомнений.

Канчи. Если так, воздай нам честь и склонись головой до земли перед нами.

„Царь“. Кажется, мои слуги слишком щедро раздавали вам при приеме спиртные напитки Варуни.

Канчи. Лживый самозванец, это ты хлебнул через меру духа гордости. Но скоро голова твоя коснется праха.

„Царь“. Князья, эти грубые шутки неприличны в беседе с царем.

Канчи. Те, кто пошутит с тобой как следует—недалеко. Полководец!

„Царь“. Довольно, умоляю вас! Я и так ясно вижу, что должен оказать вам всем почет. Голова моя нагнулась сама собой. Не нужно никаких суровых мер, чтобы склонить ее. И так, я готов повиноваться вам всем. Если вы милостиво позволите мне скрыться, я не буду докучать вам дольше моим присутствием.

Канчи. Зачем тебе скрываться? Мы сделаем тебя царем этой страны,—дай нам довести шутку до законного конца. Есть у тебя свита?

„Царь“. Есть. Каждый, кто видит меня на улице, бежит за мной. Пока у меня была ничтожная свита, все смотрели на меня с подозрением, но теперь, когда толпа так возросла, их сомнения исчезли и рассеялись. Толпа одурманена собственным многолюдством. Теперь я не знаю, что делать.

Канчи. Превосходно! С этой минуты мы обещаем помогать тебе и отстаивать тебя. Но ты должен в свою очередь оказать нам одну услугу.

„Царь“. Ваши приказания и венец, возложенный вами на мою голову, одинаково обязательны и священны для меня.

Канчи. В настоящее время нам нужно одно: увидеть царицу Сударшану. Об этом ты должен позаботиться.

„Царь“. Я не пожалею для этого никаких усилий.

Канчи. Мы не слишком доверяем твоим усилиям, ты будешь просто руководиться нашими указаниями. А теперь ты можешь идти и принять участие в празднествах. Ступай в царский шатер, будь величав и пышен.

(Уходит).

Входит дед с толпой народа.

Первый гражданин. Дедушка, приходится сознаться, приходится повторять это сотни раз, что наш царь—чистейший обман.

Дед. Почему же только сотни раз? Такая героическая строгость к самому себе вовсе не нужна, ты можешь повторить это и тысячи раз, если это доставит тебе больше удовольствия.

Второй гражданин. Но ведь ты не станешь вечно потворствовать мертвой лжи?

Дед. Она оживила меня, друг мой.

Третий гражданин. Мы объявим всему миру, что царь наш—ложь, просто пустая тень.

Первый гражданин. Мы крикнем с наших крыш, что у нас нет царя, и пусть он делает, что ему угодно, если он существует.

Дед. Он ничего не сделает.

Второй гражданин. Сын мой умер раньше времени—двадцати пяти лет, умер в семь дней от жестокой лихорадки. Разве такое бедствие могло бы постигнуть меня, если бы правил достойный царь?

Дед. Но у тебя осталось двое сыновей, а я вот потерял пятерых детей, одного за другим.

Третий гражданин. Что же ты на это скажешь?

Дед. Что же сказать? Неужели потерять царя оттого, что потерял детей? Не считайте меня таким глупцом.

Первый гражданин. Очень мило спорить, есть царь, или нет его, когда околеваешь от нужды и голода. Разве царь спасет нас?

Дед. Брат мой, ты прав. Но отчего бы не *найти* царя, владеющего пищей? Ты со своими жалобами, конечно, не найдешь его, если будешь сидеть дома.

Второй гражданин. Посмотрите, какова справедливость нашего царя! Этот Вхадрасен,—знаете, какой у него растроганный вид, когда он говорит о своем царе,—чувствительный идиот. Его скупость дошла до того, что даже летучие мыши, гнездящиеся в его доме, находят, что жить там весьма неудобно.

Дед. Ну, а посмотри на меня! Я работал, изнурял себя дни и ночи для моего царя, но не получил ни гроша медного за мои труды.

Третий гражданин. Ну, и что же ты об этом думаешь?

Дед. Что мне думать! Разве друзьям дают награды? Идите, друзья мои, и говорите, если хотите, что нашего царя нет на свете. Это тоже входит в церемониал нашего сегодняшнего торжества.

IV

ВАШНЯ ЦАРСКОГО ДВОРЦА

Сударшана и ее подруга Рохини.

Сударшана. Ты можешь обманываться, Рохини, но я не могу обмануться. Разве я не царица? Да, конечно, это мой царь.

Рохини. Тот, кто оказал тебе такую высокую честь, не замедлит показаться тебе.

Сударшана. Самый его вид беспокоит меня, как птицу, попавшую в клетку. Ты пыталась как следует убедиться, кто он?

Рохини. Да, все, кого я спрашивала, говорят, что это царь.

Сударшана. Царь, но какой страны?

Рохини. Нашей страны.

Сударшана. Ты уверена, что говоришь о том самом, над кем держали балдахин из цветов?

Рохини. Да, о нем; о том, на знамени которого изображен цветок кимшук.

Сударшана. Я узнала его сразу, но у тебя есть сомнения.

Рохини. Мы склонны ошибаться, царица, и боимся прогневить тебя, если окажется, что мы неправы.

Сударшана. Если бы Сурангама была здесь! Тогда бы не было места сомнениям.

Рохини. Разве ты думаешь, что она умнее нас всех?

Сударшана. Нет, но она бы узнала его сразу.

Рохини. Я не могу этому поверить. Она только хвалится, что узнает его. Некому проверить ее сведений, если она объявит, что узнала царя. Если бы мы были так же бесстыдны, как она, и нам нетрудно было бы похвастать нашей близостью к царю.

Сударшана. Нет, нет, она никогда не хваляется.

Рохини. Все это чистое притворство, которому похвальба часто открывает дорогу. Она способна на всевозможные уловки, вот почему никто из нас ее не любит.

Сударшана. Что бы ты ни говорила, я хотела бы спросить ее, если бы она была здесь.

Рохини. Хорошо, царица. Я приведу ее сюда. Ее счастье, если она необходима царице, чтобы узнать царя.

Сударшана. О нет, не в этом дело, но я бы хотела услышать об этом от каждого.

Рохини. Разве каждый не говорит то же самое? Вот, прислушайся. Возгласы народа доходят даже до этой вышины.

Сударшана. Тогда сделай вот что: положи эти цветы на лист лотоса и отнеси их ему.

Рохини. А что мне сказать, если он спросит, кто послал?

Сударшана. Тебе не придется говорить, он узнает. Он думал, что я не сумею узнать его. Я не могу потерять его из виду, не показав, что нашла его.

(Рохини уходит с цветами).

Сударшана. Сердце мое сегодня в трепете и тревоге, никогда раньше я не знала подобного чувства. Серебряно-белый блеск полной луны залил небеса, наполнил их со всех краев, как кипящая винная пена. Он овладел мною, как томительный и веселящий хмель. Кто здесь?

Входит слуга.

Слуга. Что угодно царице?

Сударшана. Видишь этих веселящихся мальчиков,—они поют и бегают по манговым аллеям? Зови их сюда, приведи их ко мне, я хочу слышать их пение.

(Слуга уходит и возвращается с мальчиками).

Идите сюда, живые эмблемы юной весны! Запевайте вашу праздничную песню! Сегодня вся моя душа и все тело—песня и музыка, но невыразимая мелодия ускользает от моих уст,—так спойте вы за меня.

ПЕСНЯ

В весеннюю ночь—сладка моя печаль.
Мое горе бьется в струны любви и поет нежно.
Виденья рождаются в скорбных очах и в лунную высь летят.
Лесной глубины благовонья
смешались в грезах моих.
Шопоты слышу, не знаю откуда они?
Звонят мои бубенцы—с дрожаньями сердца в лад.

Сударшана. Довольно, довольно, я больше не вынесу! Ваша песня наполнила мне слезами глаза... Я узнала новое чувство. Мое желание никогда не достигнет цели, да ему и не нужно достигать ее. Какой чудесный отшельник научил вас этой песне? О, если бы увидели глаза мои того, чью песню слышали уши! О, как хотела бы, как хотела бы я блуждать восторженно и страстно в густых чащах сердца! Милые дети пустыни, как мне вознаградить вас? Это ожерелье

сделано из драгоценных, но твердых камней, их твердость причинит вам боль, а у меня нет ничего похожего на ваши гирлянды цветов.

(Мальчики кланяются и уходят).

Входит Рохини.

Сударшана. Я нехорошо поступила, я нехорошо поступила, Рохини! Мне стыдно спросить у тебя, что случилось. Я только что испытала, что не руками даются величайшие дары. Но довольно, я хочу выслушать всё.

Рохини. Когда я отдала эти цветы царю, он, казалось, ничего не понял.

Сударшана. Неужели он не понял!..

Рохини. Нет. Он сидел, как кукла, не произнося ни слова. Я думаю, он не хотел показать, что ничего не понимает, и потому сдержал свой язык.

Сударшана. Ужасно! Мое бесстыдство было справедливо наказано. Почему ты не принесла моих цветов обратно?

Рохини. Как я могла это сделать? Царь Канчи—очень красивый мужчина, сидевший с ним рядом,—понял все в одно мгновение. Он, слегка улынувшись, сказал: „Повелитель, царица Сударшана посылает твоему величеству свой привет с этими цветами—с цветами, принадлежащими богу любви, другу весны“. Царь, казалось проснулся от своего оцепенения и сказал: „Это венец всей моей сегодняшней царской славы“. Я—расстроенная—хотела уходить, как вдруг царь Канчи снял это алмазное ожерелье с царя и сказал мне: „Милая, царское ожерелье дается тебе в воздаяние за то счастье, которое ты принесла“.

Сударшана. Как! Канчи должен был все это объяснять царю! Горе мне! Нынешний праздник широко распахнул передо мною двери позора и стыда. Чего еще я могла ожидать? Оставь меня одну, Рохини; мне нужно на время уединение.

(Рохини уходит).

Могучим ударом разбита на части моя гордость, и все же я не могу изгладить из памяти этого прекрасного, чарующего облика. Гордости во мне не осталось, я разбита, побеждена, совершенно беспомощна. Я не могу даже отвернуться от него. О, как возвращается ко мне—вновь и вновь—желание попросить это ожерелье у Рохини. Но что подумает она? Рохини!

Входит Рохини.

Рохини. Что ты желаешь, царица?

Сударшана. Какую награду заслужила ты за твою сегодняшнюю службу?

Рохини. От тебя ничего, но я получила награду от царя, как и следует.

Сударшана. Это не свободный дар, это вынужденная награда. Мне не нравится, что ты надеваешь с таким безразличием все, что тебе дают. Сними его, я дам тебе мои браслеты, если ты его оставишь здесь. Возьми эти браслеты и иди. (Рохини уходит). Еще одно поражение! Мне надо было отбросить прочь это ожерелье, а я не могла! Оно колет меня, как-будто это терновый венок,—и я не могу его сбросить. Вот что бог праздника принес мне в эту ночь—это ожерелье позора и стыда!

V

Дед приближается к Чертогу Радости. Толпа мужчин.

Дед. Довольно вам этого, друзья?

Первый. О, слишком даже, дедушка. Смотри, они меня сделали совсем красным. И никто не спасся ¹⁾.

Дед. Да? Вы и царей закидали красной пылью?

Второй. Кто же мог приблизиться к ним? Они все были в безопасности—посреди огады.

Дед. Стало быть, они спаслись! Разве вы не могли бы бросить в них остатки красной краски? Вам бы следовало проложить туда дорогу.

Третий. Милый старичок, у них есть красная краска особого рода, и она принадлежит им одним. У них красные глаза, тюрбаны их стражи и свиты тоже красные. И мечи их так часто окрашивались в этот цвет, что нам приблизиться к ним—значило бы расточать слишком щедро красную краску.

Дед. Хорошо, друзья, держитесь всегда на расстоянии от них. Они изгнанники земли, и мы так и будем с ними поступать.

Третий. Я пойду домой, дедушка,—уже полночь.

(Уходит).

Входит толпа певцов с пением.

¹⁾ Во время весенних праздников в Индии, люди осыпают друг друга красным порошком. В этой игре красный порошок является символом любовной страсти.

(Примеч. автора).

ПЕСНЯ

Черные, белые—все сравнивались,
Красными стали, красней, чем ноги твои.
Красное платье и красные грезы,
Дрожит мое сердце, как красный лотос.

Дед. Превосходно, друзья мои, великолепно! Так вам сегодня было действительно весело?

Певцы. О, еще бы, дедушка! Все было красным, красным. Только луна в небе ускользала от нас и оставалась белой.

Дед. У нее только снаружи такой невинный вид. Если бы сняли с нее ее белую маску, вы бы поняли ее лукавство. Я выследил ее,—какой красный свет бросала она сегодня на землю! Но все равно, вообразим, что она оставалась все время белой и бесцветной.

ПЕСНЯ

С тобой я играю, любовь моя!
В сердце—безумье, я не сдамся никогда.
Или хочешь убежать, не запятнав себя
И лишь меня осыпав красной краской?
Платье твое покраснеет от пыли
цветка, что в сердце у меня.

(Уходят).

Входят „царь“ и Канчи.

Канчи. Ты должен в точности исполнить все, что я скажу. Здесь не должно быть ни одной ошибки.

„Царь“. Ошибки не будет.

Канчи. Жилище царицы Сударшаны находится в...

„Царь“. Да, государь, я хорошо рассмотрел это место.

Канчи. Тебе нужно поджечь сад, а затем—воспользоваться суетой и смятением, чтобы достигнуть цели.

„Царь“. Я буду помнить это.

Канчи. Знаешь ли, господин самозванец, мне кажется, что нас тревожит напрасный страх,—в этой стране действительно нет царя.

„Царь“. Моя единственная цель—спасти эту страну от безвластия. Простой народ не может жить без царя—настоящего или поддельного. В безвластии всегда источник опасности.

Канчи. Достойный благодетель народа, твое удивительное самопожертвование должно быть всем нам примером. Я собираюсь оказать эту необыкновенную услугу народу—сам.

(Уходят).

VI

Рохини. В чем дело? Я не могу ничего понять. (Садовникам). Куда вы все идете в таком беспорядке?

Первый садовник. Мы уходим из сада.

Рохини. Куда?

Второй садовник. Мы не знаем куда,—царь позвал нас.

Рохини. Как,—царь в саду. Какой царь вас позвал?

Первый садовник. Мы не можем сказать.

Второй садовник. Конечно, тот царь, которому мы служили всю жизнь.

Рохини. Вы пойдете все?

Первый садовник. Да, все, нам надо идти сейчас же. Иначе может быть беда.

(Уходят).

Рохини. Не могу понять их слов... Мне страшно. Они мчатся, как дикие звери, почуявшие, что берег реки обрушивается в воду.

Царь Кошала (входит). Рохини, ты знаешь, куда ушел ваш царь и Канчи?

Рохини. Они где-то в саду, но я не могу сказать, где.

Кошала. Не могу понять их намерений. Я плохо сделал, что доверился Канчи.

(Уходит).

Рохини. Что за темное дело затеяли эти цари? Что-то ужасное должно скоро случиться. Неужели и я буду впу-тана в это дело?

Входит Аванти.

Аванти. Рохини, ты знаешь, где другие цари?

Рохини. Трудно сказать, где кто из них. Царь Кошала только-что прошел в эту сторону.

Аванти. Я не думал о Кошале. Где ваш царь и Канчи?

Рохини. Я давно их не видала.

Аванти. Канчи все время избегает нас. Он наверно решил изменить нам. Я плохо сделал, что сунулся в эту пущину. Милая, будь так добра, укажи мне, как выйти из этого сада.

Рохини. Я не знаю.

Аванти. Неужели нет никого, кто мог бы показать мне дорогу?

Рохини. Все слуги ушли из сада.

Аванти. Почему?

Рохини. Я плохо поняла, что им было нужно. Они ска-зали, что царь приказал им уйти из сада.

Аванти. Царь? Какой царь?

Рохини. Они не могли как следует сказать.

Аванти. Это плохой знак. Я должен во что бы то ни стало найти отсюда дорогу. Я не могу больше оставаться здесь ни минуты.

(Поспешно уходит).

Рохини. Где мне найти царя? Когда я передавала ему цветы, посланные царицей, он, казалось, мало обратил на меня внимания, но с того самого часа он осыпал меня по-дарками. Эта беспричинная щедрость пугает меня еще больше... Куда летят птицы в такой поздний час? Что их так внезапно испугало? Это не обычное время для их пере-лета... Почему это лань—любимица царицы—побежала по дороге? Чапата! Чапата! Она даже не слышит, как я зову. Я ни разу не видала такой ночи! Горизонт с двух сторон вдруг покраснел, как глаза сумасшедшего! Как-будто солнце садится в этот неурочный час на всех краях неба в одно время. Как-будто всемогущий сошел с ума!.. О, мне страшно!.. Где мне найти царя?

VII

У ВОРОТ ДВОРЦА ЦАРИЦЫ

„Царь“. Что ты сделал, Канчи?

Канчи. Мне нужен был огонь только с этой стороны сада, около дворца. Я не мог представить себе, что он так быстро распространится повсюду. Скорее скажи мне, как выйти из сада.

„Царь“. Я ничего не могу тебе об этом сказать. Те, кто привел нас сюда, все убежали.

Канчи. Ты местный уроженец и должен знать дорогу.

„Царь“. Я никогда не бывал раньше в царских садах.

Канчи. Я не хочу ничего слышать,—ты должен показать мне дорогу, или я изрублю тебя в куски.

„Царь“. Этим способом ты можешь лишиться меня жизни,—но это очень ненадежный способ найти дорогу из сада.

Канчи. Что же ты думал, когда называл себя царем этой страны?

„Царь“. Я не царь, я не царь! (Бросается на землю, сложив руки). Где ты, царь мой? Спаси меня, спаси меня! Я мятежник,—накажи меня, но не убивай!

Канчи. Ну, дело ли это—голосить и бить поклоны перед пустым воздухом? Гораздо лучше—потратить это время на то, чтобы разыскать дорогу.

„Царь“. Я буду лежать здесь, я не сдвинусь с места ни на шаг. Будь что будет—я не буду жаловаться.

Канчи. Я не допущу этой нелепости. Если я сгорю на смерть—ты будешь моим спутником до конца.

Голос снаружи. О, спаси, спаси нас, царь наш! Со всех сторон—огонь!

Канчи. Глупец, вставай, не теряй времени.

Сударшана (входя). Царь! Царь мой! Спаси меня! Спаси от смерти! Я окружена огнем!

„Царь“. Кто царь? Я не царь.

Сударшана. Ты не царь?

„Царь“. Нет, я лицемер, я мошенник. (Швыряя корону на-земь). Пусть мой обман и лицемерие разобьются вдребезги!

(Уходит с Канчи).

Сударшана. Не царь! Он не царь! Тогда ты, бог огня, сожги, испепели меня! Я брошусь сама в твои руки, о, великий очиститель! Сожги, испепели мой стыд, мою тоску, мою страсть!

Рохини (входя). Царица, куда ты ушла? Все твои внутренние покои охвачены бешеным пламенем,—не входи туда!

Сударшана. Да! Я войду в эти горящие комнаты! Это пламя моей смерти!

(Входит во дворец).

VIII

ТЕМНАЯ КОМНАТА

Царь и Сударшана.

Царь. Не бойся, бояться нечего. Пожар не коснется этой комнаты.

Сударшана. Я не боюсь, но стыд меня преследует, как разъяренный пожар. Мое лицо, мои глаза, мое сердце, каждую часть моего тела опаливает, сжигает его пламя.

Царь. Пройдет еще немало времени, пока ты преодолешь этот огонь.

Сударшана. Этот пожар никогда не прекратится, никогда не прекратится.

Царь. Не приходи в отчаяние, царица.

Сударшана. О царь, я не скрою от тебя ничего. На моей шее ожерелье другого.

Царь. Это ожерелье—мое, как же могло оно достаться другому? Он украл его из моего дворца.

Сударшана. Но это его подарок мне: и я не могла сбросить этого ожерелья! Когда вокруг меня пожар завыл со всех сторон, я хотела бросить это ожерелье в огонь. Но нет, я не могла. Моя душа шептала мне: пусть это ожерелье будет с тобою в твой смертный час. Что же это было за пламя, о царь! куда я ринулась (а пришла, чтобы увидеть тебя!)—ринулась, как бабочка, невластная не лететь на огонь? Какая это мука, какое терзание! Пожар бушует все так же неистово; а я остаюсь—живая—в его пламени.

Царь. Но ты увидела меня наконец, твое желание исполнилось.

Сударшана. Но разве я ждала, что увижу тебя, когда свершалась эта страшная казнь? Я не знаю, что я видела, но сердце мое все еще сильно бьется от страха.

Царь. Что ты видела?

Сударшана. Ужасно! О, это было ужасно! Мне страшно даже вспомнить об этом. Черный, черный... да, ты черен, как вечная ночь. Я глядела на тебя только одно—страшное—мгновение. Блеск огня упал на твои черты, ты глядел, как жуткая ночь, в час, когда проносится комета, пугая наши взоры,—о, тогда я закрыла глаза, я не могла больше смотреть на тебя. Ты черен, как грозная грозовая туча, черен, как безбрежное море с призрачно-красным цветом зари на мятежных волнах.

Царь. Не говорил ли я тебе прежде, что никто не может вынести моего взгляда, кроме тех, кто вполне готов для этого? Иначе—захочешь броситься прочь от меня на край света. Разве я не видел этого тысячи раз? Вот почему мне нужно было открываться тебе тихо и постепенно, а не вдруг.

Сударшана. Но пришел грех и разрушил все твои надежды; возможность союза с тобой стала для меня ныне немислимой.

Царь. Это будет возможно со временем, царица. Та внешняя, холодная чернота, которая сегодня поразила твою душу страхом, будет когда-нибудь твоим утешением и спасением. Иначе—для чего моя любовь!

Сударшана. Этого не может быть, это невозможно.

Что может одна *твоя* любовь? Моя любовь теперь отвержена от тебя. Красота очаровала меня, это безумие, это опьянение никогда меня не оставит,—она ослепила и обожгла мне глаза и даже на мои сновидения набросила свое золотое сверкание. Теперь я все рассказала тебе,—наказывай меня, как хочешь.

Царь. Наказание уже началось.

Сударшана. Но если ты не покинешь меня, я тебя оставлю...

Царь. Ты вольна делать, что хочешь.

Сударшана. Я не могу переносить твое присутствие. В сердце у меня злоба на тебя. Зачем ты... но что ты мне сделал? Зачем ты такой? Зачем говорили мне, что ты красив? Ты черен, черен, как ночь,—я не могу, я никогда не буду любить тебя. Я видела того, кого люблю: он блее молода, нежнее цветка шириша, прекраснее мотылька.

Царь. Он обманчив, как призрак, и пуст, как пузырь.

Сударшана. Пусть так, но я не могу стоять рядом с тобой, просто не могу! Я должна бежать от тебя. Союз с тобой—он невозможен! Он не может быть ничем иным, как только ложным союзом, душа моя неизбежно должна отвернуться от тебя.

Царь. Не попытаешься ли ты?

Сударшана. Я пыталась со вчерашнего дня, но чем больше я пытаюсь, тем мятежнее становится мое сердце. Если я останусь с тобой, меня все время будет преследовать, меня затравит мысль, что я нечистая, что я лживая, неверная.

Царь. Хорошо, ты можешь идти от меня, куда хочешь.

Сударшана. Я не могу уйти от тебя именно потому, что ты не мешаешь мне уходить. Отчего ты не удержишь меня, не схватишь за волосы, не скажешь—„не смей уходить“? Отчего ты не бьешь меня? О, накажи меня, побей меня, ударь меня яростными руками! Но твое непреодолимое молчание делает меня дикой, я не могу перенести его!

Царь. Почему ты думаешь, что я действительно молчу? Почему ты знаешь, что я не пытаюсь удержать тебя?

Сударшана. О нет, нет! я не могу этого перенести,—говори со мной громко, приказывай мне громовым голосом, заставь меня словами, которые все затмят, проникнув в мой слух,—не отпускаяй меня так легко, так кротко!

Царь. Я оставлю тебя свободной, но зачем мне допускать, чтобы ты вырывалась от меня на свободу?

Сударшана. Ты не хочешь допустить? Хорошо, так я должна идти.

Царь. Иди.

Сударшана. Тогда мне нечего роптать. Ты мог удержать меня силой—ты этого не сделал. Ты не помешал мне—и теперь я должна уйти. Прикажи твоим часовым задерживать меня.

Царь. Ни один из них не станет на твоей дороге. Ты можешь идти—свободная, как оторванная гроздовая туча, гонимая бурей.

Сударшана. Я больше не могу противиться—что-то во мне зовет меня вперед—я отрываюсь от моего якоря. Быть может, я пойду ко дну, но больше я не вернусь.

(Стремительно уходит).

Входит Сурангама, которая поет.

Сурангама. Твоя ли воля шлет меня вдаль? Я вновь вернусь к твоим ногам—из всех моих скитаний.

Твоя любовь задумала притворную опалу—твои ласкающие руки отталкивают меня, чтобы вновь привлечь меня во власть твою. О, царь мой, какую игру ты играешь во всем твоим царстве?

Сударшана (возвращаясь). О царь, царь!

Сурангама. Он ушел.

Сударшана. Ушел? Хорошо... значит, он меня совсем покинул. Я вернулась, а он не мог подождать меня ни одного мгновения. Хорошо, тогда я совсем свободна. Сурангама, он просил тебя вернуть меня?

Сурангама. Нет, он ничего не говорил.

Сударшана. Зачем ему было говорить? Что ему до меня?.. Теперь я свободна, совершенно свободна. Но знаешь, Сурангама, мне надо было о чем-то спросить царя, но я не могла высказать это в его присутствии. Скажи мне, покарал он пленников смертью?

Сурангама. Смертью? Мой царь никогда не карает смертью.

Сударшана. Что же он с ними сделал?

Сурангама. Он отпустил их на волю. Канчи признал свое поражение и вернулся в свое царство.

Сударшана. Ах, какое облегчение!

Сурангама. Царица, у меня одна просьба к тебе.

Сударшана. Тебе не надо выражать словами твою просьбу, Сурангама. Все драгоценности и украшения, которые царь дал мне, я оставляю тебе,—я теперь недостойна носить их.

Сурангама. Нет, мне не нужно их, царица. Мой господин никогда не давал мне никаких украшений, для

меня достаточно хороша неприкрашенная простота. Он не давал мне ничего, чем я могла бы похвалиться перед народом.

Сударшана. Так что же тебе нужно от меня?

Сурангама. Я тоже пойду с тобой, царица.

Сударшана. Подумай, что ты говоришь: ведь тебе придется оставить твоего господина! Какая просьба!

Сурангама. Я не уйду от него далеко,—когда ты уйдешь безо всякой охраны, он будет с тобой, будет рядом с тобой.

Сударшана. Ты говоришь бессмыслицу, дитя мое. Мне нужно было бы взять с собой Рохини, но она не пойдет. Откуда в тебе эта смелость, что ты захотела идти со мной?

Сурангама. Во мне нет ни смелости, ни силы. Но я должна идти,—смелость придет сама собой, и сила тоже придет.

Сударшана. Нет, я не могу взять тебя с собой; твое присутствие будет все время напоминать мне о моем стыде, я не в силах буду вынести это.

Сурангама. Царица моя, все твое благо и все зло твое стало моим, и ты все еще смотришь на меня, как на чужую? Я должна идти с тобой.

IX

Царь Канья-Кубри, отец Сударшаны, и его придворный.

Царь Канья-Кубри. Я все слышал еще до ее прихода.

Придворный. Царевна ждет одна за городскими воротами, на берегу реки. Должен ли я выслать людей—пригласить ее во дворец?

Царь Канья-Кубри. Как? Она бесчестно оставила мужа, и ты предлагаешь трубить про ее позор и стыд перед всеми и выставить ее напоказ?

Придворный. Должен ли я сделать приготовления для ее пребывания во дворце?

Царь Канья-Кубри. Ты не должен делать ничего подобного. Она покинула свое место царицы по своей воле. Здесь она будет работать, как служанка, если хочет остаться в моем дворце.

Придворный. Это будет тяжело и горько для нее, великий государь.

Царь Канья-Кубри. Если бы я старался избавить ее от страданий, я был бы недостоин быть ее отцом.

Придворный. Я устрою все, как будет угодно государю.

Царь Канья-Кубри. Пусть хранят втайне, что она моя дочь, иначе всех нас ожидают большие несчастья.

Придворный. К чему этот страх перед несчастьями, государь?

Царь Канья-Кубри. Когда женщина уклоняется от истинного пути, она является бременем и самым жестоким бедствием. Ты не знаешь, какой смертельный страх внушает мне моя дочь,—она приходит в мой дом, нагруженная опасностями и бедой.

X

ВНУТРЕННИЕ КОМНАТЫ ДВОРЦА

Сударшана и Сурангама.

Сударшана. Отойди от меня, Сурангама! Смертельный гнев кипит во мне, я не могу выносить никого,—я выхожу из себя, когда вижу тебя такой терпеливой и покорной.

Сурангама. На кого же твой гнев?

Сударшана. Не знаю, но мне хочется, чтобы все было потрясено и истерзано гибелью и бедой! Я бросила свое место на царском троне—в одно мгновение. Что же, я покинула все, чтобы мести пыль, чтобы изнемогать от работы в этой темной норе? Почему не зажгутся для меня по всему миру траурные факелы? Почему земля не задрожит, не затрясется? Или мое падение так же незаметно, как падение маленького цветка? Разве оно не похоже на падение пылающей звезды, чья огневая слава разрывает небеса на части?

Сурангама. Могучий лес курится и тлеет внутри, прежде чем вспыхнет пожаром: время еще не пришло.

Сударшана. Я бросила мою честь и славу царицы—в пыль, отдала всем ветрам, но разве нет здесь ни одного человеческого существа, никого, кто вышел бы навстречу моей одинокой душе? Одна!—о, я до ужаса одна!

Сурангама. Ты не одна.

Сударшана. Сурангама, я ничего не утаю от тебя. Когда он зажжет дворец, я не могла негодовать на него. Великая внутренняя радость все время колебала мою душу. Какое изумительное преступление! Какая славная доблесть! Эта храбрость и меня укрепила и воспламенила мой соб-

ственный дух. Эта-то ужасная радость дала мне силу оставить все позади, в одно мгновение! Или это только мое воображение? Почему нигде нет никаких признаков, что он приближается?

Сурангама. Тот, о ком ты думаешь, не зажигал дворца. Это сделал царь Канчи.

Сударшана. Трус! Но возможно ли это? Так красив, так обворожителен, — и нет в нем мужества? Я обманула себя ради такого недостойного существа? О стыд! Горемнел.. Но, Сурангама, ты не думаешь, что твой царь может прийти, чтобы взять меня обратно? (Сурангама молчит). Ты думаешь, я стремлюсь вернуться? Никогда! Даже если бы царь действительно пришел, я бы не возвратилась. Он не запретил мне уйти, и я нашла все двери широко открытыми, чтобы выпустить меня! А каменистая, пыльная дорога, по которой я шла — ей было все равно, что по ней идет царица. Она жестка и бесчувственна, как твой царь; последний нищий для нее то же, что первая царица. Ты молчишь? Хорошо, я скажу тебе — твой царь поступил подло, грубо, постыдно!

Сурангама. Все знают, что царь мой суров и безжалостен, никто еще не был в силах тронуть его.

Сударшана. Зачем же ты призываешь его день и ночь?

Сурангама. Пусть он останется навек суровым и неумолимым, как скала, — пусть мои слезы и мольбы никогда его не тронут! Пусть мои печали всегда будут только моими, — и да будет его слава и победа вовеки.

Сударшана. Сурангама, смотри! Как-будто облако пыли подымается на восточном краю неба в полях!

Сурангама. Да, я вижу его.

Сударшана. Не похоже ли это на знамя колесницы?

Сурангама. Да, это знамя.

Сударшана. Значит, он идет. Он пришел наконец.

Сурангама. Кто?

Сударшана. Наш царь — кто же еще? Как мог он жить без меня? Это чудо, как мог он вытерпеть без меня даже эти дни?

Сурангама. Нет, нет, это не может быть царь.

Сударшана. „Нет“ — конечно! Как-будто ты что-нибудь знаешь! Твой царь — суровый, каменный, безжалостный, не так ли? Посмотрим, как он может быть суров. Я знала с самого начала, что он придет, что он ринется за мной. Но вспомни, Сурангама: я ни разу, ни одной минуты не просила его прийти. Ты увидишь, как я заставлю твоего царя признать свое поражение передо мной. Теперь пройди, Сурангама, и разузнай все. (Сурангама уходит). Но итти ли мне

с ним, если он придет и будет просить меня вернуться с ним? Конечно, нет, я не пойду! Никогда!

Входит Сурангама.

Сурангама. Царица, это не царь.

Сударшана. Не царь... Ты в этом уверена? Как! Он все еще не пришел?

Сурангама. Нет, мой царь никогда не подымает столько пыли. Если он приближается, этого никто не знает.

Сударшана. Так это...

Сурангама. Все тот же; он идет с парем Канчи.

Сударшана. Ты знаешь его имя?

Сурангама. Его имя — Суварна.

Сударшана. Так это он. Я думала — „я лежу здесь, как негодный сор, как отбросы, которых никто не захочет даже коснуться“. Но теперь мой герой идет освободить меня. Ты знаешь Суварну?

Сурангама. Когда я жила в родительском доме, в игорном притоне...

Сударшана. Нет, нет, я не хочу ничего слышать о нем от тебя. Он — мой герой, он — мое единственное спасение. Я узнаю его и без твоих рассказов о нем. Но хорош же твой царь! Он и не подумал явиться сюда, чтобы спасти меня от этого унижения. После этого ты не можешь осуждать меня. Я не могла ждать его здесь всю жизнь, работая позорно, как рабыня. Во мне никогда не будет твоей кротости и покорности.

XI

ЛАГЕРЬ

Канчи (к вестнику Канья-Кубри). Передай своему царю, что ему нет надобности принимать нас, как своих гостей. Мы возвращаемся в наши владения, но мы хотим освободить царицу Сударшану от рабства и унижения, на которое она осуждена здесь.

Вестник. Государь, ты должен помнить, что царевна в доме своего отца.

Канчи. Дочь может оставаться в доме отца лишь до тех пор, пока она не замужем.

Вестник. Но ее связь с семьей отца всегда остается прочной.

Канчи. Она теперь отеклась от всех этих связей.

Вестник. От этой связи нельзя отречься до самой смерти, государь; ею можно на время пренебречь, но нельзя ее разорвать совершенно.

Канчи. Если царь не согласится отдать мне свою дочь на мирных условиях,—закон порядочности, обязательный для кшатриев, вынудит меня применить силу. Считаю это моим последним словом.

Вестник. Государь, не забывай, что и наш царь связан тем же законом. Напрасно было бы ждать, что он выдаст дочь только потому, что слышит угрозы.

Канчи. Скажи своему царю, что я пришел, готовый к такому ответу.

(Вестник уходит).

Суварна. Царь Канчи, мне кажется, что мы отваживаемся на слишком многое.

Канчи. Что за удовольствие было бы в этом предприятии, если бы было иначе?

Суварна. Не нужно много храбрости, чтобы вызвать на бой Канья-Кубри, но...

Канчи. Если хоть раз испугаться какого-нибудь „но“,—никогда не найдешь для себя достаточно безопасного места во всем мире.

Входит солдат.

Солдат. Государь! Я только что получил сведения, что цари Кошала, Аванти и Калинга идут по этой дороге со своими войсками.

(Уходит).

Канчи. То, чего я боялся! Слух о бегстве Сударшаны распространился,—теперь мы накануне общей схватки, которая наверно кончится дымом пожаров.

Суварна. Теперь это бесполезно, государь. Это нехорошие известия. Я совершенно уверен, что сам царь наш тайне распространил этот слух.

Канчи. Зачем? Какая ему польза от него?

Суварна. Алчные разорвут друг друга на куски в общей междоусобной схватке, а он получит выгоду: уйдет с добычей.

Канчи. Теперь стало ясно, почему ваш царь никогда не показывается. Хитрость его в том, чтобы размножить себя во все стороны,—страх заставляет видеть его везде. Но я всегда буду утверждать, что ваш царь—один пустой обман с головы до ног.

Суварна. Но соблаговоли, государь, будь так милостив, отпусти меня.

Канчи. Я не могу тебя отпустить, я рассчитываю применить твои силы в этом деле.

Входит солдат.

Солдат. Государь, Вират, Панчал и Видарбха тоже пришли. Они расположились лагерем на другой стороне реки.

(Уходит).

Канчи. Сначала все мы должны сразаться вместе. Пусть окончится битва с Канья-Кубри, тогда мы найдем выход из затруднения.

Суварна. Прошу тебя, не вовлекай меня в твои планы,—я буду счастлив, если ты меня оставишь одного... Я бедное, несчастное создание... и ничто не может...

Канчи. Слушай, царь лицемеров,—средства, которыми приходится пользоваться, не всегда бывают высокого качества,—когда мы идем к какой-нибудь цели по дорогам, по лестницам, нам приходится попирать их ногами. Когда для своих планов пользуешься такими людьми, как ты, не нужны ни маски, ни самообманы. Это большое преимущество. Вот если бы, я стал совещаться с моим первым министром, было бы глупо с моей стороны назвать грабеж каким-нибудь менее достойным именем, чем „общественное благо“. Теперь я пойду и двину вперед царей, как пешки на шахматной доске; конечно, игра не наладится, если все пешки захотят передвигаться как цари.

XII

ВНУТРЕННОСТЬ ДВОРЦА

Сударшана. Битва все еще продолжается?

Сурангама. Все так же жарко.

Сударшана. Прежде, чем идти в бой, отец пришел ко мне и сказал: „Ты ушла от одного царя и притащила за собою семерых. Я собираюсь разрезать тебя на семь частей и раздать царям“. Хорошо, если бы он так и сделал, Сурангама!

Сурангама. Да?

Сударшана. Если бы твоему царю удалось спасти меня, могло бы мое теперешнее положение оставить его безучастным?

Сурангама. Царица, зачем ты меня спрашиваешь? Разве я могу отвечать за царя? Я знаю, как темен мой разум, и потому никогда не решаюсь судить о нем.

Сударшана. Кто участвует в этом сражении?

Сурангама. Все семь царей.

Сударшана. Больше никто?

Сурангама. Суварна пытался убежать тайком прежде, чем начался бой, но Канчи схватил его, как пленника, и удержал в своем лагере.

Сударшана. О, мне давно надо было умереть! Но царь, царь мой, если бы ты пришел и помог отцу, твоя слава не стала бы меньше. Она бы стала шире и выше. Ты вполне уверена, Сурангама, что он не пришел?

Сурангама. Я ничего не знаю наверно.

Сударшана. Но с тех пор, как я здесь, мне казалось несколько раз, что кто-то играл на вине под моими окнами.

Сурангама. Нет ничего невозможного в том, что кто-нибудь здесь удовлетворяет свою склонность к музыке.

Сударшана. Под моим окном густая заросль, и всякий раз, когда я слышу музыку, я пытаюсь узнать, кто это, но ничего не могу разглядеть ясно.

Сурангама. Быть может, какой-нибудь путник, зайдя в тень, играет на своем инструменте.

Сударшана. Пусть так, но я вспоминаю мое старое окно во дворце. Я обычно выходила, раздевшись вечером, и стояла у окна, и за пустым мраком бессветного места наших встреч неслись ко мне звуки, песни, мелодии, сливаясь и колеблясь в бесконечном ряду, в чрезмерном изобилии, как страстная полнота неиссякаемого водомёта!

Сурангама. О, густой и сладостный мрак, глубокий, таинственный мрак, которому я служила!

Сударшана. Зачем же ты ушла со мной оттуда?

Сурангама. Потому что я знала, что он пойдет вслед за нами и приведет нас обратно.

Сударшана. Да нет же, он не придет, он покинул нас совсем. Почему бы ему и не покинуть нас?

Сурангама. Если он может так оставить нас, тогда и он нам не нужен. Тогда он не существует для нас, тогда и та темная комната совершенно пуста до конца, тогда и музыка вины не звучала здесь никогда, и никто не звал ни тебя, ни меня в той комнате; тогда все было обманом и праздной мечтой.

Входит привратник.

Сударшана. Кто ты?

Привратник. Я привратник этого дворца.

Сударшана. Скажи скорее, какие вести ты принес.

Привратник. Наш царь взят в плен.

Сударшана. В плен? О, мать-земля! (Падает без чувств).

XIII

Царь Канчи и Суварна.

Суварна. Итак, ты говоришь, что никакой битвы между вами больше не нужно?

Канчи. Да; можешь не бояться. Я убедил всех князей согласиться, что царицу получит тот, кого она сама признает своим мужем, а остальные прекратят дальнейшую борьбу.

Суварна. Теперь, государь, обрати внимание на меня, я прошу тебя, отпусти меня теперь. Я и так ни на что не способен, а страх перед близкой опасностью раздражил и оглушил мой разум. И тебе нелегко будет найти дело, в котором я могу пригодиться тебе.

Канчи. Ты останешься здесь, чтобы держать зонт надо мною.

Суварна. Твой слуга готов на все, но какая тебе будет от этого польза?

Канчи. Мой милый, я вижу, что твой слабый разум не вяжется с твоим огромным самомнением. Ты даже не замечаешь, с какой благосклонностью смотрит на тебя царица. Но вряд ли в обществе царей она бросит брачный венок зонтоносцу; впрочем, я знаю, что она не в силах отвлечь от тебя свои мысли. Итак, во всяком случае, венок упадет под тень моего царского зонта.

Суварна. Великий государь, ты создал из меня в своем воображении опасный образ. Прошу тебя не запутывать меня в сетях этих неверных измышлений. Я покорно прошу твое величество, я умоляю — отпустить меня на свободу.

Канчи. Как только моя цель будет достигнута, я ни на минуту не оставлю тебя без свободы. Когда достигнута цель, глупо обременять себя средствами.

XIV

Сударшана и Сурангама у окна.

Сударшана. Итак, я должна идти в собрание царей? И нет другого средства спасти жизнь отца?

Сурангама. Так сказал царь Канчи.

Сударшана. Достойны ли царя такие слова? Он произнес их своими устами?

Сурангама. Нет, его гонец Суварна передал это известие.

Сударшана. Горе, горе мне.

Сурангама. Он принес несколько увядших цветов и сказал: „Передай твоей царице, что чем более увядают и сохнут эти цветы, напоминающие о весеннем празднике, тем свежее и пышнее цветут они в моем сердце“.

Сударшана. Довольно! Не говори мне больше ничего. Не мучь меня больше.

Сурангама. Смотри! Вот все цари сидят в полном сборе. Тот, на ком нет никаких украшений, кроме цветочного венка вокруг короны, это—царь Канчи. А тот, кто, стоя за спиной, держит над ним зонт, это—Суварна.

Сударшана. Это Суварна? Ты в этом уверена?

Сурангама. Да, я хорошо его знаю.

Сударшана. Возможно ли, что это тот самый, кого я видела в тот день? Нет, нет, я видела что-то смутное, переливающееся, слитое из света и тьмы, ветра и благоухания,—нет, нет, это не может быть он, это не он.

Сурангама. Но все согласны, что он на редкость красив.

Сударшана. Как может *эта* красота зажечь меня? О, что мне сделать, чтобы очистить глаза от этой скверны?

Сурангама. Тебе нужно омыть их в бездонном мраке.

Сударшана. Но скажи мне, Сурангама, как можно так обманываться?

Сурангама. Ошибки—только предвестия, что ошибок больше не будет.

Гонец (входя). Царевна, цари ожидают тебя в зале.

(Уходит).

Сударшана. Сурангама, принеси мне покрывало. (Сурангама уходит). О царь, мой единственный царь! Ты оставил меня одну, и ты был прав, что сделал так. Но хочешь знать глубочайшую правду моей души? (Вынимая книжку). На этом теле—пятно позора; я принесу его сегодня в жертву и

швырну его в пыль залы перед всеми царями! Но неужели я не в силах буду сказать тебе, что нет пятна измены в тайниках моего сердца? Тот темный покой, в который ты придешь мне навстречу, еще холоден и пуст в груди моей, но... О, господин мой, никто не открывал его дверей, никто не входил в него, кроме тебя, о, мой царь! Или ты никогда не придешь открыть те двери? Тогда пусть приходит смерть, она темна, как ты, и черты ее прекрасны, как твои. Это ты, это ты сам, о царь!

XV

Собрание царей.

Видарбха. Царь Канчи, как случилось, что на тебе нет никаких украшений?

Канчи. Потому что у меня нет надежд, друзья мои. Украшения удвоили бы позор моей неудачи.

Калинга. Но твой зонтоносец, видимо, близок к этому, он весь увешан золотом и драгоценностями.

Вират. Царь Канчи хочет показать, как тщетны и низки внешняя красота и величие. Тщеславие собственной храбростью заставило его снять с себя все внешние прикрасы.

Кошала. Я убежден в его хитрости: он хочет показать собственное достоинство, выделяясь простотой среди разукрашенных царей.

Панчала. Я не могу похвалить его познания в этой области. Все знают, что женские глаза—как бабочки, которые опрометчиво бросаются на свет и блеск алмазов и золота.

Калинга. Однако, долго ли нам еще ждать?

Канчи. Не будь нетерпеливым, царь Калинга: сладки запоздалые плоды.

Калинга. Если бы я был уверен в плодах, я стал бы терпеливо ждать. Но так как мои надежды отведают этого плода—слишком сомнительны,—мое страстное желание увидеть ее пробивается сквозь все границы.

Канчи. Но ты еще очень молод, обманутая надежда придет к тебе, в твоем возрасте, вновь и вновь, как бесстыдная женщина,—а мы, как-ни-как, давно прошли эту ступень.

Кошала. Канчи, ты не чувствуешь, что кресло твое дрожит? Не землетрясение ли это?

Канчи. Землетрясение? Не знаю.

Видарбха. Или, может быть, приближается кто-нибудь из царей со своим войском?

Калинга. Может быть. Но в таком случае мы получили бы извещение через герольда или гонца.

Видарбха. Я вижу в этом опасное предзнаменование.

Канчи. Боязливым глазам все кажется опасным.

Видарбха. Я не боюсь ничего, кроме судьбы, а перед ней и храбрость и смелость—бесполезны и даже нелепы.

Панчала. Видарбха, не омрачай сегодняшних счастливых событий своими неприятными пророчествами.

Канчи. Я никогда не считаюсь с невидимым, пока оно не сделается видимым.

Видарбха. Но тогда может оказаться слишком поздно.

Панчала. Но разве все мы затеяли это дело не в самое благоприятное мгновение?

Видарбха. Что же, ты считаешь, что устранил все возможные опасности, избрав благоприятное мгновение для начала этого дела? Это похоже на то, как-будто...

Канчи. Лучше оставить это „как-будто“: дело наших собственных рук часто оказывается нашей же гибелью.

Калинга. Не музыка ли прозвучала где-то там?

Панчала. Да, точно, это звуки музыки.

Канчи. Если так, это, вероятно, приближается царица Сударшана. (В сторону Суварне). Суварна, не прячься так и не трусь! Подумай, зонт дрожит в твоей руке!

Входит дед, одетый воином.

Калинга. Кто это?—Кто ты?

Панчала. Кто осмелился войти в этот зал без приглашения?

Вират. Удивительная наглость! Калинга, не позволяй ему двигаться дальше!

Калинга. Вы старше меня, вам удобнее сделать это, чем мне.

Видарбха. Послушаем, что он скажет.

Дед. Царь пришел.

Видарбха (дрожа). Царь?

Панчала. Какой царь?

Калинга. Откуда он пришел?

Дед. Мой царь.

Вират. Твой царь?

Калинга. Кто он?

Кашала. Что ты хочешь сказать?

Дед. Вы все знаете, о ком я говорю. Он пришел.

Видарбха. Он пришел?

Кашала. С каким намерением?

Дед. Он приглашает вас всех прийти к нему.

Канчи. Приглашает нас, неужели? На каких условиях угодно ему приглашать нас?

Дед. Вы можете принять его призыв, как вам угодно,—никто не будет мешать вам; он готов встретить вас так, чтобы удовлетворить ваши—столь разнообразные—вкусы.

Вират. Но кто же ты?

Дед. Я один из его полководцев.

Канчи. Полководцев? Это—ложь! Ты хочешь запугать нас? Ты воображаешь, что я не вижу тебя насквозь в этой личине? Мы все тебя отлично знаем, а ты выдаешь себя нам за полководца!

Дед. Ты узнал меня совершенно верно. Кто менее, чем я, достоин исполнять приказания царя? А теперь он одел меня в эту одежду полководца и послал сюда: он предпочел меня более великим полководцам, более могучим воинам.

Канчи. Прекрасно, при удобном случае мы придем исполнить долг приличия и вежливости, но сейчас мы заняты неотложным делом. Он благоволит подождать, пока это небольшое дело кончится.

Дед. Когда он зовет—он не ждет.

Кашала. Я повинуюсь его зову, я иду сейчас.

Видарбха. Канчи, я не могу согласиться с твоим предложением ждать окончания дела. Я иду.

Калинга. Ты старше меня: я последую за тобой.

Панчала. Оглянись, царь Канчи, твой царский зонт в пыли,—ты не заметил, как бежал твой зонтоносец!

Канчи. Хорошо, полководец. Я тоже иду—но не с тем, чтобы ему кланяться. Я иду сразиться с ним на поле битвы.

Дед. Ты встретишь моего царя на поле битвы: это—достойное место, чтобы принять тебя.

Вират. Послушайте, друзья, может быть, мы бежим перед мнимым страхом,—похоже на то, что царь Канчи выгадает от этого.

Панчала. Возможно, если плод висит близко, было бы трусостью и глупостью уйти, не сорвав его.

Калинга. Лучше присоединиться к царю Канчи. У него должен быть твердый план, раз он так много делает и так смело на многое решается.

XVI

Сударшана и Сурангама.

Сударшана. Бой кончился. Когда придет царь?

Сурангама. Я сама не знаю: я смотрю вперед и жду, когда он придет.

Сударшана. Я чувствую такой радостный трепет, Сурангама, что у меня болит грудь. Но я краснею от стыда, — как я покажу ему мое лицо?

Сурангама. Иди к нему покорно и смиренно, и весь стыд исчезнет в одно мгновение.

Сударшана. Я должна сознаться, что испытала величайшее поражение — до конца жизни. Но гордость заставляет меня требовать еще большей доли его любви. Все говорили всегда, что у меня необычайная красота, изящество, добродетель; все говорили, что царь безгранично добр ко мне, — вот почему моему сердцу трудно преклониться перед ним в смирении.

Сурангама. Это затруднение, моя царица, пройдет.

Сударшана. О да, оно пройдет, настал день, когда я должна смириться перед целым светом. Но почему же не приходит царь взять меня с собой? Чего он еще ждет?

Сурангама. Разве я не говорила тебе, что мой царь суров и жесток, даже очень жесток?

Сударшана. Пойди, Сурангама, узнай мне о нем.

Сурангама. Я не знаю, куда идти узнавать о нем. Я просила деда прийти: может быть, когда он придет, мы получим какое-нибудь известие о нем.

Сударшана. Увы! злая моя судьба. Я так низко пала, что мне приходится просить других услышать что-нибудь о моем царе!

Входят дед.

Сударшана. Я слышала, что ты — друг моего царя, так прими мой поклон и благослови меня.

Дед. Что с тобой, царица? Я не принимаю ни от кого поклонов. Мои отношения ко всем людям только товарищеские.

Сударшана. Так улыбнись мне, поделись со мною хорошими вестями. Скажи мне, когда царь придет взять меня обратно?

Дед. Ты задала мне очень трудный вопрос. Я с трудом постигаю пути моего друга. Битва кончилась, но никто не может сказать, куда он ушел.

Сударшана. Так он ушел?

Дед. Я не могу найти здесь его следов.

Сударшана. Он ушел? И ты можешь назвать такого человека своим другом?

Дед. Потому что он подвергается и оскорблениям, и подозрениям народа. Но мой царь просто об этом не думает.

Сударшана. Так он ушел? О, как сурово, как жестоко, как жестоко! Он — каменный, он тверд, как алмаз. Я пыталась растрогать его своей грудью, но изранила и покрыла кровью мою грудь, а его не сдвинула ни на шаг. Скажи мне, как можешь ты иметь дело с таким другом?

Дед. Теперь я узнал его, я узнал его в моих печалих и восторгах, — больше он не заставит меня плакать.

Сударшана. А мне он также не даст узнать себя?

Дед. Да, конечно. Ни на чем ином он не примирится.

Сударшана. Хорошо же, я узнаю, насколько он может быть тверд. Я буду стоять здесь у окна, не говоря ни слова; я не двинусь ни на шаг; увидим, придет ли он.

Дед. Ты еще молода, ты способна ждать его; но для меня, старика, потерянная минута — неделя. Я должен отправиться искать его, — не знаю, удастся или нет.

(Уходит).

Сударшана. Мне его не надо, я не буду искать его! Сурангама, мне не надо твоего царя! Зачем он сражался с царями? Ради меня или нет? Или ему надо было показать свою храбрость и силу? Иди отсюда, я не могу терпеть твоего взгляда. Он втоптал меня в пыль, и ему все мало!

XVII

Толпа горожан.

Первый. Если столько царей сошлось вместе, можно было ждать большого удовольствия, а все повернулось иначе: никто не знает, что и произошло.

Второй. Разве ты не видишь, — они никак не поладят — один другому не доверяет.

Третий. Никак не поймешь их планов: одному надо наступать, а другому кажется, что хитрее будет отступить, один идет направо, другой бросается налево, — разве это можно назвать сражением?

Первый. Они и не смотрят на самое сражение, каждый смотрит только на других.

Второй. Каждый думает: „к чему мне умирать, чтобы помочь другим собрать жатву?“

Третий. Но все вы должны сознаться, что Канчи сражался, как истинный герой.

Первый. Он и после своего поражения долго не хотел считать себя побежденным.

Второй. Наконец, он был поражен ударом копья в грудь.

Третий. Но перед этим он как-будто и не понимал, что падь за падью он теряет всю землю.

Первый. Ну, а другие цари—никто не знает, куда они бежали, бросив бедного Канчи одного на поле битвы.

Второй. Но я слышал, что он все-таки не умер.

Третий. Да, врачи спасли его, но он будет носить на груди знак своего поражения до конца жизни.

Первый. Из убежавших царей никто не скрылся, все они были взяты в плен. Но какой приговор пал на их долю?

Второй. Я слышал, что все были казнены, кроме Канчи; его судья посадил по правую руку от себя на судейское кресло и возложил на него царский венец.

Третий. Такой суд, откровенно говоря,—что-то удивительное, какая-то своенравная прихоть.

Первый. Да, это так. Главный преступник—конечно, царь Канчи; что до других,—они то спешили наступать, в расчете на успех, то в страхе бежали назад.

Третий. Что это за суд, скажите? Ведь это значит—выпустить на волю тигра, отрезав ему только хвост!

Второй. Если б я был судьей—вы думаете, Канчи был бы теперь жив и здоров? Ничего бы от него не осталось!

Третий. Это всё великие, высшие судьи, друзья мои, у них мозги другого покроя, чем у нас.

Первый. Да есть ли у них какие-нибудь мозги? Они просто исполняют свои прихоти, как-будто нет никого над ними, кто мог бы что-нибудь сказать.

Второй. Что бы ты ни говорил, если бы сила власти была в наших руках, мы бы стали управлять лучше.

Третий. Можно ли в этом сомневаться? Нечего и говорить!

XVIII

Улица. Дед и Канчи.

Дед. Как, царь Канчи, ты здесь!

Канчи. Ваш царь послал меня на дорогу.

Дед. Это его обычай.

Канчи. А теперь—нет и следа его.

Дед. Это тоже—одно из его развлечений.

Канчи. Но долго ли будет он так скрываться от меня? Когда никто не мог меня заставить признать его царем, он пришел внезапно, как страшный ураган, бог знает откуда и рассеял моих людей, коней, знамена—в диком буйстве; а теперь, когда я готов идти на край света, чтобы смиренно склониться перед ним,—его нигде не видно.

Дед. Великому царю должно быть отдано то, что принадлежит ему по праву. Но почему ты, царь, вышел ночью?

Канчи. Я никак не могу избавиться от тайной боязни, что народ осмеет меня, увидав, как покорно я подчинился вашему царю, признавая свое поражение.

Дед. Да, таков народ. Что тронет до слез других—вызывает только пустой смех его.

Канчи. Но и ты тоже в пути?

Дед. Это мое веселое странствие в тот край, где всё потеряно.

ПЕСНЯ

Всей душою долго жду и надеюсь—потеряно всё.
Сторожу на перепутьях того, кто сам меня пошлет в открытый
Кто утаён—и видит, и втайне любит меня, [путь,
В утайной любви—я сердце предал ему.
Всей душою долго жду и надеюсь—потеряно всё.

XIX

ДОРОГА

Сударшана и Сурангама.

Сударшана. Какое облегчение, Сурангама, какая свобода! Мое поражение принесло мне свободу. О, какая была у меня железная гордость! Никто не мог ни поколебать, ни смягчить ее. Мой омраченный ум никак не мог увидеть простую правду, что не царь должен был прийти, а мне надо было решиться идти к нему. Всю вчерашнюю ночь я пролежала одна на пыльном полу перед окном—лежала там долгие, одинокие часы и плакала! Всю ночь южные ветры дули, кричали и стонали, как то горе, что пришло мое сердце, и сквозь горе я слышала жалобный голос—„женщина, говори!“—голос ночной птицы, повторенный эхом в смятенном воздухе!.. Это было беспомощное рыдание темной ночи, Сурангама!

Сурангама. Тяжелый и скорбный воздух минувшей ночи, казалось, занавешивал вечность,—о, какая темная, мрачная ночь!

Сударшана. Но поверишь ли?—мне чудилось, я слышу, как нежные созвучия вины плыли сквозь этот дикий грохот и мятеж! Мог ли он играть так сладостно и нежно,—он, такой жестокий и страшный? Мир знает только мое бесславление, мой позор, но только мое сердце могло расслышать те напевы, которые звали меня сквозь пустынную, рыдающую ночь. А ты, Сурангама, тоже слышала вину? Не снилось ли мне это во сне?

Сурангама. Как же не слышать той же самой музыки вины—мне, которая всегда рядом с тобой? К этому призыву музыки я знала, что он прозвучит, чтобы разрушить все преграды для любви,—к нему я давно прислушивалась страстным слухом.

Сударшана. Наконец он послал меня на открытую дорогу,—я не могла противоречить его воле. Когда я найду его, первые слова, которые я скажу ему, будут: „Я пришла по доброй воле, я не ждала, что ты придешь“. Я скажу: „Ради тебя я прошла по трудным и скучным дорогам; и горько, и бесконечно было мое рыдание в пути“. По крайней мере, хоть этим я могу гордиться пред ним, когда я встречу его.

Сурангама. Но и эта гордость пройдет. Он пришел раньше тебя, иначе кто же послал бы тебя на дорогу?

Сударшана. Может быть. Пока во мне оставалось чувство оскорбленной гордости, я не могла отрешиться от мысли, что он меня покинул без моей вины; но когда я развеяла по ветру мое достоинство и мою гордость и вышла на простые улицы, мне показалось, что он вышел тоже: я нашла его с той минуты, как очутилась на дороге. Теперь я ничего не боюсь. Все это страдание, испытанное из-за него, самая горечь всего, что было, приблизили его ко мне. Да, он пришел,—он держал меня за руку, как бывало в той темной комнате, когда при его прикосновении все мое тело начинало внезапно дрожать: это снова то же, то же прикосновение! Кто скажет, что царя здесь нет? Сурангама, разве ты не видишь, что он пришел—молча, втайне?.. Кто это здесь? Ты видишь, Сурангама? Есть третий путник на этой темной дороге, в этот ночной час!

Сурангама. Вижу. Царица, это царь Канчи.

Сударшана. Царь Канчи!

Сурангама. Не бойся, царица!

Сударшана. Не бойся? Чего мне бояться? Дни страха прошли для меня навсегда.

Канчи (подходя). Мать-царица! Я вижу вас двоих на этой дороге! Я странник на том же пути. Не страшись меня, царица!

Сударшана. Это хорошо, царь Канчи, что мы пойдем вместе, рядом, это так и должно быть. Я была на твоём пути, когда только что оставила мой дом, и теперь встречаюсь с тобою снова на возвратном пути. Кто мог мечтать, что эта встреча предвещает добро?

Канчи. Но, мать-царица, тебе не подобает брести пешком по этой дороге. Позволишь мне достать для тебя колесницу?

Сударшана. О, не говори так: я не буду счастлива, если на моем возвратном пути домой не пройду по пыли той дороги, которая увела меня от моего царя. Я обманула бы самое себя, если бы теперь поехала на колеснице.

Сурангама. Царь, ты тоже бредешь сегодня в пыли: по этой дороге никто никогда не мчался ни на коне, ни на колеснице.

Сударшана. Когда я была царицей, я ступала по серебру и золоту, теперь я должна искупить злой рок моего рождения, бредя по пыли и голой земле. Могла ли я мечтать, что так буду встречать сегодня моего царя—на голой земле и в пыли, шаг за шагом?..

Сурангама. Смотри, моя царица, там, на восточном краю неба, встает заря. Нам недолго идти: я вижу иглы золотых башен царского дворца.

Входит дед.

Дед. Дитя мое, вот, наконец, заря!

Сударшана. Твои благословения дали мне божью помощь, и вот наконец я здесь.

Дед. Но ты видишь, как невежлив наш царь? Он не прислал ни колесницы, ни толпы музыкантов, ничего блестящего, роскошного?

Сударшана. Ты говоришь—ничего роскошного? Смотри—небо розовеет и алеет от края до края, воздух полон привета благовоний цветов!

Дед. Да, и как бы суров ни был наш царь, мы не можем состязаться с ним: все же мне больно смотреть на тебя в таком виде, дитя мое. Нестерпимо видеть, как ты идешь к царскому дворцу в этом бедном, жалком одеянии. Подожди немного, я побегу и принесу тебе царские одежды.

Сударшана. Нет, нет, нет! Он снял с меня эти цар-

ские одежды навсегда, он одел меня в платье рабыни перед глазами всего мира: каким облегчением это было для меня! Теперь я его раба, я больше не царица. Теперь я последняя из тех, кто может притязать на близость к нему.

Дед. Но враги твои осмеют тебя теперь: как ты вынесешь их глумление?

Сударшана. Пусть их смех и глумление будут бесмертны, пусть закидают меня пылью на улицах: этой пылью, как праздничной розовой краской, я украшу себя перед встречей с моим господином.

Дед. После этого нам нечего сказать. Теперь сыграем последнюю игру нашего весеннего праздника, — вместо цветочной пыли, пусть южный ветер навеет и набросает повсюду пыль смирения. Мы придем к нашему господину, одетые в один серый цвет пыли. И мы найдем его тоже всего покрытого пылью. Или вы думаете, что люди шадят его? Нет, даже он не может избежать их грязных и пыльных рук, но он и не заботится о том, чтобы смести эту пыль со своих одежд.

Канчи. Дедушка, не забудь меня в вашей игре. Я тоже хочу, чтобы эта царская одежда моя была загрязнена так, чтобы ее нельзя было узнать.

Дед. Час этот недалек, брат мой. И теперь, сойдя с прежней высоты, ты не изменишься. Взгляни на нашу царицу: она смирилась и думает, что может повредить своей непобедимой красоте тем, что снимет с себя украшения, но это поругание ее красоты заставило ее просить в десять раз ослепительнее, и теперь она сияет в своем неприкрашенном совершенстве. Мы слышали, что наш царь некрасив, — вот почему он и любит все многообразие красоты, сияющей, как украшение на его груди. И эта красота сегодня сняла с себя покрывало гордости и тщеславия. Чего бы я не дал, чтобы мне было позволено было слышать чудесную музыку и пение, наполнившие сегодня дворец моего царя!

Сурангама. Вот восходит солнце!

XX

ТЕМНАЯ КОМНАТА

Сударшана. Господин мой, не возвращай мне той чести, которую некогда ты у меня отнял. Я раба у ног твоих, я добиваюсь только чести служить тебе.

Царь. Ты будешь в силах выносить меня?

Сударшана. О да, да, буду. Твой взор отталкивал меня, потому что я искала тебя в праздничных садах, в моей царской комнате — там, где даже твой последний слуга красивее тебя. Эта горячка томления отошла от моих глаз навеки. Ты не прекрасен, господин мой, ты выше всех сравнений.

Царь. То, с чем можно сравнить меня, заключено внутри тебя.

Сударшана. Если так, то и это выше сравнений. Твоя любовь живет во мне, ты отражен в этой любви, и ты видишь свое лицо, отраженное во мне: нет ничего моего, все твое. О господин!

Царь. Я открываю сегодня двери этой темной комнаты; игра кончена. Иди, иди теперь со мной, идем отсюда в свет.

Сударшана. Прежде чем идти, дай мне склониться к ногам моего царя тьмы — о, мой жестокий, мой страшный, мой несравненный!

Перевела с английского

А. Ошошкович-Яцына.

„Веди нас от неистинного к истинному“

САНИАСИ

или

НЕПРИЕМЛЮЩИЙ МИРА

SANYASI, OR THE ASCETIC

Саниаси (стоя у входа в пещеру). Смена дней и ночей не для меня, не для меня смена месяцев и лет. Для меня поток времени, в струях которого, как соломинки и сучки, пляшут миры, остановился. В этой темной пещере я один, погруженный сам в себя, и вечная ночь тиха, как горное озеро, испуганное своей глубиной. Вода сочится и капает из расселин, а в прудах плавают древние лягушки. Я сижу, восхваляя очарование небытия. Границы мира отступают черта за чертой. Звезды, как огненные искры, взлетевшие с наковальни времени, погасли; и моя—та радость, которая нисходит на бога Шиву, когда, после эонов сна, он пробуждается один в самом сердце бесконечного уничтожения. Я свободен, я—великое одинокое единое. Когда я был твоим рабом, о природа, ты восстанавливала мое сердце против самого себя и заставляла его нести через свой мир жестокую войну самоубийства. Желания, у которых нет иной цели, как питаться собою же и всем тем, что приближается к их устам, бичевали меня до иступления. Ты загнала меня молниеносными бичами наслаждения в пустоту пресыщенности. И алкания, твои ловушки, всегда приводили меня к бесконечной ненасытности, где пища превращалась в прах, а напиток—в туман. И вот, когда мой мир запятнали слезы и пепел, я дал клятву отомстить тебе, нескончаемая видимость, владычица бесчисленных личин. Я искал защиты во мраке—в замке бесконечного,—я боролся с обманчивым светом, день за днем, пока он не стал безоружным и не лег бессильный к моим ногам. Теперь, когда я свободен от страха и желаний, когда туман рассеялся и мой разум сияет, чистый и яркий, дай мне войти в царство лжи и сесть на его сердце, бесчувственным и бесстрастным.

II

Саниаси (у края дороги). Как мала и ограничена эта земля, хранимая и преследуемая неотступными горизонтами! Деревья, дома и множество вещей толпятся перед моими глазами. Свет, словно клетка, замыкает темную вечность; и часы прыгают и кричат за его решеткой, как плененные птицы. Но почему спешат эти шумливые люди, зачем? Кажется, что они всегда боятся упустить что-то, что никогда не попадает к ним в руки.

Толпа проходит. Входят сельский старейшина и две женщины.

Первая женщина. Что ты? Что ты? Да ведь это смешно!

Вторая женщина. Но кто же говорит, что ты старая?

Сельский старейшина. Есть глупцы, которые судят о людях по внешности.

Первая женщина. Как грустно! Мы с детства созерцали твою внешность. Она все та же столько лет.

Сельский старейшина. Как утреннее солнце.

Первая женщина. Да, как утреннее солнце, сверкающее лысиной.

Сельский старейшина. Сударыни, у вас слишком придирчивый вкус. Вы замечаете то, что не имеет значения.

Вторая женщина. Перестань болтать, Ананга. Поспешим домой, не то мой муж рассердится.

Первая женщина. Прощай, господин. Пожалуйста, суди о нас по нашей внешности, мы ничего не имеем против этого.

Сельский старейшина. Потому что у вас и нет ничего, кроме внешности.

(Уходят).

Входят три поселяннина.

Первый поселянин. Оскорбить меня? Негодяй! Он пожалеет об этом.

Второй поселянин. Ему надо дать основательный урок.

Первый поселянин. Урок, который бы он помнил до могилы.

Третий поселянин. Да, брат, ты уж постарайся. Не давай ему спуска.

Второй поселянин. Он вырос слишком большим.

Первый поселянин. Достаточно большим, чтоб допнуть.

Третий поселянин. Когда муравьи начинают отрачивать крылья, они погибают.

Второй поселянин. Но есть ли у тебя какой-нибудь план мести?

Первый поселянин. Не один, а сотни. Я пройду своим плугом по его владениям... Я прокачу его по улицам верхом на осле, а лицо у него будет выкрашено белым и черным. Он у меня света не взвидит, и...

(Уходит).

Входят два студента.

Первый студент. Я уверен, что профессор Мадгаб победил на диспуте.

Второй студент. Нет, победил профессор Джанардан.

Первый студент. Профессор Мадгаб защищал свою точку зрения до конца. Он говорил, что малое есть следствие большого.

Второй студент. Но профессор Джанардан окончательно доказал, что малое есть первопричина большого.

Первый студент. Невозможно.

Второй студент. Это ясно, как день.

Первый студент. Семя происходит от дерева.

Второй студент. Дерево происходит от семени.

Первый студент. Саниаси, в чем по твоему истина? Что первопричина—малое или большое?

Саниаси. Ни то, ни другое.

Второй студент. Ни то, ни другое. Что ж, это звучит удовлетворительно.

Саниаси. Первопричина—конец, и конец—первопричина. Это замкнутый круг. Различие между малым и большим в вашем неведении.

Первый студент. Что ж, это звучит совсем просто, и, я думаю, это и подразумевал мой учитель.

Второй студент. Безусловно, это больше совпадает с тем, что проповедует мой учитель.

(Уходит).

Саниаси. Эти птицы клюют слова. И когда им попадется животрепещущий вздор, способный наполнить их рот, они счастливы.

Входят две цветочницы с пением.

ПЕСНЯ

Скучно бегут часы.
 Цветы, что цветут на солнце,
 Вянут и никнут в тени.
 Я хотела сплести венок
 Ранним утром для моей любви.
 Но вот и утро прошло,
 Не собраны цветы,
 И потеряна любовь.

Проезжий. Почему такое сожаление, мои милые? Когда будут готовы венки, в шеях не будет недостатка.

Первая цветочница. Не будет недостатка и в веревках.

Вторая цветочница. Ты дерзок. Зачем ты подходишь так близко?

Проезжий. Ты споришь из-за пустяков, девочка. Я достаточно далеко от тебя, между нами мог бы пройти слон.

Вторая цветочница. В самом деле. Разве я такое пугало? Я бы не съела тебя, если бы ты подошел.

(Уходят, смеясь).

Входит старый нищий.

Нищий. Добрые господа, пожалейте меня. Помогай вам бог. Дайте мне горсточку от вашего избытка.

Входит солдат.

Солдат. Иди прочь. Разве ты не видишь, что идет сын министра?

(Уходит).

Саниаси. Полдень. Солнце становится могучим. Небо похоже на пылающий опрокинутый кубок из меди. Земля дышит горячими вздохами, и под звуки этих вздохов пляшут и кружатся пески. Какие человеческие вздохи я видел! Могут ли я опять опуститься до ничтожества этих существ и стать одним из них? Нет, я свободен. Для меня не существует этого препятствия, этого мира вокруг меня. Я живу в чистом.

Входят девушка Вазанти и женщина.

Женщина. Девушка, разве ты не дочь Рагху? Тебе следовало бы держаться подальше от этой дороги. Разве ты не знаешь, что это дорога в храм?

Вазанти. Я — на краю, на самом дальнем конце, госпожа.

Женщина. Но мне показалось, что край моей одежды прикоснулся к тебе. Я несу приношения богине, — надеюсь, они не осквернены.

Вазанти. Я уверяю тебя, что твоя одежда не коснулась меня. (Женщина уходит). Я — Вазанти, дочь Рагху. Могут ли подойти к тебе, отец?

Саниаси. Отчего же нет, дитя?

Вазанти. Я — скверна, как они называют меня.

Саниаси. Но они и сами — скверна. Они возвращаются во прахе бытия. Только тот чист, кто омыл свой дух от этого мира. Но что сделала ты, дочь моя?

Вазанти. Мой отец, который умер, презирал их заканы, а также их богов. Он не хотел исполнять их обряды.

Саниаси. Отчего ты стоишь так далеко от меня?

Вазанти. Можешь ли ты дотронуться до меня?

Саниаси. Да, потому что ничто не трогает меня действительно. Я — навеки в бесконечном. Ты можешь сесть здесь, если хочешь.

Вазанти (рыдая). Никогда не гони меня больше, если однажды ты позволил мне приблизиться к тебе.

Саниаси. Вытри слезы, дитя. Я — Саниаси. В моем сердце нет ни привязанности, ни вражды. Я никогда не назову тебя своей и потому никогда не оттолкну тебя. Ты для меня, как это голубое небо, — ты есть, и все же тебя нет.

Вазанти. Отец, я покинута богами и людьми.

Саниаси. Я также. Я покинул и богов, и людей.

Вазанти. У тебя нет матери?

Саниаси. Нет.

Вазанти. Нет отца?

Саниаси. Нет.

Вазанти. И друга?

Саниаси. Нет.

Вазанти. Тогда я буду с тобой. Ты не покинешь меня?

Саниаси. Я покончил с разлуками. Ты можешь быть вблизи меня и все-таки никогда не приблизиться ко мне.

Вазанти. Я не понимаю тебя, отец. Скажи мне, разве для меня нет пристанища в целом мире?

Саниаси. Пристанища? Разве ты не знаешь, что этот мир — бездонная пропасть? Толпа созданий выходит из жерла небытия, ищет пристанища, и попадает в зияющую пасть пустоты, и теряется. Это призраки лжи вокруг тебя, которые раскинули базар обманов и торгуют тенями. Они только обманывают твой голод, но не утоляют его. Уходи отсюда, дитя, уходи.

Вазанти. Но, отец, кажется, что они так счастливы в этом мире. Не можем ли мы посмотреть на них с края до-роги?

Саниаси. Увы, они не понимают. Они не видят, что этот мир—смерть, простирающаяся до бесконечности. Он умирает каждое мгновение и никогда не приходит к концу. И мы, создания этого мира, живем, питаюсь смертью.

Вазанти. Отец, ты пугаешь меня.

Входит путешественник.

Путешественник. Могу я найти пристанище недалеко отсюда?

Саниаси. Нигде нет пристанища, мой сын, только в глубине себя. Ищи его и живи в нем подольше, если хочешь спастись.

Путешественник. Но я устал, мне нужно пристанище.

Вазанти. Моя хижина недалеко отсюда. Хочешь, пойдём?

Путешественник. Но кто ты?

Вазанти. Тебе это нужно знать? Я—дочь Рагху.

Путешественник. Нет, нет, моя милая, я не могу отдохнуть у тебя.

(Уходит).

Люди, несущие кого-то на постели.

Первый носильщик. Он все еще спит.

Второй носильщик. Однако он тяжёл, этот бездельник.

Путешественник (в стороне от них). Кого вы несете? Третий носильщик. Ткач Бинда заснул, как мертвый, и мы уносим его прочь.

Второй носильщик. Но я устал, братцы. Дадим ему тумака и разбудим его.

Бинда. О... е... ы...

Третий носильщик. Что это за шум?

Бинда. Эй, вы! Кто же вы? Куда меня несут?

(Они снимают постель со своих плеч и кладут ее на землю).

Третий носильщик. Не можешь ли ты быть смиренным, как подобает приличному мертвецу?

Второй носильщик. Ну, дела! Он даже после смерти говорит.

Третий носильщик. Было бы более достойно, если бы ты помолчал.

Бинда. Мне очень грустно, что я должен вас разочаровать, господа, вы ошиблись. Я не умер, но крепко заснул.

Второй носильщик. Я восхищаюсь нахальством этого малого. Он не только умирает, но еще возражает.

Третий носильщик. Он не хочет сознаться. Пойдем и покончим похоронные обряды.

Бинда. Клянусь твоей бородой, мой брат, что я так же жив, как любой из вас.

(Уносят его, смеясь).

Саниаси. Девушка заснула, положив руку под свою маленькую головку; я думаю, что должен покинуть ее теперь и уйти. Но, трус, разве ты должен бежать—бежать от этой маленькой твари? Это сети паука Природы, они опасны только для моли, а не для подобного мне Саниаси.

Вазанти (внезапно проснувшись). Ты покинул меня, господин? Ты ушел?

Саниаси. Зачем бы я ушел от тебя? Мне ли бояться тени?

Вазанти. Слышишь ли ты шум на дороге?

Саниаси. Но к моей душе тишина.

Входит молодая женщина, в сопровождении мужчин.

Женщина. Уходите теперь. Оставьте меня. Не говорите мне о любви.

Первый мужчина. Почему, в чем моя вина?

Женщина. У вас, у мужчин, каменные сердца.

Первый мужчина. Невероятно. Если б у нас были каменные сердца, разве могли бы им вредить стрелы Купидона?

Другой мужчина. Браво. Хорошо сказано.

Второй мужчина. Ну, что ж ты ответишь на это, моя дорогая?

Женщина. Ответу? Ты думаешь, что сказал что-то очень удачное, не правда ли? А на самом деле это вздор.

Первый мужчина. Я предоставляю вам судить, господа. Вот что я сказал: если б у нас были каменные сердца, разве...

Третий мужчина. Да, да, на это ничего нельзя ответить.

Первый мужчина. Дайте мне объяснить вам. Она сказала, что у нас, мужчин, каменные сердца, не правда ли? Отлично, я сказал в ответ, что если б у нас были каменные сердца, им не могли бы вредить стрелы Купидона. Вы понимаете?

Второй мужчина. Брат, вот уже двадцать четыре года я торгую в городе патокой,—неужели ты думаешь, что я не могу понять то, что ты говоришь.

(Уходят).

Саниаси. Что ты делаешь, дитя?

Вазанти. Я смотрю на твою широкую ладонь, отец. Моя рука, как маленькая птичка, гнездится в ней. Твоя ладонь велика, как земля, которая содержит все. Эти линии—реки, а эти—холмы.

(Кладет свою щеку на его ладонь).

Саниаси. Твое прикосновение, дочь моя, нежно, как прикосновение сна. Мне кажется, что в этом прикосновении есть что-то от великого мрака, который касается души жезлом вечности. Но ты, дитя, дневной мотылек. У тебя есть твои птицы, и цветы, и поля,—что ты можешь найти во мне, средоточье которого в Едином, а окружность—нигде?

Вазанти. Мне ничего другого не надо. Мне достаточно твоей любви.

Саниаси. Девушка думает, что я люблю ее глупое сердце. Она счастлива от этой мысли. Пусть питает ее. Они выросли среди обманов, и обманы нужны им в утешение.

Вазанти. Отец, вот это растение, ползущее по траве, в поисках дерева, вокруг которого можно обвиться,—мое растение. Я холила его и поливала с тех пор, как оно высушило на свет два маленьких листка, похожих на крик ребенка. Это растение—я, оно выросло у дороги, его так легко смять. Ты видишь эти маленькие, красивые цветы—голубенькие с белыми точками в сердцевине? Эти белые точки—их сны. Позволь мне осторожно коснуться твоего лба этими цветами. Для меня вещи, которые прекрасны,—ключ ко всему тому, чего я не видела и не знаю.

Саниаси. Нет, нет, прекрасное—это только мечта. Для того, кто знает, цветы и прах одно и то же. Но что за истома проникает в мою кровь и простирает перед моими глазами нежную туманную завесу всех цветов радуги? Не сама ли Природа вьет свои сны вокруг меня, обволакивая мои чувства? (Внезапно вырывает ползущее растение и встает). Довольно этого; потому что это смерть. Какую игру затеяла ты со мной, маленькая девочка? Я—Саниаси, я разрезал все мои узлы, я—свободен. Нет, нет, не надо слез. Я не могу вынести их. Но где скрывалась в моем сердце эта змея, этот гнев, который зашипел из мрака? Нет, они не умерли, они пережили голодовку. Эти адские создания стучат своими

скелетами и пляшут в моем сердце, как только их госпожа, великая чародейка, заиграет на своей волшебной флейте. Не плачь, дитя, подойди ко мне. Ты кажешься мне призывом потерянного мира, песней кочующей звезды. Ты приносишь моему духу нечто, что бесконечно больше Природы,—больше, чем солнце и звезды. Оно так же велико, как мрак. Я его не понимаю. Я никогда его не знал и потому боюсь его. Я должен оставить тебя. Иди назад, откуда пришла—вестница неведомого.

Вазанти. Не оставляй меня, отец, у меня никого нет, кроме тебя.

Саниаси. Я должен идти, я думал, что знаю, но я не знаю. А я должен знать. Я оставляю тебя, чтобы узнать, кто ты.

Вазанти. Отец, если ты меня оставишь,—я умру.

Саниаси. Пусты мою руку. Не прикасайся ко мне. Я должен быть свободен.

(Убегает).

III

Саниаси сидит на камне у горной тропы. Проходит пастух с пением.

ПЕСНЯ

Не отворачивай лица, моя любовь.
Весна обнажила грудь,
Тайнами дышат цветы во мраке.
Листья лесные шуршат по всему небосводу,
Как будто рыдания ночи.
Приди, любовь, открой свое лицо.

Саниаси. Вечернее золото тает в сердце голубого моря. На горном склоне лес пьет последнюю чашу дневного света. Слева сквозь деревья видны деревенские хижины с зажженными вечерними огнями, словно окутанная покрывалом мать, стерегущая сон своих детей. Природа, ты моя рабыня. Ты распростерла свой пестрый ковер в просторном чертоге, где я сижу один, как царь, и смотрю, как ты пляшешь, и звездное ожерелье бряцает на твоей груди.

Пастушки проходят мимо с пением.

ПЕСНЯ ПАСТУШЕК

Песня звучит от темной реки и зовет меня.
 Я была счастлива, сидела дома.
 Но флейта запела в тихом воздухе ночи,
 И печаль пронзила мое сердце.
 О, тот, кто знает дорогу,—
 Скажи мне дорогу к нему.
 Я пойду к нему с моим цветком,
 Положу цветок к его ногам
 И скажу ему, что одно и то же—песня его и моя любовь.

(Уходят).

Саниаси. Я думаю, такой вечер нисходил ко мне раньше только раз за все мои рождения. Тогда любовь и музыка переливались через край его чаши, и я сидел с кем-то, память о чьем лице сохранилась в этой заходящей вечерней звезде. Но где моя маленькая девочка с темными печальными глазами, огромными от слез? Здесь ли она, не сидит ли у своей хижины, не следит ли в бесконечном одиночестве этого вечера за той же самой звездой? Но звезда зайдет, вечер закроет свои глаза в ночи, и слезы утихнут, и рыдания замолкнут во сне. Нет, я не вернусь назад. Пусть мировые сны воплощаются в свои образы. Я не нарушу их течения и не создам новых видений. Я буду созерцать, и думать, и знать.

Входит оборванная девушка.

Девушка. Ты здесь, отец?

Саниаси. Подойди, дитя, сядь со мной. Я бы хотел, чтобы этот твой зов относился ко мне. Кто-то звал меня отцом однажды, и голос был слегка похожим на твой. Отец отвечает теперь,—но где же тот зов?

Девушка. Кто ты?

Саниаси. Я—Саниаси. Скажи мне, дитя, кто твой отец?

Девушка. Он собирает хворост в лесу.

Саниаси. А есть у тебя мать?

Девушка. Нет. Она умерла, когда я была маленькой.

Саниаси. Любишь ли ты твоего отца?

Девушка. Я люблю его больше всего на свете. У меня никого нет, кроме него.

Саниаси. Я понимаю тебя. Дай мне твою маленькую руку, дай мне поддержать ее в моей ладони—в моей большой ладони.

Девушка. Саниаси, умеешь ты читать по ладони? Можешь ли ты прочесть по моей ладони, кто я такая и кем я буду?

Саниаси. Я думаю, что могу прочесть, но смутно понимаю значение прочитанного. Когда-нибудь я узнаю его.

Девушка. Теперь я должна идти навстречу отцу.

Саниаси. Куда?

Девушка. Где дорога входит в лес. Мы разойдемся, если он меня не встретит там.

Саниаси. Приблизь твою голову, дитя. Прежде чем ты уйдешь, я хочу дать тебе поцелуй благословения.

(Девушка уходит).

Входит мать с двумя детьми.

Мать. Какие здоровые и толстощекие дети у Мизари! Есть на что посмотреть. Чем больше я вас кормлю, тем тоньше вы становитесь с каждым днем.

Первая девочка. Но почему ты всегда упрекаешь нас за это, мать? Разве это наша вина?

Мать. Не говорю ли я вам, чтобы вы хорошенько отдыхали? Но вам вечно надо бегать.

Вторая девочка. Но, мать, мы бегаем по твоим поручениям!

Мать. Как ты смеешь мне так отвечать?

Саниаси. Куда ты идешь, дочь моя?

Мать. Привет тебе, отец, мы идем домой.

Саниаси. Сколько вас?

Мать. Моя свекровь, и мой муж, и еще двое детей, кроме этих.

Саниаси. Как вы проводите время?

Мать. Я сама не знаю, как проходит мой день. Мой муж идет в поле, а я присматриваю за домом. А вечером сажусь за пряжу с моими старшими девочками. (К девочкам). Подойдите и приветствуйте Саниаси. Благослови их, отец.

(Уходят).

Входят двое мужчин.

Первый мужчина. Друг, ступай назад отсюда. Не иди дальше.

Второй мужчина. Да, я знаю. Друзья встречаются на этой земле случайно, и случай несет нас вместе часть дороги, а потом приходит мгновение, когда мы должны расстаться.

Второй друг. Давай унесем с собой надежду, что мы разлучаемся с тем, чтобы встретиться снова.

Первый друг. Наши встречи и разлуки принадлежат к движениям мира. Звезды не обращают на нас особого внимания.

Второй друг. Приветствуйте звезды, которые соединили нас. Хотя бы на мгновение—это уже много.

Первый друг. Прежде, чем ты уйдешь, взгляни на минуту назад. Видишь ли ты слабый блеск воды во мраке и казуариновые деревья на песчаной отмели? Наша деревня превратилась в груды темных теней. Ты можешь видеть только огни. Можешь ли ты угадать, которые из этих огней наши?

Второй друг. Да, я думаю, что могу.

Первый друг. Этот огонь—последний прощальный взгляд прошедших дней на уходящего гостя. Немножко дальше вперед,—останется только темное пятно.

(Уходят).

Саниаси. Ночь становится черной и безлюдной. Она сидит, как покинутая женщина,—эти звезды ее слезы, превратившиеся в огонь. О, мое дитя, горе твоего маленького сердца навсегда наполнило печалью все ночи моей жизни. Твоя милая ласкающая рука оставила свое прикосновение в ночном воздухе,—я ощущаю его на моем лбу, он влажен от твоих слез. Милая, твои рыдания, преследовавшие меня, когда я бежал, остались в моем сердце, я буду носить их до смерти.

IV

Саниаси (на сельской тропинке). Прочь обеты Саниаси. Я ломаю мой посох и кружку для собирания милостыни. Пусть меня опять возьмет великолепный корабль—мир, плывущий по океану времени, пусть я снова примкну к пилигримам. О глупец, который искал спасения в одиноком плаваньи и отказался от света солнца и звезд, чтобы искать свой путь с лампадой светляка! Птица летит в небо не для того, чтоб улететь в пустоту, но чтоб вернуться назад к великой земле. Я свободен. Я свободен от бесплотных целей отрицания. Я свободен среди вещей, и образов, и назначений. Конечное есть действительная бесконечность, а любовь знает истину этого. Моя девочка, ты душа всего этого, я никогда не покину тебя.

Входит сельский старейшина.

Саниаси. Не знаешь ли ты, брат, где дочь Рагху?

Сельский старейшина. Она покинула село, и мы рады.

Саниаси. Куда она ушла?

Сельский старейшина. Ты спрашиваешь, куда. Ей все равно, куда она идет.

(Уходит).

Саниаси. Моя милая пошла искать нечто в пустом нигде. Она должна найти меня.

Входит толпа поселян.

Первый мужчина. Итак, сын нашего царя женится сегодня.

Второй мужчина. Скажи мне, когда свадебный час?

Третий мужчина. Свадебный час только для жениха и невесты. Что нам за дело до него?

Женщина. Но, не дадут ли они нам пирогов в честь счастливого дня?

Первый мужчина. Пирогов? Ты глупа! Мой дядя живет в городе,—я слышал от него, что мы получим простокваши и жареного рису.

Второй мужчина. Славно.

Четвертый мужчина. Но будет гораздо больше сыворотки, чем простокваши. Можете быть в этом уверены.

Первый мужчина. Моти, ты скучный малый. Сыворотка в простокваше на княжеской свадьбе?

Четвертый мужчина. Но мы сами не князья, Панху. Для нас, бедняков, простокваша всегда умеет превратиться в сыворотку.

Первый мужчина. Посмотри. Сын угольщика все еще занят своей работой. Этого мы не должны позволять.

Второй мужчина. Мы сожжем его в уголь, если он не выйдет наружу.

Саниаси. Знает ли кто-нибудь из вас, где дочь Рагху?

Женщина. Она ушла.

Саниаси. Куда?

Женщина. Не знаем.

Первый мужчина. Но мы уверены, что не она невеста нашего князя.

(Смеются и уходят).

Входит женщина с ребенком.

Женщина. Кланяюсь тебе, отец. Дай моему ребенку коснуться головой твоих ног. Он болен. Благослови его, отец.

Саниаси. Но, дочь моя, я больше не Саниаси. Не насмехайся надо мной твоим приветствием.

Женщина. Кто же ты? Что ты делаешь?

Саниаси. Я ишу.

Женщина. Ищешь? Кого?

Саниаси. Ищу мой потерянный мир. Знаешь ли ты дочь Рагху? Где она?

Женщина. Дочь Рагху? Она умерла.

Саниаси. Нет, она не могла умереть. Нет, нет.

Женщина. Но что для тебя ее смерть, Саниаси?

Саниаси. Не только для меня; это была бы смерть для всех.

Женщина. Я не понимаю тебя.

Саниаси. Она никогда не может умереть.

Перевел с английского

В. В. Гиппиус

САДОВНИК

THE GARDENER

Слуга. Смилуйся над слугой твоим, царица!

Царица. Собрание кончено, и все слуги мои ушли. Для чего пришел ты в такой поздний час?

Слуга. Когда ты покончила с другими, настала моя пора.

Я пришел просить той работы, что осталась на долю последнего слуги твоего.

Царица. Чего можешь ты ожидать, когда ты так опоздал?

Слуга. Сделай меня садовником цветника твоего.

Царица. Такое безумное желание!

Слуга. Я откажусь от всякой другой работы. Я заброшу в прах мои мечи и копьа. Не посылай меня ко дворам дальних царей; не вели замышлять новые завоевания. Но сделай меня садовником цветника твоего.

Царица. Что же ты будешь делать?

Слуга. Служить тебе в дни твоего досуга. Я буду заботиться о свежести травы, растущей на дорожке, по которой ты утром проходишь, где каждый шаг твоих ног будут приветствовать, славословя, жаждущие смерти цветы. Я буду качать тебя на качелях среди ветвей саптарны, а молодой месяц будет пробиваться сквозь листву, чтобы поцеловать край твоей одежды.

Я наполню благовонным маслом светильник, горящий у твоего ложа, и украшу скамью для ног твоих чудесными узорами из шафрана и сандала.

Царица. Какой ты хочешь награды?

Слуга. Дозволения держать твои маленькие, подобные почкам лотоса, кулачки и обвивать их цветочными гирляндами; окрашивать подошвы ног твоих красным соком липе-

стков ашоки и устами своими очищать их от пыли, которая могла бы случайно пристать к ним.

Цар и ца. Мольбы твои услышаны, слуга мой, ты будешь садовником моего цветника.

2.

„О, поэт, надвигается вечер; твои волосы седеют.

В своих одиноких размышлениях слышишь ли ты вести из загробного мира?

Вечер настал,—сказал поэт,—и я прислушиваюсь, потому что кто-нибудь может прийти из селенья, хотя теперь и поздно.

Я поджидаю, не встретятся ли два юных блуждающих сердца, и не попросят ли две пары жадных очей музыки, которая нарушила бы их молчание и говорила бы за них.

Кто создаст им их страстные песни, если я буду сидеть на берегу моря жизни, созерцая смерть и то, что за ней?

Ранняя вечерняя звезда заходит.

Огонь погребального костра медленно гаснет у тихой реки.

Хором воют под утро шакалы при свете луны во дворе заброшенного дома.

Если путник, покинувший дом свой, придет сюда созерцать ночь и прислушиваться, поникнув головою, к шорохам мрака,—кто нашепчет ему на ухо тайны жизни, если я, закрыв двери, буду пытаться освободить себя от смертных уз?

Пусть волосы мои седеют.

Я всегда так же молод и так же стар, как самый юный и самый старый житель этого селенья.

У иных улыбки кроткие и ясные, у других лукавые искры в глазах.

У иных слезы текут ручьем при свете дня, у других скрываются во мраке.

Все они нуждаются во мне, и некогда мне размышлять о загробной жизни.

Я каждому ровесник, не все ли равно, что волосы мои седеют?“

3.

Утром забросил я в море свой невод.

Из мрачной пучины я вытащил предметы, странные с виду и странной красы,—одни сияли, как улыбки, другие блестели, как слезы, а иные алели, как ланиты невесты.

Когда я вернулся домой с дневной добычей, моя возлюбленная сидела в саду, беспечно обрывая лепестки цветка.

На мгновение я поколебался, но затем положил к ногам ее все, что вытащил со дна морского, и молча стал возле.

Она взглянула на мою добычу и сказала: „Что за странные вещи? Я не знаю, на что они нужны!“

Со стыдом поник я головой и подумал: я не сражался из-за них, я не купил их на рынке; не годятся ей такие дары.

Потом я всю ночь напролет выбрасывал их одну за другой на улицу.

Утром пришли путники, подобрали их и унесли их в далекие страны.

4.

Горе мне, зачем построили они дом мой у дороги, вешушей на городской базар?

Они привязывают нагруженные лодки свои близ моих деревьев.

Они приходят, уходят и бродят кругом, когда им вздувается.

Я сижу и слежу за ними; протекает время мое.

Не могу я прогнать их. И так проходят дни мои.

Днем и ночью раздаются звуки их шагов у моих дверей.

Напрасно я кричу: „Я не знаю вас“.

Иные из них знакомы пальцам рук моих, других узнает мое обоняние, кровь в моих жилах как-будто знает их, а иные ведомы моим грезам.

Не могу я прогнать их. Я зову их и говорю: „Приходите в дом мой, если хотите. Да, приходите“.

Утром звонит колокол в храме.

Они приходят с корзинами в руках.

Ноги их красны, как розы.

Первые лучи рассвета озаряют их лица.

Не могу я прогнать их. Я зову их и говорю: „Приходите в мой дом все, кто хочет. Приходите“.

В полдень звучит гонг у дворцовых ворот.

Я не знаю, почему они бросают свою работу и толпятся около моей ограды.

Цветы в волосах их бледны и вянут; томны звуки их флейт.

Не могу я прогнать их. Я зову их и говорю: „Прохладно в тени моих деревьев. Приходите, друзья“.

Ночью стрекочут сверчки в лесах.

Кто это приближается медленно к дверям моим и тихо стучит?

Неясно вижу я лицо его, ни слова не произносим мы, тишина небес разлита вокруг.

Не могу я прогнать моего безмолвного гостя. Сквозь мрак смотрю я в лицо его,—и протекают часы моих грез.

5.

Я покоя не знаю. Томит меня жажда дальнего.

Исходит душа моя в страстном стремлении коснуться края туманных пространств.

О, Великая Запредельная Даль, о, пронзительный звук твоей флейты!

Я забываю, всегда забываю, что нет крыльев у меня для полета, что с этим клочком земли я навеки связан.

Я пылок и неусыщен, я чужеземец в чужой стране.

Дуновение твое доходит до меня, нашептывая несбыточную надежду.

Язык твой сердцу моему знаком, как родной.

О, Сокрытое в дали, о, пронзительный звук твоей флейты!

Я забываю, всегда забываю, что не знаю дороги, что нет у меня крылатого коня.

Я нерадивый и праздный скиталец в пустыне моего сердца.

В золотистом тумане часов томления—каким гигантским видением являешься ты на синеве небес!

О, Далекий Предел, о, пронзительный звук твоей флейты!

Я забываю, всегда забываю, что повсюду закрыты ворота в доме, где я живу одиноко!

6.

Ручная птица сидела в клетке, вольная птица летала в лесу. Они повстречались, когда настало время; так решила судьба.

Вольная птица воскликнула: „О, любовь моя, полетим вместе к лесу“.

Прошептала пленная птица: „Лети сюда, будем жить вместе в клетке“.

Сказала вольная птица: „Разве места довольно среди прутьев, чтобы крылья расправить?“

„Увы,—вскричала птица в клетке,—я не знала бы, где пристроиться мне на небе“.

Попросила вольная птица: „Дорогая, спой мне песни лесной стороны“.

Отвечала пленная птица: „Сядь со мной рядом, я научу тебя речи ученых“.

Лесная птица воскликнула: „Нет, о нет! Песням нельзя научить“.

„Увы мне,—сказала пленная птица,—не знаю я песен лесной стороны“.

Любовь их томится от страстных желаний, но не летать им крыло к крылу.

Сквозь прутья клетки смотрят они, и тщетно их желание познать друг друга.

Трепещут они крыльями в любовной истоме и поют: „Любовь моя, ближе ко мне“.

Воскликает вольная птица: „Не бывать тому, страшат меня закрытые дверцы клетки“.

Шепчет пленная птица: „Увы, мои крылья бессильны и мертвы“.

О, моя мать! Юный принц проедет сегодня у наших дверей,—как могу я заняться работой?

Покажи мне, как заплести мои косы; скажи, какое мне платье надеть.

Отчего ты глядишь на меня в изумлении, родная?

Я знаю сама, он ни разу не взглянет на мое окно, я знаю, что он промелькнет предо мной во мгновение ока; только флейты замирающий звук до меня донесется, рыдая вдали.

Но юный принц проедет у наших дверей, и для него я надену свой лучший наряд.

О, моя мать! Юный принц проехал у наших дверей и утра солнечный луч блеснул на его колеснице.

Я откинула с лица покрывало, сорвала с шеи рубиновое ожерелье и бросила под ноги его.

Отчего ты глядишь на меня в изумлении, родная?

Я знаю сама, что он моего ожерелья не поднял; знаю—его раздавили колеса, красным пятном осталось оно на дорожной пыли, и не знает никто, каков мой был дар и кому.

Но все же юный принц проехал у наших дверей, и драгоценный убор с груди моей бросила я под ноги его.

8.

Когда погас светильник у моего ложа, я проснулась с птицами ранними.

Я села у открытого окна со свежим венком на распущенных волосах.

Юный путник проезжал по дороге в розовом утреннем тумане.

Жемчужное ожерелье обвивало шею его, луч солнца упал на его венец. Он у двери моей остановился и спросил меня с пылкой страстью: „Где она?“

Застыдившись, я не могла сказать: „Это я, юный путник, это я!“

Смеркалось, и не был зажжен светильник.

Я задумчиво заплетала косу.

Юный путник приехал на своей колеснице, озаренный лучами заходящего солнца.

Пенились удила его взмыленных коней, и одежда его была покрыта пылью.

Он на землю сошел у двери моей и спросил утомленным голосом: „Где она?“

Застыдившись, я не могла сказать: „Это я, усталый путник, это я!“

Апрельская ночь. Горит светильник в моем покое.

Ветер тихо веет с юга; в клетке спит шумливый попугай.

Ткань на стане моем переливается, как павлинья шея, а покрывало мое зелено, как молодая трава.

Я сижу на полу у окна и смотрю на пустынную улицу.

Всю темную ночь напролет я про себя напеваю: „Это я, о, путник отчаявшийся, это я“.

9.

Когда ночью иду я одна на свидание с милым, умолкает пение птиц, затихает ветер, и дома по обе стороны улицы стоят в безмолвии.

Только запястья мои звенят на каждом шагу, и мне стыдно.

Когда я сижу на балконе и прислушиваюсь к его шагам, не шелестит листва на деревьях, и тихи воды реки, как меч на коленях уснувшего стража.

Только сердце мое трепещет и бьется, и не знаю я, как его утишить.

Когда приходит возлюбленный мой и садится возле меня, когда мое тело дрожит и опускаются веки,—ночь темнеет, ветер гасит светильник, и за тучи скрываются звезды.

Только убор драгоценный на груди моей сияет и светит. Я не знаю, как скрыть мне его.

10.

Оставь работу свою, невеста. Прислушайся,—гость пришел. Слышишь ли ты, как он тихо шевелит цепочкой у двери? Смотри, чтобы запястья твои не звенели громко, чтобы шаги твои не были слишком поспешны при встрече его. Оставь работу свою, невеста,—вечер настал, пришел гость.

Нет, то не призрак во образе ветра, невеста, не бойся. Полная светит луна весеннею ночью; на дворе тени бледны; ясна высота небес.

Покрывалом закрой лицо, если обычай таков; подойди со светильником к двери, если боишься.

Нет, то не призрак во образе ветра, невеста, не бойся.

Не говори с ним ни слова, если стыдишься; стань в стороне возле двери, когда его встретишь.

Если он будет вопросы тебе задавать, или ты пожелаешь спросить, можешь глаза опустить в молчании.

Не давай запястьям звенеть, когда со светильником в руке ты введешь его в дом.

Не говори с ним ни слова, если стыдишься.

Разве еще не кончила ты работы своей, невеста? Прислушайся,—гость пришел.

Разве в коровнике светильник еще не зажжен?

Разве не приготовила ты жертвенной корзины для службы вечной?

В пробор волос своих разве не сделала ты приносящей счастье красной метки и не надела уборов ночных?

О, невеста, слышишь ли ты,—гость пришел?

Оставь работу свою!

11.

Приходи, в чем ты есть; не мешкай над нарядом. Если косы твои расплелись и пробор твой неровен, если у стана твоего не завязаны ленты,—не беда. Приходи, в чем ты есть; не мешкай над нарядом.

Приходи, поскорей пробегай по траве.

Если красную краску смоеет роса с твоих ног, если ослабнет звон колокольчиков на ногах твоих и выпадут жемчужины из твоего ожерелья,—не беда.

Приходи, поскорей пробегай по траве.

Видишь ли ты, как тучи все небо покрыли?

Стаи журавлей летят с того берега реки, и буйные порывы ветра проносятся над кустами.

Испуганное стадо бежит в селенье к хлевам.

Видишь ли ты, как тучи все небо покрыли?

Тщетно ты зажигаешь светильник,—он мерцает и гаснет от ветра.

Разве можно заметить, что не подведены веки твои копотью?

Твои глаза темней грозowych облаков.

Тщетно ты зажигаешь светильник,—он гаснет.

Приходи, в чем ты есть; не мешкай над нарядом.

Что за беда, если венок не сплетен, если нет на запястье застежки?

Темные тучи покрыли все небо; близится ночь.

Приходи, в чем ты есть; не мешкай над нарядом.

12.

Если ты работать захочешь и наполнить водой свой кувшин, приходи ко мне на озеро, о приходи!

Вода прильнет к твоим ногам и будет журчать о тайнах своих.

Надвигается дождь, и ложится тень на песок, облака низко нависли над синей полоской лесов, как густые волосы твои над бровями.

Мне знаком хорошо ритм шагов твоих, он в сердце моем отдается.

Приходи ко мне на озеро, о приходи, если надо тебе водой наполнить кувшин.

Если ты захочешь полениться и сидеть задумчиво, свой кувшин оставив плавать на воде, приходи ко мне на озеро, о приходи!

Зеленеет поросший травой откос, и цветам полевым нет числа.

Из глаз твоих темных будут думы твои, как птицы из гнезд, вылетать.

Упадет покрывало к ногам твоим.

Приходи ко мне на озеро, о приходи, если хочешь посидеть на досуге.

Если оставить захочешь ты свои игры и в воду нырнуть, приходи ко мне на озеро, о приходи!

Пусть нежит твой синий плащ на берегу; синяя вода покроеет тебя и скроет.

Приподымутся волны на цыпочках и станут целовать твою шею и нашептывать в ухо.

Приходи ко мне на озеро, о приходи, если захочешь в воду нырнуть.

Если тебе суждено с ума сойти и броситься смерти в объятья, приходи ко мне на озеро, о приходи!

Прохладно оно и бездонно.

Как сон безгрезный, глубоко оно.

Там, в его глубине, дни и ночи—одно, а песни—молчание.

Приходи ко мне на озеро, о приходи, если захочешь найти свою смерть на волнах.

13.

Я ни о чем не просил, только стоял на опушке лесной, за деревом.

Еще не проснулась заря, и роса не осела.

Густым запахом влажной травы был напоен прозрачный туман над землей.

Под смоковницей ты доила корову своими сильными и нежными руками.

А я стоял недвижимо.

Я не промолвил ни слова. Слышалось пение птицы, невидимой в чаще.

Манговое дерево осыпало своими цветами дорогу в селенье, и одна за другой пролетали жужжащие пчелы.

Открылись двери храма Шивы на берегу пруда, и священнослужитель начал свои песнопения.

Держа сосуд у колен, ты доила корову.

Я стоял с пустой кружкой.

Я не подошел к тебе.

Раздался звук гонга в храме, и небо проснулось.

Поднялась пыль на дороге от проходящего на пастбище стада.

От реки прошли женщины, звонко булькающие кувшины оперев о бедра.

Звенели запястья твои, и молочной пеной покрылись края кувшина.

Проходило утро, а я не подошел к тебе.

14.

Я шел вдоль дороги, сам не знаю зачем, когда полдень уже миновал и листья бамбука шелестели от ветра.

Наклонные тени распростертыми руками ловили светлые пятна, пробегавшие по земле.

Козли утомились от песен.

Я шел вдоль дороги, сам не знаю зачем.

У реки стояла хижина под тенью ветвистого дерева.

Какая-то женщина занималась работой, и в углу музыкально звенели ее запястья.

Я стоял перед этой хижинкой, сам не знаю зачем.

Узкая извилистая дорога пересекает много горчичных полей и манговых лесов.

Она проходила мимо сельского храма и базара у речной пристани.

Я остановился около этой хижины, сам не знаю зачем.

Много лет назад был мартовский день, когда тихо веял ветер и томительны были весенние шороха, а цветы манго осыпались на пыльную землю.

Журчащая вода плескалась и билась о медный сосуд, стоявший на ступеньке пристани.

Я вспоминаю об этом ветреном мартовском дне, сам не знаю почему.

Сгущаются тени, и возвращается стадо к своим хлевам.

Серебрятся пустынные дуга, и на берегу поселяне ожидают паромов.

Я медленно возвращаюсь по той же дороге, сам не знаю зачем.

15.

Я бегу, как бежит в лесу мускусный олень, обезумевший от собственного благоухания.

Ночная пора в середине мая, ветер тихо веет с юга.

Я сбиваюсь с пути, я блуждаю, ищу, чего не могу достичь, достигаю, чего не ищу.

Из сердца выходит и колыхнется предо мной образ моих желаний.

Сверкающий призрак порхает.

Я стараюсь крепко схватить его, но он ускользает и сбивает меня с пути.

Я ищу, чего не могу достичь, достигаю, чего не ищу.

16.

Рука задержалась в руке, глаза загляделись в глаза; так началась повесть наших сердец.

Лунной мартовской ночью воздух насыщен сладким запахом хенны; флейта моя лежит на земле и забыта; гирлянда твоя не докончена.

Эта любовь между мной и тобою проста, как песнь.

Твое покрывало цвета шафрана пьянит мои взоры.

Венок из жасмина, тобой для меня сплетенный, мне душу, как похвала, волнует.

Мы как-будто играем, давая и вновь отнимая, открывая и пряча опять; порою улыбки, порою стыдливость, и сладки нам усилия тщетной борьбы.

Эта любовь между мной и тобою проста, как песнь.

Нет для нас тайн; мы живем настоящим, без мечтаний несбыточных; ничто не омрачает нашего очарования, и не заглядываем мы в темные глубины.

Эта любовь между мной и тобою проста, как песнь.

Мы не стремимся уйти от миров многозвучных в молчание вечности; не простираем мы рук к пустоте, силясь найти невозможное.

Нам довольно того, что мы даем и что получаем.

Гроздья радости не выжали мы еще и не пьем еще из них вино страданий.

Эта любовь между мной и тобою проста, как песнь.

17.

Желтая птица поет у них на дереве, и радостью сердце мое трепещет.

Мы оба живем в одном селении, и только в этом все наше счастье.

Пара ее любимых агнят приходит в наш сад щипать траву в тени деревьев.

Если они забредут в наше ячменное поле, я на руках уношу их.

Ханджанā называется наше селенье, река — Анджанā зовется.

Имя мое всем известно в селеньи, а ее зовут Ранджанā.

Нас разделяет одно только поле.

Пчелы роятся в нашей роще, а за медом летают к ним.

Цветы, упавшие в воду со ступенек их пристани, плывут по реке до места, где мы купаемся.

Корзины сушеных цветов кусма с их полей продаются на нашем базаре.

Ханджанā называется наше селенье, а река — Анджанā зовется.

Имя мое всем известно в селеньи, а ее зовут Ранджанā.

К дому их вьется тропинка, и весной цветы манго там льют аромат свой.

Когда у них лен созревает для жатвы, в нашем поле цветет конопля.

Звезды с улыбкой на дом их глядят и те же взгляды, мигая, нам посылают.

Дождь, наполняющий их водоем, веселит наш кадамовый лес.

Ханджанā называется наше селенье, а река Анджанā зовется.

Имя мое всем известно в селеньи, а ее зовут Ранджанā.

18.

Когда сестры вдвоем за водой идут, то приходят сюда, и обе сестры улыбаются.

Они знают, должно быть, что кто-то стоит там за деревом всякий раз, как они за водой идут.

Что-то шепчут друг другу сестры, когда они здесь проходят.

Разгадали, должно быть, тайну того, кто стоит там за деревом всякий раз, как они за водой идут.

Наклоняются вдруг их кувшины, и вода из них проливается, как только они до этого места дойдут.

Узнали, должно быть, как бьется сердце того, кто стоит там за деревом всякий раз, как они за водой идут.

Бросят взгляд друг на друга, подойдя к тому месту, и улыбнутся.

Быстро убегают сестры со смехом и приводят в смущение того, кто стоит там за деревом всякий раз, как они за водой идут.

19.

Ты шла по тропинке вдоль берега с полным кувшином в руках.

Зачем ты быстро повернулась ко мне и украдкой взглянула из-под развевающегося покрывала?

Этот взгляд, сверкнувший в тени твоего покрывала, — как ветерок, пробегающий рябью по водной струе до тенистого берега.

Подобен он был ночной птице, быстро пролетевшей по неосвященной комнате от одного открытого окна до другого и исчезнувшей во мраке ночи.

Ты скрылась, как звезда, за холмами, а я, прохожий, остался на дороге.

Но зачем ты остановилась на мгновение и взглянула в лицо мое сквозь покрывало, когда шла по тропинке с полным кувшином в руках?

20.

День за днем он приходит и уходит.

Иди, мой друг, и дай ему цветок, приколотый к моим волосам.

Если он спросит, кто прислал его, умоляю тебя, не называй моего имени, потому что он только приходит и уходит.

Он сидит под деревом на пыльной земле.

Устрой там сиденье из цветов и листьев, мой друг.

Печальны глаза его и печалят они мое сердце.

Не говорит он о том, что думает; только приходит и уходит.

21.

Что ему вздумалось, юному страннику, подходить к моей двери поутру на заре?

Когда вхожу в дом и выхожу из дома, мимо него всякий раз я иду, и не оторвать мне глаз от лица его.

Не знаю, должна ли я с ним говорить, или молчать. Что ему вздумалось приходить к моей двери?

Темны пасмурные ночи в июле; осенью небо нежно-голубое; не знают покоя весенние дни от южного ветра.

Всякий раз он поет свои песни новым напевом.

Я бросаю работу, и глаза мне туман застилает. Что ему вздумалось приходить к моей двери?

22.

Мимо меня проходила она быстрым шагом, и край ее платья коснулся меня.

Из неизведанной глубины чужого мне сердца вдруг повеяло будто теплым дыханием весны.

Чуть коснулась она меня, и миг исчезла, как лепесток цветка, уносимый ветром.

Прикосновение это отдалось в моем сердце, как вздох ее тела и шопот сердца.

23.

Зачем ты сидишь там и звенишь запястьями, забавляясь беспечно?

Наполни кувшин. Пора возвращаться домой.

Зачем ты плещешь руками в воде и на дорогу бросаешь взгляды, будто ищешь кого-то, забавляясь беспечно?

Наполни кувшин и иди домой.

Утро проходит,—темнеет и прибывает вода.

Волны смеются и шепчутся друг с другом, забавляясь беспечно.

Бегущие облака спустились на небосклоне над дальними холмами.

Они толпятся и с улыбкой смотрят в твое лицо, забавляясь беспечно.

Наполни кувшин и иди домой.

24.

Не храни про себя тайну сердца, мой друг!

Расскажи ее мне, только мне одному,—нас никто не услышит.

С улыбкою кроткой своей, прошепчи мне тихонько,—я услышу тебя не ушами, а сердцем.

Ночь темна, дом безмолвен, птицы в гнездах крепко заснули.

Прерывая слова слезами, улыбаясь сквозь слезы, подавляя сладостный стыд и муку, расскажи мне тайну сердца, мой друг!

25.

„Подойди к нам, юноша, скажи нам по правде, отчего безумье в твоих глазах?“

„Не знаю, что за вино из дикого мака я выпил, что такое безумье в моих глазах“.

„Как стыдно!“

„Что же, мудры одни и глупы другие, одни осторожны, другие беспечны. У иных улыбки в глазах, у иных слезы, в моих же глазах безумье!“

„Юноша, почему ты стоишь так тихо под тенью дерева?“

„Ноги мои утомились от тяжести сердца, и тихо стою я в тени“.

„Как стыдно!“

„Что же, иные идут по пути своему все вперед, другие же медлят, одни свободны, другие в оковах, а ноги мои утомились от тяжести сердца“.

26.

„Я возьму, что рука твоя даст мне охотно. Ни о чем ином не прошу“.

„Да, я знаю тебя, скромный нищий, ты просишь отдать все, что есть“.

„Если лишний найдется цветок для меня, я буду носить его в сердце“.

„А если будут на нем шипы?“

„Я стерплю эту боль“.

„Да, я знаю тебя, скромный нищий, ты просишь отдать все, что есть“.

„Если раз лишь один ты с любовью подымешь свой взор на меня, жизнь мне сладостной будет до смерти“.

„Но если мой взор будет только жесток?“

„Он пронзит мне сердце навек“.

„Да, я знаю тебя, скромный нищий, ты просишь отдать все, что есть“.

27.

„Верь любви, если даже она приносит горе. Не замыкай сердца своего“.

„О нет, мой друг, темны слова твои, я не могу понять их“.

„Сердце живет для того лишь, чтоб отдавать со слезою и с песней, дорогая моя“.

„О нет, мой друг, темны слова твои, я не могу понять их“.

„Радость не прочна, как капля росы, — смеется еще, а уже умирает. Но печаль сильна и не скоро проходит. Пусть бодрствует печальная любовь в глазах твоих“.

„О нет, мой друг, темны слова твои, я не могу понять их“.

„Лотос цветет под лучами солнца и теряет все, что имеет. Он не остался бы в бутоне под туманами вечной зимы“.

„О нет, мой друг, темны слова твои, я не могу понять их“.

28.

Глаза твои вопрошают печально. Они стараются понять меня, подобно тому, как луна стремится измерить своими лучами глубину океана.

Перед взором твоим я до конца обнажил свою жизнь, не утаил ничего и не скрыл. Вот почему ты не знаешь меня.

Будь это только алмаз дорогой, я мог бы его расколоть на сотню кусков, нанизать из них ожерелье и обвить им шею твою.

Будь это только цветок полевой, душистый и нежный, я мог бы сорвать его и вколоть в твои волосы.

Но это — сердце, дорогая моя. Безбрежно оно и бездонно.

Пределы этого царства неведомы даже тебе, царице его.

Будь это только миг наслаждения, он расцвел бы нежной улыбкой, и ты легко могла бы увидеть его и понять.

Будь это только страдание, оно растворилось бы в чистых слезах, и без слов отразилось бы в них его сокровенная тайна.

Но это — любовь, дорогая моя.

Безграничны ее наслаждения и муки, бесконечно бедна и богата она.

Ты ей так же близка, как сама себе, но всей силы ее не узнать тебе никогда.

29.

Говори со мной, милый. Расскажи мне простыми словами, о чем ты пел.

Ночь темна. В облаках скрылись звезды. Ветер вздыхает в листе.

Я распущу свои волосы. Мой плащ голубой закроет меня, как ночь. Я прижму к груди твою голову; и там, в сладком уединении, пусть сердце твое изольет свои жалобы. Я закрою глаза и буду внимать им. На лицо твое не взгляну.

Когда все слова будут сказаны, мы будем сидеть безмолвно и тихо. Только деревья будут шептать во мраке.

Побледнеет ночная тьма. Заря загорится. Поглядим мы друг другу в глаза и разойдемся по разным путям.

Говори со мной, милый. Расскажи мне словами простыми, о чем ты пел.

30.

Ты вечернее облако, плывущее по небесам моих грёз.

Страстным томлением любви моей вечно вновь создаю я твой образ.

Ты моя, ты моя, ты живешь в бесконечных грёзах моих.

Пыл желаний моих краснорозовым светом окутал ноги твои, о жница вечерних песен моих.

Сладостно-горьки уста твои от вина моей скорби.

Ты моя, ты моя, ты живешь в одиноких грёзах моих.

Тенью страсти моей омрачил я глаза твои, ты всегда в глубине созерцаний моих.

Я поймал и опутал тебя, дорогая, сетью песен моих.

Ты моя, ты, моя, ты живешь в бессмертных грёзах моих.

31.

Мое сердце, птица пустыни, обрело свое небо в твоих глазах.

В них зарождается утро, в них звездное царство.

Песни мои погрузились в их глубину.

Дай мне только парить в этом небе, в его беспредельной пустыне.

Дай мне только рассечь его облака и крылья расправить в лучах его солнца.

32.

Скажи мне всю правду, возлюбленный мой, скажи мне всю правду.

Когда глаза эти молнии мечут, мрачные тучи в твоей груди грозой отвечают.

Правда ли, что уста мои нежны, как раскрытая почка, как проблески первой любви?

Воспоминания весенних дней сохранились ли в членах моих?

В земле, как в арфе, родятся ли песни, когда я ногами касаюсь ее?

Правда ли, что ночь роняет капли росы из глаз, когда видит меня, и что радуется утренний луч, тело мое обвивая?

Правда ли, правда ли, что любовь твоя, по мирам одиноко скитаясь веками, искала меня?

Что когда ты нашел меня наконец, вековые желания твои нашли покой утolenия в моих нежных речах, и очах, и устах, и в длинных моих волосах?

Правда ли, правда ли, что здесь, на маленьком лобике этом, Бесконечного тайна начертана?

Правда ли это, скажи мне, возлюбленный мой?

33.

Я люблю тебя, милый. Прости мне любовь мою.

Я попалась, как птица, потерявшая путь свой.

Когда сердце мое задрожало, покрывало упало с него, и оно обнажилось. Состраданием покрой его, милый, и прости мне любовь мою.

Если не можешь меня полюбить, мой милый, прости мне муку мою.

Не бросай на меня издали косых взглядов.

Украдкой уйду я в свой уголок и буду сидеть во мраке.

Руками своими прикрою свой стыд обнаженный.

Отвернись от меня, мой милый, и прости мне муку мою.

Если ты любишь меня, возлюбленный мой, прости мне радость мою.

Когда прилив счастья унесет от меня мое сердце, не улыбайся над моим самозабвением.

Когда я воссяду на трон и своенравная любовь моя будет властвовать тобой беспредельно, когда, как богиня, я окажу тебе милость, стерпи гордость мою, мой милый, и прости мне счастье мое.

34.

Не уходи, дорогой, не спросив у меня позволения.

Я всю ночь не спала, и теперь меня клонит ко сну.

Я боюсь лишиться тебя, когда сплю.

Не уходи, дорогой, не спросив у меня позволения.

Я вскакиваю и протягиваю руки, чтобы осязать тебя. Спрашиваю себя: не сон ли это?

Если бы только могла я сердцем своим твои ноги опутать и крепко держать их у груди моей!

Не уходи, дорогой, не спросив у меня позволения.

35.

Чтобы мне не узнать тебя слишком легко, ты играешь со мной.

Ты слепишь меня искрами смеха, чтобы скрыть свои слезы.

Знаю я, знаю коварство твое.

Никогда ты не скажешь того, что хочешь сказать.

Чтобы я не превозносил тебя слишком высоко, ты меня всегда избегаешь.

Чтобы я с толпой не смешал тебя, ты стоишь в стороне.

Знаю я, знаю коварство твое.

Никогда не пойдешь ты тропой, какой хочешь идти.

Ты требуешь больше, чем все другие,—вот почему ты молчишь.

Ты с небрежною шуткой бросаешь дары мои.

Знаю я, знаю коварство твое.

Никогда не возьмешь ты, что хочешь взять.

36.

Он прошептал: „Дорогая, взгляни на меня“.

С брезгливым укором сказала я: „Ступай“; но он не двинулся с места.

Он стоял предо мной и держал обе руки мои. Я сказала: „Оставь меня“,—а он не ушел.

Он приблизил лицо свое. Взглянув на него, я сказала: „Как стыдно“; но не тронулся он.

Губы его коснулись моей щеки. Я вздрогнула и сказала: „Ты слишком смел“; но не было стыдно ему.

Он приколот цветок к моим волосам. Я сказала: „Напрасно“; но он стоял неподвижно.

Он снял гирлянду с шеи моей и ушел. Я зарыдала и сердце свое спросила: „Почему не идет он обратно?“

37.

Ты хочешь надеть мне на шею венок свой из свежих цветов, красавица?

Но знать ты должна, что единственный мною сплетенный венок предназначен для многих,—для тех, кто является нам мимолетно, кто живет в неведомых странах или в песнях поэта.

Поздно просить мое сердце в обмен на твое.

Было когда-то время, когда моя жизнь была почке подобна, в сердцевине которой был собран весь ее аромат.

Он развеян теперь по свету.

Знает ли, кто те чары, которыми можно собрать его снова?

Не мое это сердце, не могу я отдать его только одной,—оно отдано многим.

38.

Возлюбленная моя, однажды поэт твой спустил на море своей души большую ладью — эпическую поэму.

Увы, по моей неосторожности, она ударилась о звенящие на ногах твоих запястья и опрокинулась.

Она разбилась на тысячи песен, и обломки лежат у ног твоих.

Весь мой груз — преданий о древних битвах — разметали смеющиеся волны; он вымок в слезах и потонул.

Ты должна вознаградить меня за эту утрату, возлюбленная.

Если разбиты мои притязания на бессмертную славу за гробом, дай мне бессмертье, пока я живу.

И я не буду горевать о своей утрате и не буду корить тебя.

39.

Я все утро пытался сплести венок, но цветы не держались и падали.

Ты сидела, украдкой наблюдая за мной исподлобья зоркими своими очами.

У этих глаз, замысливших злую проказу, спроси, кто повинен в моей неудаче.

Я пытался спеть песню, но тщетно.

От скрытой улыбки дрожали твои уста; у них спроси, кто повинен в моей неудаче.

Пусть улыбающиеся уста твои поклонятся сказать правду

и поведают, как погрузился мой голос в молчание, подобно пчеле, что в лотосе застряла, опьяненная медом.

Вечер настал, и цветам пора закрывать лепестки.

Разреши мне сесть возле тебя и устам моим закажи такую работу, чтобы можно было заняться ею в молчании, при свете мерцающих звезд.

40.

Недоверчивая улыбка порхает у глаз твоих, когда прихожу я проститься.

Я так часто прощался, что ты знаешь — я скоро вернусь.

По правде сказать, у меня самого возникает сомнение.

Ведь весенние дни возвращаются к нам в свое время; полнолуние проходит и вновь наступает; появляются снова цветы, ежегодно краснея на ветках, и похоже на то, что и я попрощаюсь и скоро вернусь.

Но пока — сохрани обаяние обмана, не спеши рассеять его.

Когда я прощаюсь с тобой навек, признай это правдой, и пусть на мгновение слеза затуманит глубокий твой взор.

Потом улыбайся как хочешь лукаво, когда я вернусь.

41.

Страстно хочу я высказать глубоко затаенные слова, которые должен сказать тебе; но не смею, боясь, что ты будешь смеяться.

Вот почему я смеюсь над собой и шутя разбиваю в обломки тайну свою.

С презрением отношусь я к скорби моей, твоего опасаясь презрения.

Страстно хочу я сказать тебе самые правдивые слова, которые должен тебе сказать; но не смею, опасаясь, что ты не поверишь им.

Вот почему облакаю я их в личину неправды, говоря обратное тому, что хочу сказать.

Я заставляю скорбь мою казаться нелепой, страшась, что ты сделаешь ее такой.

Страстно хочу я произносить самые драгоценные слова, какие только есть у меня для тебя, но не смею, боясь, что не получу взамен равноценных.

Вот почему я резко обращаюсь с тобой и хвалюсь грубой силой своей.

Я огорчаю тебя, боясь, что никогда не узнаешь ты скорби и муки.

Страстно желаю я молча сидеть близ тебя; но не смею, боясь, чтобы сердце мое не разверзало уста.

Вот почему я шучу и болтаю, словами скрывая сердце свое.

Суров я к скорби своей, боясь, что ты сурова к ней будешь.

Страстно хочу я прочь уйти от тебя; но не смею, боясь, что трусость мою ты поймешь.

Вот почему я высоко держу голову и прихожу к тебе с таким беспечным видом.

Непрестанные удары взоров твоих ранам сердца моего не дают затянуться.

42.

О, безумец хмельной и неистовый!

Если ногой распахнешь ты двери свои и начнешь дурачиться на потеху зевакам;

Если все, что есть у тебя в кошельке, спустишь ты в одну ночь, насмехаясь над благоразумием;

Если пойдешь ты путем необычным, забавляясь ненужностями;

Не зная меры, презирая рассудок;

Если распустишь ты паруса перед бурей и сломаешь руль пополам,—

Тогда я последую за тобой, товарищ,

Буду пить я и сгину бесследно.

В обществе мудрых, степенных соседей напрасно растратил я ночи и дни.

Голова поседела от глубоких познаний, глаза ослабели от бессонных ночей.

Долгие годы я собирал и копил обломки и крохи.

Топчи их, пляши на них и все по ветру развей.

Потому что я знаю: мудрости верх—напиться и сгинуть бесследно.

Пусть исчезнут уродства пустых предрассудков, пусть безнадежно собьюсь я с пути.

Пусть закружусь я в безумном порыве и сорвусь с якорей.

В мире много достойных людей, полезных, способных и трудолюбивых.

Одни без усилий идут впереди, другие скромно следуют сзади.

Пусть счастливы будут они и преуспевают, а я хочу быть никудышником.

Потому что я знаю: конец всех трудов—напиться и сгинуть бесследно.

Клянусь: уйду я отныне от общества приличных людей. Я отбросил гордыню учености, я не знаю отныне добра и зла.

Я развею память о прошлом, не пролив ни одной слезы. Красной пеной вина я залью и наполню весельем свой хохот.

Все приметы приличья степенного я сейчас же в клочья порву.

Дам священный обет быть беспутным, быть пьяницей и сгинуть бесследно.

43.

Нет, друзья, что бы вы ни сказали, в отшельники я не пойду.

Отшельником никогда я не буду, если вместе со мной она обета не даст.

Я твердо решил, что, если для покаяния не найду я приюта тенистого и верной подруги, в отшельники я не пойду.

Нет, друзья, никогда я не покину своего очага и крова, не удалюсь в пустыню лесов, если в тени их не будет веселый смех раздаваться и не будут края покрывала цвета шафранного развеваться по ветру; если нежный шопот не будет безмолвия их углублять.

В отшельники я не пойду.

44.

Преподобный отец, прости двух грешников этих. Буйным вихрем несутся сегодня весенние ветры, крутят и гонят пыль и опавшие листья; а вместе с ними разлетелись и все твои наставления.

Не говори, отец, что жизнь суета.

Ибо мы заключили теперь перемирие со смертью, и обоем нам лишь на несколько благоуханных часов бессмертье дано.

Если бы даже царское войско пришло и яростно напало на нас, мы печально покачали бы головой и сказали: братья, вы нам мешаете. Если вам уже непременно надо забавляться этой шумной игрой, ступайте и бряцайте оружием в другом месте, ибо лишь на несколько мимолетных мгновений дано нам бессмертье.

Если бы пришли и толпой окружили нас друзья, мы почтительно поклонились бы им и сказали: такое чрезмерное счастье стесняет нас. Мало места в том беспредельном небе, где находится наша обитель. Ибо весенней порой появляется множество цветов, и хлопотливые пчелы сталкиваются крылами друг с другом. Наше маленькое небо, в котором живем только мы, двое бессмертных, до нелепости тесно.

45.

Гостям пора уходить; с миром их отпусти и смети все следы их шагов.

С улыбкой прижми к своей груди все, что легко, и просто, и близко.

Сегодня призраков праздник, не знающих времени смерти своей.

Пусть будет твой смех лишь весельем пустым, как светлые блески на водных струях.

Пусть жизнь твоя весело пляшет на грани времен, как роса на краешке листка.

Ударь по струнам своей арфы порывистым, быстрым аккордом.

46.

Ты ушла от меня и своею дорогой пошла.

Я думал, что буду горевать по тебе, что в сердце своем сохраню одинокий твой образ в золотом сиянии песен.

Но увы, быстро летит скоротечное время.

Год за годом уходит юность, мимолетны весенние дни; попусту гибнут недолговечные цветы, и мудреца предостерегающий голос говорит мне, что жизнь только капля росы на листе лотоса.

Могу ли я всем этим пренебречь и глядеть вслед за той, что ушла от меня?

Это было бы недостойно и глупо, ибо время летит скоротечно.

Приходите же, дождливые ночи мои, и стучите ко мне в окно; улыбнись, золотая осень моя, приходи, беззаботный апрель, рассыпая вокруг поцелуи.

Все приходите, и ты, и ты, и ты тоже!

Возлюбленные мои, вы знаете, что мы смертны. Разумно ли разбить свое сердце из-за той, которая прочь унесла свое сердце?

Ибо время летит скоротечно.

Сладко сидеть в углу, мечтать и стихами писать о том что ты—весь мой мир.

Достойно героя лелеять печаль свою и твердо решиться быть безутешным.

Но в дверь заглянула ко мне молодая головка и глаза на меня подняла.

Мне остается одно — осушить свои слезы и песнь свою новым напевом начать.

Ибо время летит скоротечно.

47.

Если тебе так угодно, я прекращу свое пение.

Если взор мой приводит в трепет сердце твое, я отвернусь от тебя.

Если внезапная встреча заставляет тебя вздрогнуть в испуге, я пойду стороной, избрав другую тропинку.

Если я мешаю тебе плести венки, в твой одинокий сад я забуду дорогу.

Если река от весел моих бурлит и волнуется, я не буду проезжать в моей лодке мимо твоего берега.

48.

Сними с меня узы ласк твоих, дорогая! Довольно вина поцелуев.

В тумане тяжелых благовоний задыхается грудь.

Двери открой,пусти утренний свет.

Весь я—твой, я опутан тенетами ласк.

Сними с меня чары свои и верни мое мужество, чтобы мог я отдать тебе свое освобожденное сердце.

49.

Я держу ее руки и к груди прижимаю ее.

Я пытаюсь в объятья заключить ее прелесть, поцелуями нежность улыбки похитить и выпить глазами глубину ее взоров.

Но где же все это? Кто мог бы от неба отделить синеву?
Я хочу захватить красоту, но она ускользает, оставляя
лишь тело в моих объятьях.

Я ухажу, утомленный, обманутый.

Разве может тело коснуться цветка, доступного только
касанию духа?

50.

Любовь моя, долгие ночи и дни мое сердце страстно
стремится к встрече с тобой, встрече, подобной всепогло-
щающей смерти.

Как буря, смети меня прочь; возьми все, что есть у меня;
сон мой прерви и лиши меня сновидений. Отними у меня
весь мой мир.

Опустошенным, до конца обнаженным духом дай мне
слиться с тобой в красоте.

Увы, тщетны мои стремления! Господи, только в тебе
обрести уповаю единство!

51.

Кончай же последнюю песню и разойдемся.

Забудь эту ночь, когда тьма ночная рассеется.

Кого пытаюсь я заключить в объятья? Ведь грёзу нельзя
удержать.

Руки страстно прижимают к сердцу пустоту, и грудь
моя надрывается.

52.

Отчего погасла лампада?

Я прикрыл ее плащом своим, защищая от ветра,—вот
отчего погасла лампада.

Отчего же завял цветок?

Я прижал его к сердцу с беспокойной любовью,—вот
отчего завял цветок.

Отчего не стало воды в ручье?

Я устроил плотину на нем для удобства и пользы моей,—
вот отчего не осталось воды в ручье.

Отчего оборвалась на арфе струна?

Я старался заставить струну прозвучать свыше силы ее,—
вот отчего оборвалась на арфе струна.

53.

Зачем ты стыдишь меня взглядом?

Я не пришел как нищий.

Только час мимолетный простоял я в конце твоего двора
за садовой оградой.

Зачем ты стыдишь меня взглядом?

Не взял я в саду ни единой розы, ни одного плода не
сорвал.

Я смиренно укрылся в тени на дороге, где каждый про-
хожий может стоять.

Я не сорвал ни единой розы.

Да, мои ноги устали, и дождь пошел проливной.

Ветер выл, качая ветви бамбука.

Облака бежали по небу, будто спасаясь бегством от по-
ражения.

Ноги мои устали.

Не знаю, за кого ты меня принимала или кого ожидала,
стоя у двери.

Молнии яркие вспышки слепили глаза твои, зорко гля-
девшие.

Мог ли я думать, что ты увидишь меня в темноте, где
стоял я?

Не знаю, за кого ты меня принимала.

Кончился день, и дождь перестал на мгновение.

Я ухажу из-под тени в конце сада растущих деревьев,
где я сидел на траве.

Стемнело; закрой свою дверь; я ухажу дорогой своей.
Кончился день.

54.

Куда поздно вечером спешишь ты с корзиной, когда кон-
чился торг на базаре?

Все разошлись по домам с своей ношей; сквозь листья
деревьев глядит луна на селенье.

Эхо голосов, зовущих паром, отдается за темной рекой
на дальнем болоте, где спят дикие утки.

Куда ты спешишь с корзиной, когда кончился торг на
базаре?

Сон рукою своею закрыл глаза земли.

Затихли вороньи гнезда, и шелест бамбуковых листьев замолк.

Земледельцы, вернувшись с полей, во дворах расстилают циновки.

Куда ты спешешь с корзиной, когда кончился торг на базаре?

55.

Полдень был, когда ты ушел.

Яркое солнце сияло на небе.

Окончив работу, я сидела одна на балконе, когда ты ушел.

Порывами ветра ко мне доносило запахи с дальних полей.

В тени ворковали без усталости голуби; пчела залетела ко мне и, жужжа, рассказывала новости дальних полей.

Селение спало в полуденном зное. Пустынна была дорога.

По листве внезапно проносился шелест—и затихал.

Я глядела на небо и ткала на его синеве буквы когда-то знакомого имени, а селение спало в полуденном зное.

Я забыла заплести свои косы. Тихий ветер играл ими томно на щеке моей.

Протекала спокойно река вдоль тенистого берега.

Ленивые белые облака не двигались.

Я забыла заплести свои волосы.

Полдень был, когда ты ушел.

Накапилась дорожная пыль, и поля задыхались от зноя.

В густой листве ворковали голуби.

Я сидела одна на балконе, когда ты ушел.

56.

Я была лишь одна из тех многих женщин, которые заняты мелкими домашними заботами.

Для чего ты выбрал меня и увел из скромного приюта заурядной жизни?

Священна любовь невысказанная. Она блестит, как драгоценный камень, во тьме сокрытого от взоров сердца. При свете любопытного дня она кажется жалкой и тусклой.

Увы, ты разорвал покровы моего сердца и извлек на

свет мою трепетную любовь, навеки разрушив тенистый угол, где скрывала она свое гнездо.

Другие женщины не изменились.

Никто не заглянул в глубины души их, и сами они не знают тайны своей.

Им легко улыбаться и плакать, болтать и работать. Каждый день они ходят в храм, зажигают лампы и носят воду с реки.

Я надеялась, что любовь мою не постигнет жуткий стыд бесприютности, но ты отвернулся от меня.

Да, пред тобой открыта дорога, но мне ты отрезал путь к возвращению и покинул меня обнаженной. И своими вечно раскрытыми глазами мир смотрит на меня день и ночь.

57.

Я сорвал твой цветок, о мир!

Я прижал его к сердцу, и шипы укололи меня.

Когда день погас и стемнело, я заметил, что цветок мой завял, но боль осталась.

Много цветов, ароматных и пышных, будет еще у тебя, о мир!

Но для меня прошло уже время цветы собирать, и нет у меня, во мраке ночном, розы моей,—только боль остается.

58.

Однажды утром в цветнике слепая девушка принесла мне цветочную гирлянду, обернутую листом лотоса.

Я надел ее на шею, и слезами наполнились глаза мои.

Я поцеловал девушку и сказал: „Ты слепа, как цветы.

Ты не знаешь сама, как прекрасен твой дар“.

59.

О женщина, ты творение не только божьих рук, но и мужских; они всегда наделяют тебя красотой сердец своих.

Поэты ткнут для тебя ткани из нитей золотых призраков; художники придают твоему образу вечно новое бессмертие.

Море отдает жемчуги свои, горы—свое золото, летние сады—цветы свои, чтобы украсить, прикрыть тебя, сделать еще драгоценней.

Вожделения сердец мужских излили сияние свое на юность твою.

Ты наполовину женщина и наполовину мечта.

60.

Среди суеты и грохота жизни, ты стоишь в стороне, красота, изваянная в камне, одиноко, безмолвно и тихо.

Великое Время, сияя у ног твоих, шепчет влюбленно:

„Говори со мною, возлюбленная; говори, невеста моя!“

Но слова твои замкнуты в камне, о Красота Недвижимая!

61.

Успокойся, сердце мое, пусть сладко будет время прощания.

Пусть оно будет не смертью, но завершением.

Пусть перельется любовь в воспоминания, а страдания — в песни.

После полета по небу пусть сложатся крылья в гнезде.

Пусть касание последнее рук твоих будет нежно, как ночные цветы.

Остановись на мгновение, Прекрасный Конец, и в безмолвьи скажи свое последнее слово.

Пред тобой я склоняюсь и высоко светильник держу, освещая твой путь.

62.

Шествую смутной тропой грёзы, пошел я искать возлюбленную, что была моей в одно из прежних моих воплощений.

Дом ее стоял в конце безлюдной улицы.

Тихо веял вечерний ветер, любимый павлин ее дремал на своем насесте, и голуби затихли в углу.

Она поставила светильник у калитки и стояла передо мной.

Она подняла на меня большие глаза свои и без слов спросила: „Как поживаешь, друг мой?“

Я хотел ответить, но язык наш был давно уже забыт и потерян.

Я думал и, думая, не мог припомнить наших имен.

На глазах ее заблестали слезы. Она протянула мне правую руку. Я взял ее и стоял безмолвно.

Наш светильник дрогнул от вечернего ветра и погас.

63.

Путник, разве пора тебе ехать?

Ночь тиха, и над лесом сгущается мрак.

Светильники яркие на нашем балконе, еще свежи цветы, и не спят молодые глаза.

Разве настало время отъезда?

Путник, разве пора тебе ехать?

Наши молящие руки не связали твоих ног.

Дверь пред тобою открыта. Конь твой оседлан и стоит у ворот.

Мы пытались преградить тебе путь только песнями нашими.

Только глазами старались тебя удержать.

Путник, заставить тебя оставаться бессильны мы. У нас есть только слезы.

Что за неутолимое пламя пылает в глазах твоих?

Какая горячка, не зная покоя, струится в крови?

Чей голос, зовущий из тьмы, торопит тебя?

Каких заклинаний ужасных слова прочитал ты на звездах небесных, что ночь с запечатанной тайною вестью вошла в твое сердце, равнодушно-безмолвное?

Если тебя не влекут собранья веселые, если ты ищешь покоя, усталое сердце, мы погасим светильники, наши арфы замолкнут.

Мы будем безмолвно сидеть в темноте, внимая шелесту листьев, и утомленный месяц будет лить к тебе в окно лучи свои бледные.

О, путник, какой беспокойный дух коснулся тебя, придя из полуночной тьмы?

64.

Я провел день свой на пыльной дороге, накаленной от зноя.

Теперь, в вечерней прохладе, я стучусь у двери гостиницы. Она безлюдна и совсем развалилась.

Безобразное дерево ашат протянуло свои тощие, цепкие корни сквозь зияющие в стенах трещины.

Было когда-то время, когда путники приходили сюда омыть свои усталые ноги.

Они расстилали циновки во дворе при тусклом свете молодого месяца, сидели и беседовали о дальних странах.

Когда они, освеженные сном, пробуждались утром, птицы радовали их своим пением, и цветы приветливо кивали им головой с края дороги.

Но меня не ждал зажженный светильник, *когда я пришел сюда.

Черные пятна копоти давно забытых светильников пристально, как глаза слепцов, глядят со стены.

Светляки мелькают в кустах у засохшего пруда, и ветви бамбука бросают тени свои на дорожку, травую поросшую.

Я никому не гость в конце дня своего.

Долгая ночь предо мною. Устал я.

65.

Ужели я снова слышу твой зов?

Вечер настал. Усталость обвила, словно любящие, неотступно-молящие руки.

Ты зовешь меня?

Я отдал весь день жестокой любви твоей, так надо тебе и ночь отнять у меня?

Ведь когда-нибудь приходит всему конец, и уединение ночи по праву принадлежит человеку.

Неужели твой голос должен прервать ночную тишь и поразить меня?

Не поет разве вечер у двери твоей колыбельных песен?

Разве звезды на крыльях беззвучных не взлетают на небо над твоей безжалостной башней?

Не падают разве цветы в нежных объятиях смерти на землю в твоём саду?

Зачем тебе звать меня, беспокойная?

Так пусть же печальные очи любви бодрствуют тщетно и плачут.

Пусть светильник горит в удаленном от взоров доме.

Пусть паром перевозит домой поселян утомленных.

Своих грез не беру я с собой и спешу на твой зов.

66.

Безумный скиталец бродил в поисках чудесного камня, обращающего в золото все, к чему он прикоснется. Темные кудри его растрепались и запылились; тело его исхудало и походило на тень; губы его были сжаты так же крепко, как крепко были закрыты двери его сердца. Горящие глаза его были похожи на огоньки светляка, разыскивающего подругу.

Перед ним ревел беспредельный океан.

Болтливые волны без усталости говорили о скрытых сокровищах, насмехаясь над невежеством, не понимавшим смысла их слов.

Может быть, у него уже не осталось надежды, но все-таки он не хотел успокоиться, потому что поисками он только и жил.

Подобно океану, простирающему к небу объятия за недостижимым,

Подобно звездам, в круговом движении своем стремящимся все же к цели, навеки недостижимой,—

Безумец с темными запыленными кудрями продолжал блуждать по пустынному берегу в поисках чудесного камня.

Однажды подошел к нему мальчик из ближнего селенья и спросил: „Скажи мне, откуда у тебя эта золотая цепь на поясе?“

Вздрогнул безумец,—цепь, бывшая когда-то железной, оказалась из настоящего золота; это был не сон, но он не знал, когда произошла перемена.

Он яростно ударил себя по лбу,—где, о где же, сам того не зная, добился он успеха?

У него вошло в привычку подбирать кремни и прикасаться ими к цепи, а потом бросать их, не посмотрев, произошла ли какая-нибудь перемена; таким образом безумец нашел и потерял чудесный камень.

Солнце низко склонилось к западу, небо отливало золотом.

Безумец повернул назад и направился снова искать потерянное сокровище,—с ослабевшими силами, с согбенной спиной и сердцем, поверженным во прах, подобно дереву, вырванному с корнем.

67.

Хотя надвигается вечер медленным шагом и знак подает всем песням умолкнуть;

Хотя подруги твои на покой удалились и ты утомилась;
Хоть страхи таятся во мраке и лик небесный закрылся
покровом,—

Все же, птичка, о птичка моя, послушай совета, не складывай крыльев.

То не тень лесная в густой листве, это море вздулось,
подобно мрачной, черной змее.

То не ветки цветущих жасминов колышались мерно, это
сверкает пена морская.

О, где веселый зеленый берег, где же гнездо твое?

Птичка, о птичка моя, послушай совета, не складывай
крыльев.

Ночь глухая лежит на пути твоём, спит заря за холмами
тенистыми.

Звезды считают часы, затаив дыхание, бледный месяц
плывет по ночным глубинам.

Птичка, о птичка моя, послушай совета, не складывай
крыльев.

Нет для тебя ни надежды, ни страха.

Нет ни слова, ни шопота, ни восклицания.

Нет ни дома, ни покойного ложа.

Только и есть у тебя, что твои два крыла, да небо, где
нет ни дорог, ни тропинок.

Птичка, о птичка моя, послушай совета, не складывай
крыльев.

68.

Вечно никто не живет, о брат мой, и долго ничто не
длится. Запомни это и радуйся.

Наша жизнь—не все то же старое бремя, наш путь—не
все то же шествие вдаль.

Не дано одному и тому же поэту петь все ту же песнь
вековую.

Вянет цветок и умирает; но тот, кто носит цветок, не
должен его оплакивать вечно.

Брат мой, запомни это и радуйся.

Звуки должны порой замолкать, совершенство напеву давая.

Жизнь, склоняясь к закату, в тенях золотых утопает.

Надо любовь оторвать от игры, чтобы горя испытать и
вознестись к небу слез.

Брат мой, запомни это и радуйся.

Мы спешим собирать цветы, чтобы их не унес пронося-
щийся ветер.

Кровь струится быстрее, ярче блещут глаза, когда по-
целуи срываем; если промедлим, исчезнут они.

Жизнь порывиста, жадны желания, ибо колокол времени
напоминает о разлуке.

Брат мой, запомни это и радуйся.

Нет времени нам хватать, сокрушать и бросать все во
прах.

Быстро мчатся часы, в складках одежд скрывая грёзы
свои.

Наша жизнь коротка; лишь немногие дни уделяет она
любви.

Если бы смысл ее был в труде и тяжелой работе, бес-
конечно долгой была бы она.

Брат мой, запомни это и радуйся.

Красота нам мила, ибо пляшет она под мимолетный на-
пев нашей жизни.

Знание ценно для нас, ибо мы никогда завершить не
успеем его.

Все исполнено, все закончено в Небе вечности.

Но земные цветы обольщений вечно свежими смерть со-
храняет.

Брат мой, запомни это и радуйся.

69.

Я охочусь за золотым оленем.

Вы можете улыбаться, друзья мои, но я преследую при-
зрак, ускользающий от меня.

Я бегу по холмам и долинам, скитаюсь по неведомым
странам, потому что охочусь за золотым оленем.

Вы отправляетесь на базар за покупками и нагруженные
товаром возвращаетесь домой, но меня коснулись чары бес-
приютных ветров, сам не знаю где и когда.

Нет у меня на сердце заботы, я далеко за собой оставил
все свое добро.

Я бегу по холмам и долинам, скитаюсь по неведомым
странам, потому что охочусь за золотым оленем.

70.

Я помню, как в детстве однажды я пускал по канаве
бумажную лодку.

Был сырой июльский день; я был один и наслаждался своей игрой.

Я пускал свою бумажную лодку по канаве.

Внезапно сгустились грозовые тучи, налетели порывы ветра, и потоками хлынул дождь.

Ручьи мутной воды устремились в канаву, наполнили ее до краев и потопили мою лодку.

С горечью размышлял я о том, что буря налетела нарочно, чтобы помешать моему счастью; только на меня обрушилась вся ее злоба.

Долго тянулся сегодня пасмурный июльский день, и я думал о всех тех играх моей жизни, когда я был в проигрыше.

Я долго укорял судьбу за все те шутки, которые она сыграла со мной, и вдруг вспомнил о бумажной лодке, потонувшей в канаве.

71.

Еще не кончился день, и ярмарка не закрыта, — та ярмарка, что бывает на берегу реки.

Я боялся, что зря потратил время и потерял последний свой грош.

Но нет, брат мой, осталось кой-что. Судьбой не совсем я обобран.

Кончилась купля-продажа.

Обе стороны всё собрали, что им причиталось, и пора мне домой.

Но, привратник, за выход ты требуешь пошлин?

Не бойся, осталось кой-что. Судьбой не совсем я обобран.

Бурей грозит стихший ветер, и нависшие с запада тучи добра не сулят.

Замолкла река и ждет ветра.

На тот берег спешу перебраться, пока ночь меня не застала.

Ты платы просишь, паромщик?

Да, брат, осталось кой-что. Судьбой не совсем я обобран.

У края дороги под деревом нищий сидит. Увы, он с робкой надеждой глядит на меня.

Разбогатеет я сегодня от прибылей, думает он.

Да, брат, осталось кой-что. Судьбой не совсем я обобран.

Ночь стемнела, и дорога стала безлюдной. В листьях блещут светляки.

Кто ты, что следом за мной крадучись тихо шагаешь?

А! я знаю, ты хочешь силой отнять у меня все мои барыши. Не обману ожиданий твоих.

Ведь осталось кой-что, и судьбой не совсем я обобран.

В полночь добрался до дома. Пришел с пустыми руками.

У двери моей ты ожидаешь меня и глядишь беспокойно, волнуясь безмолвно.

Как пугливая птичка, на грудь ко мне кинулась ты с пылкой любовью.

Боже мой! Да, много осталось. Судьбой не совсем я обобран.

72.

После многих дней тяжелого труда воздвиг я храм. Не было в нем ни дверей, ни окон, толстые стены его были сложены из огромных камней.

Я забыл обо всем остальном, я бежал от всего света, в восторженном созерцании я не отводил взоров от изваяния, которое я поставил на алтаре.

В храме царил вечная ночь, и он освещался лампадами с благовонным маслом.

Непрестанно возносившийся дым фимиама окутывал мое сердце своими тяжелыми клубами.

Не зная сна, высекал я на стенах причудливые изображения с запутанными и загадочными очертаниями, — крылатых коней, цветы с человеческими лицами, женщин, извивавшихся, как змеи.

Нигде не было оставлено прохода, через который могло бы проникнуть пение птиц, шелест листьев или гул работающих поселян.

Только заклинания мои отдавались эхом под темным куполом.

Ум мой стал пронизательным и спокойным, как острое пламени, мои чувства замирали в восторге.

Я не замечал, как шло время, пока не упал на храм камень с неба и боль не пронзила моего сердца.

Лампада казалась бледной и пристыженной; высеченные на стенах изображения, словно скованные грезы, бессмысленным взором уставились на свет, будто желая скрыться.

Я взглянул на изваяние, стоявшее на алтаре. Я увидел, как оно улыбается; я понял, что оно живет животворным соприканием с божеством. Заточенная мною ночь расправила крылья и улетела.

73.

Не беспредельны богатства твои, всевыносящая и печальная Матерь-Земля!

Тяжко трудишься ты, чтобы наполнить рты своим детям, но пищи едва хватает.

Веселия дар, припасенный тобою для нас, никогда не бывает полон.

Ты детям своим игрушки даришь, но хрупки они.

Всех наших жадных надежд ты не в силах насытить, но разве за это могу я покинуть тебя?

Улыбка твоя, затемненная мукой, отрадна для глаз моих.

Любовь твоя, не ведающая полноты осуществления, сердцу мила.

Грудь земная вскормила в нас жизнь, но не бессмертье; вот почему глаза твои бодрствуют вечно.

Век за веком работаешь, расцветивая мир красками и песнями, но не построено еще небо твое, лишь печальный намек на него перед нами.

Творений твоих красота туманом окутана слез.

В безгласное сердце твое я изолюю свои песни, а любовью своей сольюсь с твоею любовью.

Тяжким трудом буду почесть тебе воздавать.

Я видел твой нежный лик и люблю твой печальный прах, Матерь-Земля.

74.

В чертогах мира простая былинка сидит на одном ковре вместе с солнечным лучом и с полуночными звездами.

Так и песням моим в сердце мира—тот же почет, что музыке облаков и лесов.

Но твоим богатствам, богач, нет места в простом величии золотой солнечной радости и в нежном мерцании мечтательной луны.

Не изливается на них благословение всеобъемлющих небес.

И когда появляется смерть, они бледнеют, блекнут и рассыпаются прахом.

75.

В полночь человек, собравшийся сделаться отшельником, объявил:

„Теперь настало для меня время покинуть свой дом и пойти искать бога. О, кто так долго держал меня здесь в заблуждении?“

Бог прошептал: „Я“, но заткнуты были уши того человека.

Жена его, с младенцем, заснувшим у груди ее, мирно почивала на краю ложа.

Человек сказал: „Кто вы, дурачившие меня так долго?“ Снова голос сказал: „Это бог“, но он не услышал.

Младенец вскрикнул во сне и теснее прижался к матери.

Бог приказал: „Остановись, глупец, не покидай дома своего“, но тот опять не услышал.

Бог вздохнул: „Зачем слуга мой уходит искать меня, отступив от меня?“

76.

Ярмарка около храма была в самом разгаре. С раннего утра шел дождь, и день приближался к вечеру.

Всего светлее в веселой толпе была светлая улыбка девочки, купившей за грош свисток из пальмового листа.

Пронзительной радостью свистел свисток, разносясь над общим смехом и шумом.

Бесконечное множество людей сошлось здесь и толкалось в толпе. Дорога была грязная, вода в реке поднялась, поля затопило от беспрерывно шедших дождей.

Но не было во всей этой толпе горя сильнее, чем горе маленького мальчика, у которого не было гроша, чтобы купить раскрашенную палочку.

Его задумчивые глаза, устремленные на лавку, делали таким жалким все это людское сборище.

77.

Рабочий и его жена, переселившиеся сюда с запада, копают глину для выделки кирпичей на заводе.

Их маленькая дочь ходит к реке на пристань; там она без конца чистит и перетирает котелки и тазы.

Братишка ее, с бритой головой и загорелым голым телом, запачканным в грязи, ходит следом за ней и, послушный ее приказанию, терпеливо ожидает ее на высоком берегу.

Она возвращается домой с полным кувшином на голове и с блестящим медным котелком в левой руке, поддерживая правой рукой ребенка,— эта крошечная помощница матери преисполнена серьезности, сознавая всю важность домашних забот.

Однажды я увидел, как этот голый мальчик сидел, вытянув ноги.

Сестра его была у реки и горстью земли терла кружку, поворачивая ее во все стороны.

Недалеко от них на берегу щипал траву ягненок, покрытый мягкой шерстью.

Он подошел к тому месту, где сидел мальчик, и вдруг громко заблеял; ребенок вскочил и закричал.

Сестра его бросила свою работу и подбежала к нему.

Одной рукой она подняла своего брата, а другой—ягненка и, разделяя свои ласки между ними, связала общим союзом любви потомство животного и человека.

78.

То было в мае. Душный полдень казался бесконечно долгим.

Сухая земля потрескалась от жажды в полуденном зное.

Вдруг я услышал со стороны реки голос, зовущий: „Иди сюда, милый!“

Я закрыл свою книгу и окно отворил, чтобы взглянуть.

Я увидел стоящего у реки огромного буйвола с кожей, запачканной грязью, с кроткими, покорными глазами, и юношу, по колена в воде, приглашающего его купаться.

Я весело улыбнулся, и нежное чувство разлилось в сердце моем.

79.

Я часто задаю себе вопрос—как познают друг друга человек и животное, не знающее словесной речи?

В каком первозданном раю на заре творения пролежала та простая дорога, по которой души их общались друг с другом?

Следы этого постоянного общения не изгладились, хотя родство их давно забыто.

Иногда музыка без слов вдруг пробуждает смутное воспоминание, и животное смотрит в лицо человека с нежным доверием, а человек глядит в его глаза радостно и любовно.

Кажется, будто встретились переодетые друзья и сквозь личину смутно узнают друг друга.

80.

Взглядом одним своих глаз завладеть ты могла бы всеми богатствами тех песнопений, какими звучат арфы поэтов, прекрасная женщина!

Но не склоняешь ты слуха к их славословью,—вот почему я пришел славословить тебя.

К стопам своим ты могла бы повергнуть самых гордых людей мира.

Но ты предпочла сама обожать любимцев своих, неведомых славе,—вот почему я обожаю тебя.

Совершенные руки твои прикосновением своим могли бы царскую роскошь озарить блеском славы.

Но ты пыль вытираешь ими и чистишь скромный свой дом,—вот почему исполнен я благоговения.

81.

Зачем ты мне на ухо шепчешь так робко, Смерть, о моя Смерть?

Как только под вечер цветы закрывают свои лепестки и стадо приходит домой, ко мне ты являешься тайно и слова говоришь, непонятные мне.

Разве так ты должна домогаться меня и прельщать, усыпляя дурманом шопота и холодными поцелуями, Смерть, о моя Смерть?

Разве не будет пышных торжеств на нашей свадьбе?

В темные кудри свои не вплетешь ты разве гирлянды?

Разве никто пред тобой не будет нести твоё знамя, и ночь не будет пылать красным пламенем факелов, Смерть, о моя Смерть?

Приходи, твоих раковин трубные звуки пусть раздаются, приходи в бессонную ночь.

Надень на меня пурпурный покров, за руку схвати и веди.

Пусть у двери моей стоит твоя колесница, и кони пусть ржут в нетерпении.

Подними мое покрывало и гордо взгляни мне в лицо, Смерть, о моя Смерть!

82.

Нам суждено в эту ночь насмеяться над смертью, жене новобрачной моей и мне.

Ночь темна, причудливо носятся тучи по небу, волны бушуют на море.

Сновидений ложе покинув, мы дверь распахнули и вышли из дома, я и моя новобрачная.

Мы уселись с ней на качели, и бурные вихри с силой толкали нас сзади.

В восторге и страхе вскочила моя молодая жена и, вся задрожав, тесно прильнула ко мне.

Я долго ее успокаивал с нежною лаской.

Из цветов я устроил ей ложе и двери закрыл, чтобы свет не смел ее потревожить.

Нежно ее целовал я в уста и тихо нашептывал в ухо, пока, в томлении, сил не лишилась она.

Она погрузилась в беспредельный туман смутной неги.

Не отзывалась, когда я касался ее, песни мои не могли ее пробудить.

Ночью до нас долетел из пустыни бури призыв.

Вздрогнув, моя молодая жена поднялась, схватила руку мою и вышла из дома.

Ветер кудри ее разметал, покрывало откинул с лица, шелестел гирляндой цветов на груди у нее.

Смерть толкнула ее в объятия жизни.

Мы навек неразлучны, будем жить душа в душу, моя молодая жена и я.

83.

Она жила на склоне холма, у края кукурузного поля, около родника, который весело струился под печальной тенью вековых деревьев. Сюда приходили женщины со своими кувшинами, и путники обыкновенно присаживались здесь отдохнуть и побеседовать. Она работала и мечтала день за днем под звуки журчащего ручья.

Однажды вечером пришел незнакомец с заоблачной вершины горы; кудри его были спутаны, как сонные змеи. В изумлении мы спросили: „Кто ты?“ Он ничего не ответил, только сел у болтливого ручья и молча устремил свои взоры на хижину, где она жила. Сердца наши трепетали от страха, и с наступлением ночи мы вернулись домой.

На другой день утром, когда женщины пришли за водой к роднику под деодаровыми деревьями, они увидели, что двери ее хижины открыты, но не слышно было ее голоса, не видно было ее смеющегося лица. На полу лежал пустой кувшин, и светильник в углу догорел. Никто не знал, куда она скрылась еще до рассвета,—а незнакомец исчез.

В мае солнце стало греть сильнее, снег растаял, и мы сидели у родника и плакали. Нам хотелось знать: есть ли родник в той стране, куда она ушла, и может ли она наполнить свой сосуд в эти жаркие безводные дни? И в ужасе

мы спрашивали друг друга: есть ли земля за холмами, где мы живем?

Была летняя ночь; тихий ветер веял с юга; и я сидел в ее заброшенной комнате, где стоял все еще незажженный светильник. И вдруг передо мной исчезли холмы, как раздвинутая в стороны занавесь... Ах, это она идет. „Здорова ли ты, дитя мое? Счастлива ли ты? Но где же тебе найти приют под этим открытым небом? И, увы, нет там нашего ручья, чтобы утолить твою жажду“.

„Здесь то же самое небо,—сказала она,—но его не загораживают холмы, тот же ручей, обратившийся в реку, та же земля, раскинувшаяся равниной“. „Все там есть,—ответил я со вздохом,—только нас нет“. Она улыбнулась печально и сказала: „Вы в сердце моем“. Я пробудился и услышал журчание ручья и шелест деодаров среди ночи.

84.

По зеленым и желтым рисовым полям проносятся тени осенних облаков, и, преследуя их, быстро мчится за ними солнце.

Пчелы забыли высасывать мед; опьяненные светом, они бессмысленно носятся в воздухе и жужжат.

Утки на островах посреди реки радостно кричат.

Пусть никто не уходит домой сегодня утром, братья, пусть никто не работает.

Возьмем приступом синее небо и, бегом проносясь, завладеем пространством.

В воздухе носится смех, как пена на волнах.

Братья, потратим наше утро на бесполезные песни!

85.

Кто ты, читатель, читающий мои поэмы столетие спустя?

Я не могу послать тебе ни единого цветка из всего богатства этой весны, ни единого золотого луча из дальних тех облаков.

Открой, свою дверь и взгляни вокруг.

В цветущем саду своем собери благоуханные воспоминания о цветах, умерших сто лет назад.

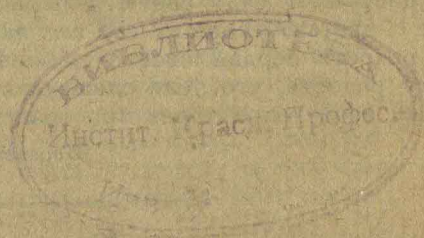
В радости сердца своего ты почувешь, быть может, живую ту радость, что пела однажды в весеннее утро, посылая веселый свой голос через пространство столетия.

Перевел с английского

Д. П. Носович

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАН.
Жертвоприношение	7
Царь темного покоя	33
Саниаси	87
Садовник	103

852

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ПЕТЕРБУРГ
Моховая №36